

Стефан Хёллер

Гностицизм

Предисловие

Эта книга представляет собой краткое и благожелательное описание доктрины и духовной составляющей Гностической традиции. В двадцатом веке гностицизм уже перестал быть просто древним учением и стал предметом, все более и более привлекающим внимание различных людей во множестве мест и в любой сфере жизни. На сегодняшний день многие умы ощущают родство с гностицизмом и сами постигают на опыте знания гностиков, которые не представлялись с тех пор, как великие гностические Мастера изложили свои прозрения во втором и третьем веках после Рождества Христова.

Еще пятьдесят лет назад, большинство из тех, кто был вовлечен в гностические исследования, могли уклоняться от серьёзного рассмотрения гностицизма. Их возможные возражения могли быть следующими:

(1) гностицизм является угасшей традицией, и судить о нем мы можем лишь приблизительно;

(2) гностицизм настолько пессимистичен, что неуместен в текущем веке прогресса;

(3) гностицизм является сплетением умозрительных представлений, никак не связанных со здравым смыслом и опытом;

В определенном смысле, можно сказать, что ни одна религиозная традиция не является вымершей. Прозрение, что выходит за границы океана человеческой души, подобно расширяющемуся кругу в бассейне, который вызван падением камня. Оно всегда исходит извне, даже когда наши чувства не замечают этого. Подобно этому, гностическая мудрость продолжает оказывать влияние на человеческое мышление и интуицию. При этом неважно, признаем мы её источником этого влияния или нет. Большая часть альтернативной духовности Запада в определенной степени связана с гностицизмом или является его производной (примечательно, что никто иной, как Папа Иоанн Павел II, в своей книге «Переступая порог надежды» (90), признает «возвращение древних гностических идей под видом так называемой эпохи New Age»). Таким образом, прямо среди нас мы наблюдаем выживание и возрождение идей Гностицизма. Относительно их мы можем привести метафору: метафору реки. Чем ближе мы приближаемся к источнику, тем чище вода. Если мы хотим открыть для себя гностическую мудрость в ее первоначальном виде, то мы должны обратиться к первоисточнику. Именно к этому и стремится настоящая работа.

Так называемый пессимизм гностического мировоззрения стал камнем преткновения для многих критиков. Век или даже полвека назад, западная культура была полна надежд. Развитие науки в сочетании со стремлением развития человека действовали подобно опьяняющему напитку, распространяя оптимистичное настроение. Потрясения от двух мировых войн и сопровождающие их психологические потрясения заставили нас задуматься еще раз. Более поздние события еще более подтверждают хрупкость оптимистичного мышления. В начале нового тысячелетия мы сталкиваемся с отрезвляющими обстоятельствами: самолеты, которые когда-то считались вестниками «глобальной деревни», стали разрушительными орудиями. Письма, рассылаемые почтовой службой, оказались смертоносными устройствами. «В подростковом возрасте все мы американцы», - писал

Ивлин Во в своих дневниках, - «Но умираем французами». Это о том, как наивный оптимизм сменяется мрачным реализмом в результате опыта. Такое взросление нашей культуры может заставить нас еще раз оценить гностицизм.

В своих попытках дискредитировать Гностицизм, его ранние и влиятельные критики изображают эту традицию как некое изобилие бесполезных философствований и продукт чрезмерно развитого воображения. Эти суждения серьезно оспариваются некоторыми ведущими мыслителями девятнадцатого и двадцатого веков. Когда библеистика нашла много ценного в гностических писаниях, философы-феноменологи и экзистенциалисты вынуждены были признать, что они с гностицизмом стоят на общем основании. Во многих отношениях, наиболее мощные усилия для реабилитации гностической мысли приложил замечательный психолог К.Г.Юнг, который воспринял оригинальные образы коллективного бессознательного в Гностических писаниях, тем самым удостоверив подлинность происхождения и содержания гностических откровений.

Настоящая работа публикуется ровно двадцать лет спустя после моей первой большой книги «Гностический Юнг и семь наставлений мертвым». В ней я изучил исключительный интерес Юнга к гностицизму, а также отметил многочисленные сходства между аналитической психологией Юнга и гностицизмом. Моя работа, в целом, была воспринята благоприятным образом юнгианским сообществом и в общем смысле рассматривается как новаторское исследование Юнга и гностицизма. (Одна из моих самых дорогих вещей – это письмо, адресованное мне 3 января 1989 года сыном Юнга, Франсом, в котором он любезно поблагодарил меня за то, что я объясняю позицию его отца касаясь гностической традиции. Письмо сопровождалось оригиналом, неофициально распечатанной копией «Семь наставлений мертвым» - тот самый трактат, на котором основана моя книга). Некоторые вопросы взаимосвязи Юнга и гностицизма прояснялись для меня на протяжении многих лет, и они рассматриваются в настоящей работе.

Юнг рассматривал гностиков, как мистиков, которые ясно выразили свои соображения в форме мифов. Он хотел восстановить эти мифы, равно как и иные мифы – эту его задачу подхватили коллеги: Карл Кереньи, Генрих Циммер и Джозеф Кэмпбелл. Будучи психологом, Юнг предпочитал скорее психологическую, нежели метафизическую интерпретацию религиозных мифов. Это означает, что он выступал против широко распространенного религиозного толкования Библии, которое считал конкретистским и редуционистским. Эта позиция Юнга относительно смысла мифов сыграла важную роль в его положительной заинтересованности гностиками. Гностические мифы с большей легкостью выражают себя в символической, нежели буквальной трактовке.

Именно здесь возникает определенная трудность. Юнг утверждает, что его символическая интерпретация мифов не претендует на метафизическую истину. Гностицизм, с другой стороны, занимает странную область между религией и тем, что сегодня называется психологией. Эта та область, где душа и дух встречаются, и та, где сны и видения становятся опытом освобождения. Гностические мифы, с их символами и метафорами, наполнены одновременно и психологическим и метафизическим смыслом. Часто они предстают в виде бесконечных петель, где психологический смысл указывает на метафизический, а тот вновь возвращает нас к индивидуальной душе. Космология и психология, божества и архетипы, метаморфозы – иногда указывающие друг на друга, порой сливающиеся воедино только для того, чтобы затем разделиться вновь. Читатели этой книги могут вновь и вновь сталкиваться с загадочным обстоятельством – истории гностических мифов и их герои одновременно могут относиться и к области глубинной психологии, и к области религии. В отличие от Юнга, гностики предъявляют требования к метафизической истине в толковании своих мифов, хотя они также указывают пути толкования, которые сегодня могут быть

рассмотрены глубинной психологией. Наиболее вероятное разрешение этой загадки – это точка зрения о том, что гностические мифы могут быть интерпретированы в обоих, внутриспсихическом и внешнем смыслах, и что обе эти интерпретации могут быть верными, одновременно сосуществуя друг с другом. Пожалуй, и та, и другая модель, с чем бы Юнг, безусловно, согласился, являются лишь попыткой сформулировать, выразить и сформировать невыразимое. Было бы замечательно, если бы читатель держал в уме эти соображения в процессе чтения данной работы.

Эта книга не является преимущественно академическим исследованием. Я постарался свести к минимуму сноски и документирование, расширив список рекомендованной литературы и прокомментировав его для удобства читателей. Формат и стиль этой книги гораздо более простой, нежели в других моих работах, даже проще, чем бы мне хотелось. Причина этого в том, что она должна послужить лишь введением в предмет нашего обсуждения. Гностицизм предназначен не только для ученых и верующих. Как и другие эзотерические системы обучения, его можно сравнить с океаном, на мелководье которого может резвиться ребенок, а опытный ныряльщик – проникать в его глубины. Тем не менее, невозможно написать книгу с названием «Гностицизм для чайников». Данный вопрос не из тех, который познается элементарно, а скорее требует определенной тонкости мышления и интуитивного восприятия.

Можно сказать пару слов и об иллюстрациях. Ввиду недолгой открытой деятельности и длительного подпольного существования, очень немногое из сакрального искусства может быть отнесено к гностицизму. Вполне вероятно, что существовали гностические иконы, которые были уничтожены во времена гонений. Тем не менее, алчность преследователей не позволила им уничтожить огромное количество драгоценностей на талисманах гностического происхождения. Их конструкция демонстрирует некие символические формы, часто изображающие существ, упоминаемых в гностической мифологии. Большинство из этих драгоценных камней находится в частных коллекциях, и являются недоступными для репродукции. К счастью, один анонимный товарищ дал мне возможность воспроизвести подобие некоторых найденных эскизов своей коллекции, и некоторые из них приведены в этой книге. Существует не так много иного, было бы подлинно гностическим и могло бы быть проиллюстрировано, за исключением некоторых исторических мест и портретов людей, принявших участие в поздних гностических движениях.

Заглавие этой книги описывает её как содержащую понимание традиции. Это не просто слова, ведь гностицизм – это действительно традиция, а не просто набор идей, мифов и символов, которые могут быть истолкованы по любой прихоти или чьему-то мнению. Здесь мы имеем полномасштабную традицию с определенным мировоззрением, своим священным писанием, тайными обрядами, духовенством и религиозным происхождением. Если бы гностицизм был лишь формой спонтанно побужденной духовности, не опосредованной традицией, тогда не было бы никакой необходимости в книге, подобной этой. Однако, это не так, и поэтому вниманию читателя предлагается эта работа.

Благодарности

Огромную благодарность выражаю Джону Алгео, предложившему мне написать эту книгу; Шаррон Дорр и Анне Юросевич из Quest Books, за их помощь; анонимному другу из штата Огайо, разрешившему воспроизведение драгоценных камней своей гностической коллекции; Овадию Харрис, президенту Философского Исследовательского Сообщества, за получение разрешения на воспроизведение изображений последних гностических колец Мэнли Холла; Джею Кинни, за разрешение воспроизведения материала этой книги, первоначально опубликованной в журнале «Гнозис»; Журналу «Quest», за разрешение

публикации оригинального авторского материала; Паулю Киеневичу, за его дарование нескольких своих фотографий замка Монсегюр; наконец, П.Е. де ла Тур за предоставленные изображения памятников катаров и их конструкций, а также проекты, связанные с облачением оригинальных Гностических Церквей Франции; и особенно Брайану Кэмпбеллу за его неоценимую помощь в работе на рукописью и иллюстрациями к данной работе.

Глава 1. Свет из-за завесы

Тайна ночного неба - одна из самых давних и величайших побуждений к философским размышлениям и мистическому опыту. Задолго до астрономии люди узрели просторы Космоса, янтарный блеск рождения новой звезды и зловещие пожирающие черные дыры. Мужчины и женщины смотрели на темный, покрытый звездами небесный свод и черпали из этого зрелища вдохновение. Один из образов, порождаемых созерцанием ночного неба, – это контраст бесчисленных световых точек с мрачной темнотой, на которой они словно подвешены. Темная чаша или колпак будто покрывают наш мир, вмещая нас в плотную, угнетающую темноту. Кроме того, эта перевернутая сфера изобилует световыми пятнышками, которые легко можно себе представить как отверстия в черной вуали, и это словно намекает нам на то, откуда этот свет изливается.

«Есть трещина во всем; так проникает свет», - пел Леонард Коэн в своем «Псалме». Его простая метафора могла легко быть сказана две с небольшим тысячи лет тому назад необычными и вечно удивляющимися людьми, которые стали известны как гностики. Осмеянные и преследуемые как еретики, гностики были доведены до состояния бедственного существования после первых трех или четырех веков Христианства, но их учение и практики всплывали на поверхность на протяжении всей истории Западной культуры. Но не успевали гностиков и гностицизм объявить исчезнувшими, как они появлялись вновь, изменившись по форме, но неизменными в сущности. Пока оппоненты последовательно представляли традицию как некую историческую «причуду», которая имеет чисто антикварный интерес, она, тем не менее, привлекала на свою сторону последователей в лице Вольтера, Уильяма Блейка, У.Б.Йетса, Германа Гессе, К.Г.Юнга – и это только некоторые из них. Среди философских течений, экзистенциализм во многом обязан гностицизму, и сегодня все большее число людей в различных сферах жизни придерживаются этого учения. Кажется, в начале третьего тысячелетия христианской эры, гностики наконец-то возвращаются и на этот раз намерены остаться.

Термины «гностик» и «гностицизм» происходят от греческого слова «гнозис», которое обычно (хотя и несколько ошибочно) переводится как «знание». Долгое время большинству людей был более знаком антоним слова «гностик», а именно – «агностик» - т.е. «тот, кто утверждает, что ничего не знает о конечной реальности и всем подобном». С другой стороны, гностик обычно определяется как человек, который ищет спасения посредством знания. Искомое гностическое знание, однако, не является познанием рациональным и тем более не может определяться как просто накопленная информация. Греческий язык различает теоретическое знание и знание, накопленное благодаря личному опыту. Последнее и есть гнозис, а лицо, обладающее этим знанием (или стремящееся к нему) является гностиком. Элейн Пейджелс, в своей знаменитой работе «Гностические евангелия» показывает, что в том смысле, в каком гностики сами используют этот термин, его, возможно, следует переводить как «понимание», ибо гнозис предполагает интуитивный процесс, включающий самопознание и знание о конечной, божественной реальности. Стойкая выживаемость и привлекательность гностических посланий, прежде всего, основывается на их близости с глубокими слоями человеческого разума. Многие серьезные ученые, такие как Р. Доддс, Жиль Куспель и Гершом Шолем, предположили, что гностицизм берет начало в психических переживаниях, где архетипическая психология встречается с

религиозным мистицизмом. Неудивительно, что такие великие исследователи глубин психологических аспектов мифа, как К.Г.Юнг, Карл Керени, Мирча Элиаде и Джозеф Кэмпбелл, проявили к гностицизму большой интерес.

Так как внутренняя суть гностицизма возникает в довольно специфическом виде опыта, то, следовательно, тот, кто его лишен, легко может понять гностические откровения неправильно. Ошибочные представления зачастую имеют даже ученые, так как в силу многообразия образов и мифологии, гностицизм не может рассматриваться как связанная традиция или «изм». Это заблуждение имеет долгую историю. Во втором веке епископ Ириней Лионский, яростный противник гностиков, нападал на них из-за их духовного и литературного творчества, обвиняя их в том, что они ежедневно производят новое евангелия. Вытекающим из его заявлений стало мнение, что там, где присутствует такое изобилие различных изображений, мифов и учений, не может быть никакой согласованной доктрины, эквивалентной догме и канонам основного вероучения христианской церкви. И критики, подобные Иринее, и современные ученые упускают из виду то, что гностическое учение является прямым результатом опыта гнозиса.

Такой опыт, с другой стороны, редко, если вообще когда-нибудь, может быть представлен в форме догматических формулировок по образцу ортодоксальной теологии. Тем не менее, несмотря на освежающее отсутствие этих формулировок, в гностицизме есть общее или внутреннее учение, отражающее общий или внутренний гностический опыт.

Многие люди в последние десятилетия (и даже со второй половины девятнадцатого века), обратились к восточным религиям в поиске учений и практик с меньшей догматичностью и большим вдохновением. Они, вероятно, не подозревали, что такая альтернатива существует совсем рядом, и что она называется Гностицизм. Никто из них не был осведомлен о параллелях между гностическим и восточным пониманием реальности, души и потребности в просветлении. Некоторые из этих людей ответственны за привнесение восточных идей в умы гностиков. Другие предположили, с равной вероятностью, что некоторые восточные школы мысли, в частности, Буддизм Махаяны, могли находиться под влиянием гностических идей. Опять-таки, наиболее важным общим элементом, объединяющим Восток и Запад в этом отношении, является опыт гнозиса. Сходство было замечено еще около 225 г н.э. другим ортодоксальным христианином, противником гностиков, Ипполитом, который в своих опровержениях ересей писал об индийских брахманах следующее: «Они говорят, что Бог есть свет, непохожий на свет видимый, который не солнце и не огонь, но для них Бог является рассуждением, и не тем, что находит свое выражение в произносимых звуках, но знанием (гнозисом), с помощью которого тайна тайн природы воспринимается мудрыми».

Гнозис на Востоке или Западе - это всё еще гнозис, и в самом прямом смысле это то, что действительно имеет значение. Вопреки мнению некоторых, термин «гностицизм» - это не просто пустая коробка, в которую можно положить что угодно. Скорее, гностическая традиция основана на переживании гностического опыта, она характеризуется определенным отношением к жизни и действительности, и некоторые мифы вкупе с учениями о происхождении и природе Космоса и человека являются результатом этого же переживания. Все это характеризует Гностицизм как обособленную, отдельную и целостную традицию, которую мы можем определить и проследить на протяжении веков во многих культурах.

Опыт гнозиса

Термин «*Gnostikos*», означающий «гностик» или «познающий», использовался нечасто в первых веках н.э. Большинство называли себя просто христианами, хотя существовали и нехристианские школы Гнозиса, известные как Герметизм. Общеизвестно, однако, что люди, о которых идет речь, являются способными к обучению кандидатами и соучастниками опыта, который привел их к освободительному знакомству с Божественностью и с затруднительным положением человека. Мы не в состоянии сказать, какими конкретно средствами они получили эти знания. Юнг неоднократно заявлял, что гностические писания свидетельствуют о мистико-психологическом опыте очень впечатляющей степени, и что то, что мы называем гнозисом, является, несомненно, психологическим знанием, полученным посредством прозрений архетипической психики. Гершом Шолем, великий исследователь еврейской мистики, говорит об этом опыте, как о мистической эзотерике, основанной на приобретении высшего священного познания вещей и божественности. Шолем был также сильно впечатлен озабоченностью гностиками второго и третьего века восхождением через сферы планет к реальности за пределами Земли и Космоса, таким образом, возвращаясь в сознании к их исконному духовному дому в полноте Божественного Света – что в гностической традиции называлось искупление. Эти «небесные полеты», пожалуй, являются главной метафорой освобождения и освящения знания, к которому эти люди стремились.

Монотеистические религии - иудаизм, христианство и ислам - в своей основе делали большой акцент на вере. «Верую» (Символ Веры) является главным утверждением большей части обычного религиозного сознания. В отличие от них, гностический ум стремится (и в конечном итоге достигает своей цели) не к вере, но к внутренней сущности знания, которое освобождает его от бессознательного и, в конце концов, переносит за пределы оценок самого существования. Это состояние, весьма вероятно, имеет большое преимущество по сравнению с простой верой или убеждением. Уильям Джеймс, великий американский философ-психолог, заметил, что вера для большинства людей означает веру в чужую веру. В умах многих религиозных народов, вера передается в убеждении, полученном из вторых рук от других верующих, никто из которых, вероятно, не имел никакого переживания объекта своей веры.

Вера, как метод, слишком отлична от знания, поэтому так легко понять, почему обычные религии настолько различаются с гностицизмом. Один из видов веры (пистис) признается действенным в гностицизме, но это вера в свой опыт, соблюдение верности тому, что чувствуешь своим внутренним опытом, освобожденным знанием. Гностическая божественная женская фигура, София, называется Пистис (Вера), поскольку во всех своих невзгодах она остается верной своему видению света.

Харольд Блум, один из современных выдающихся сторонников гностической традиции, описывает опыт гнозиса в современных условиях в своей книге «Предзнаменования тысячелетия». Он говорит, что гнозис является разнообразным феноменом. Он может прийти, когда человек находится в одиночестве или же может появиться через присутствие другого человека. Человек может читать, писать, созерцать изображение или природное явление, или же он может только смотреть вовнутрь. Музыка, благовония и ритуал могут сыграть значительную роль; обряды и церемониальные пристрастия гностиков хорошо известны. Во всех случаях происходит значительное изменение сознания, которое переносит познающего за пределы личного сознания и, по сути, за рамки ограничений самого мира, где мы живем. Блум четко характеризует основные раскрытия опыта гнозиса, такие как:

(1) знакомство с Богом, являющимся неизвестным и удаленным от мира, Богом в изгнании из ложного творения

(2) признание того, что ваша глубинная сущность не была частью творения (или Падения), но была и по-прежнему является частью полноты, то есть Бога. Бог более человеческий и более божественный, чем любой почитаемый в мире.

Ранние христиане использовали термин «гнозис» для обозначения персонально приобретенного знания. Апостол Павел зачастую использовал этот термин по отношению к познанию Бога, которым человек может обладать. Одно из наиболее четких заявлений, которое он сделал касательно великого и, пожалуй, даже визуального характера гнозиса – это второе послание к Коринфянам (4.6): «Потому что Бог, сказавший: свет да воссияет из тьмы, - есть Тот, Кто воссиял в сердцах наших к нашему просвещению познанием славы Божией в лице Иисуса Христа». Другим «гностицирующим» (то есть, сродни гностическому) апостолом был Иоанн, который часто описывает познания (*gignoskein*) Бога или Христа. Всякий, кто читает красивое Евангелие от Иоанна, поражается его сходством с поэтическим и визионерским стилем гностических писаний. Упор большей части литературы Нового Завета на гнозисе - источник важности, которую и ортодоксальные христианские мистики, и гностики придавали слову *gnosis*.

Современный проницательный ученый Дэн Меркур, в своей работе «Гнозис: эзотерическая традиция мистических видений и объединений» полагает, что эмпирические источники гнозиса находятся в двух взаимосвязанных видах опыта. Одним из них является определенный тип мистического опыта, который раскрывает конечную реальность, хотя и проявляется в личных психических переживаниях и, таким образом, различен от индивида к индивиду. Другой касается переживания мистического единства. Сами гностики не воспринимают эти видения как экстрасенсорное восприятие внешних данных, существующих на «высших» планах, как аналогичные представления воспринимались оккультистами XIX века. Они не рассматривают их как аллегоричное представление абстрактных идей, как это было распространено среди мистически настроенных греческих философов. Скорее гностики пошли по краю бритвы между прозорливой квази-объективностью и философской, аллегоричной субъективностью. Таким образом, несмотря на общее ядро смысла и направления, мнения о гностических опытах изменчивы и разнообразны.

Изучающие мистический опыт часто различают то, что называют визионерским и объединяющим мистическими состояниями, причем первое описывает, а последнее означает божественный союз. Казалось бы, древние гностики приняли участие в обоих. Гностические видения часто включают в себя небесные восхождения, но и такие виды видений, как экстаз смерти, также имеют место. Гностик умирал для сотворенного мира и возносился через область эонов, вступая во взаимоотношения с обитателями этих миров. Гностики, по-видимому, считали эти видения, по крайней мере частично внутриспсихическими и придавали им особое значение. Они описывали их как опыт, в котором «божественная искра» (*pneuma*), пребывающая в индивиде, соединяется с реальностью высших миров. Как и другие мистики, гностические провидцы понимали объединенный опыт как соединение (*Unio Mystica* – «мистическое соединение с божеством») или с божественным существом (София, Христос), или с духовной сущностью конечного Бога. Синтез этих визионерских и объединяющих опытов может быть охарактеризован как гнозис.

Гнозис и гностицизм

Существовали попытки провести различие между гнозисом и гностицизмом. Некоторые из них – в том числе и группы ученых, работавшая на Колоквиуме в Мессине в 1966 г. – были многообещающими, но оказались ошибочными. Определение гностицизма, как суммы некоторых убеждений «секта второго века», которые были «дуалистами и отрицали мир», не

является ни полезным, ни точным. Также такие определения гнозиса, как «познание божественной тайны, предназначенное для элиты», не особенно информативны. Некоторые проницательные ученые в данной области отмечают, что подобные определения, а также некие другие заявления о гностиках, которые появляются во многих книгах, сохраняются благодаря извращенным взглядам христианской ересиологии. С этой точки зрения гностицизм рассматривался не в его собственных терминах, а лишь как нечто, вызывавшее гнев группы фанатиков восемнадцать столетий назад. Многие старые ересиологические заявления против гностиков и гностицизма ныне представляются дискредитирующими и даже несколько глупыми. Мнение о том, что гностицизм был главным образом мешаниной учений из различных источников, существующих в те времена, было дискредитировано. Все больше и больше современных ученых соглашались с Юнгом, который признал, что Гностические Писания действительно были основаны на прямом опыте их авторов с оригинальными образами таинственных существ и мест. Откровенная критика Бога Ветхого Завета, которую гностики зачастую выражают, уже не представляется кошунственной для современных людей, вскормленных на идеях Ницше или теологов «смерти Бога», таких как Альтхайзер и Гамильтон. В свете ныне доступных данных, мало кто будет согласен с отцами церкви, которые описывали Гностицизм как целенаправленную антихристианскую ересь, дьявольское извращение христианства, достойное всякого осуждения.

Ересиологическое предубеждение исказило мнение многих писателей и проповедников относительно гностицизма на протяжении длительного времени. Хотя верно то, что антиклерикальные тенденции Эпохи Просвещения и некоторые оккультные возрождения восемнадцатого, девятнадцатого и двадцатого веков вызвали много симпатий к гностикам, старое предубеждение, порожденные ранними христианскими критиками, остались. Это было уже после открытия и перевода Гностических Писаний Наг-Хаммади (о которых будет сказано позднее), что общественное мнение относительно гностицизма прошло по пути ускоренного благотворного изменения. Сейчас, в начале двадцать первого века, стало наконец-то возможно дать изложение гностицизма, не встречаясь с подавляющим возражением предубеждений, которые длительное время руководили нашей культурой.

Что же такое гностицизм и как он связан с опытом гнозиса? Человеческое сознание не функционирует в концептуальном вакууме. Видения и универсальный опыт разума непременно трансформируется в концептуальную систему, соответствующую их содержанию и привнесению. От видений и восторгов образуются религиозные доктрины, философские построения, теологические и теософические концепции. Так было когда-то во времена первобытного шамана, и то же самое происходило с гностиками ранних веков христианства. Разница между большинством религиозных форм, с одной стороны, и гностицизмом, с другой, состоит в том, что происходит с соответствующими им системами после первоначальной кодификации откровений опыта. Хотя обычные религии, по-видимому, удовлетворены описаниями обнаруженного опыта, которые зафиксированы в священном писании, гностики всегда стремились к дальнейшему расширению и дополнению первоначального переживания гнозиса. Они в первую очередь никогда не были верующими в чужой гнозис, но были склонны делать добавления в прозрения их основателей и учителей посредством собственного опыта. И, самое главное, такой непрерывный процесс гнозиса требует концептуальной системы, в которой новый опыт сможет найти своё многозначительное место. Эта концептуальная система или мировоззрение, в рамках которой гностический опыт находит себе место, стал известен как Гностицизм.

Ранний нормативный Гностический акт определяет содержание и следствия гнозиса:

То, что делает нас свободными, есть гнозис

О том, кем мы были

О том, чем мы стали

О том, где мы были

О том, куда нас забросило

О том, куда мы спешим

О том, что мы сейчас освобождены

О том, чем на самом деле является рождение

О том, что в действительности есть возрождение.

(Excerpta de Theodoto)

Тот, кто интуитивно получает точные ответы на эти вопросы, обретает освободительный гнозис. Сочетание этих вопросов с соответствующими ответами, можно сказать, представляет собой Гностическую доктрину и является главной сердцевиной не только гнозиса, но и Гностицизма.

Современные исследователи этих вопросов могут предположить, что может быть гнозис без Гностицизма, что человек может пережить видение и соединение без принятия гностического мировоззрения. Древние гностики, а также их современные последователи, могли бы ответить, что хотя это и возможно, продуктивных результатов в этом случае ждать не приходится. Что хорошего в приобретении необычных переживаний без соответствующего контекста, в котором можно их осознать? Гностическая традиция, в первую очередь, разработана на базе таких переживаний, и располагает уникальными возможностями для содействия дальнейшему гностическому опыту. Очевидно, что гнозис и гностицизм связаны между собой тесно и плодотворно, и, по сути, не могут быть благополучно разделены.

Сегодня мы знаем, что гностики всегда разделяли понимание и прозрения, полученные от понимания. Это понимание не было общим и мирским, но олицетворяло высшее знание, более глубокое понимание божественного и человеческого, чем обычно доступное посредством веры и философии. Как и мистики других традиций, гностики считают, что это спасительное знание не проистекает из рациональных размышлений на основе заученных фраз (даже если они священны) или обучения с помощью книг. Тем не менее, они составляют тексты, усиливающие мистические прозрения и пытаются донести их до других. Эти тексты провозглашают существование трансцендентного и абсолютно милосердного Бога, основания реальности, являющегося неизменным и неизмеримым, выходящим за рамки какой-либо опосредованности или наложенных ограничений, которое можно было бы к нему отнести. Разумеется, такой образ Бога несовместим с образом деспотической, тиранической божественной личности, в которой, наконец, добро и зло, кажется, произвольно смешаны.

Из этой конечной сущности исходят искры или духи, сущности человеческих душ, и в неё же стремятся вернуться. Каждая духовная сущность есть чистая искра или атом божественного сознания, по сути той же природы, что и Бог. Хотя эти искры онтологически соединены с Божественностью, они экзистенциально отделены от неё. От этого разделения необходимо избавиться, поскольку, как заявляет библейское высказывание, «наши сердца беспокойны до тех пор, пока не найдут покоя у Господа». Несомненно болезненная, часто неясная, тоска по чему-то большему, более значительному и более стойкому, переживаемая в земном воплощении, является началом избавления от длительного разделения.

Используя еще раз метафору полуночного неба, мы можем рассматривать темный свод над нами как перфорированную вуаль, сквозь дырочки которой свет конечной реальности проникает в наше видение. Через отверстия-трещины во вселенной трансцендентная светимость входит в наше сознание. Этот свет есть свет гнозиса, пробуждающий возможность осуществления длительного, но еще нереализованного желания. Свет зовет свет, или Бог зовет своих детей, даже когда они кричат на него. Колпак, запирающий в нашей вселенной, снимается, и мы созерцаем громадный океан безграничного света, из которого мы были временно высечены, словно искры. Таковым было и продолжает оставаться видение гностиков. Основные компоненты этого видения малочисленны и просты по своей природе. Его детальные приложения являются более многозначительными и сложными. Перейдем теперь к рассмотрению этих подробностей.

Глава 2. Гностическое мировоззрение

Сердцевиной гностицизма является особый духовный опыт, базирующийся на видении и соединении, который не поддается языку богословия и философии, но взамен этого имеет близкое родство с мифом и выражает себя через него. В этом контексте, термин «миф» не означает несоответствующие действительности истории, но скорее рассказы, вмещающие истины другого порядка, нежели богословские догматы или теории философии. Мифы высоко почитались в античном мире. Хотя они потеряли уважение в девятнадцатом и начале двадцатого веков, они все больше и больше возрождаются в наши дни. Небольшое мистическое возрождение произошло в последние десятилетия двадцатого века, в значительной степени при содействии К.Г.Юнга, Мирча Элиаде, Джозефа Кэмпбэлла. Их деятельность способствовала широкому пониманию того, что значения настоящей мифологии (античной или иной), способна помочь избавиться от отчуждения и потери чувства укорененности, широко распространенных в индивидуальной и коллективной психе нашей культуры. Таким образом, сегодня мы находимся в гораздо лучшем положении, чем сто лет назад, чтобы оценить мистические послания гностиков. В этой главе представлены некоторые основные мотивы гностических мифов. Поскольку они должны быть показаны в прозе, а не в поэтическом и образном языке оригинальных источников, некоторая их красота и привлекательность теряется.

Бог и Космос

Большинство религий и философских систем признают, в той или иной форме, что мир несовершенен. Различаются они предложениями о том, что с этим делать. Во многих традициях человечество - это порождение злодея. Основное направление иудео-христианской мысли, к примеру, утверждает, что грех первой человеческой пары привел к падению не только человеческой расы, но и всего творения. Пороки и зло земной жизни рассматриваются как последствия этого падения. Некоторые радикальные экологи придерживаются крайних позиций, которые кажутся современным светским переводом доктрины Падения. Человеческие существа рассматриваются как расхитители, подлинные грешники, которые постоянно разрушают естественный рай. У гностиков есть уникальное

мнение на этот счет: они считают, что мир несовершенен из-за того, что он был создан в порочной основе.

Гностицизм начинается с признания того, что земная жизнь полна страданий и непостоянства. «Жизнь тяжела, а затем вы умираете» - это поговорка, с которой соглашались гностики, хотя они могут смягчить первую часть и, таким образом, скомпенсировать её. Все формы жизни поглощают другие, чтобы питаться, и уже поэтому приносят друг за другом боль, страх и смерть. Эта истинно даже для травоядных животных, которые живут за счет уничтожения растений. Кроме того, так называемые стихийные бедствия – землетрясения, наводнения, пожары, засухи, извержения вулканов, чума – приносят страдания и смерть на своем пути. Чем сложнее организм, тем сильнее это чувство страдания и бедствия.

Смело и прямо встретиться с этими тревожными фактами нелегко. Большинство человеческих существ имеют сильную психологическую потребность воспринимать жизнь как в каком-то смысле благотворную и потенциально счастливую. Гностики (и Буддисты) зачастую рассматриваются как пессимисты и ненавистники мира из-за их готовности смотреть в глаза мрачной его стороне. Тем не менее, обе эти традиции утверждают, что есть выход из страданий и невежества, и что этот путь предполагает существенное и спасительное изменение в сознании.

Пока человек не будет поднимать своё сознание за пределы физического мира, к высшим, духовным реальностям, порабощение души темнотой (будь то тьма внешняя, физического мира или мира разума) продолжается. Похоже, что тело и разум были прутьями клетки, в которой душа (или дух) пребывала, словно в ловушке. Когда пленник покидает пределы клетки и взлетает вверх, происходит подъем в высшие сферы, где обретаются высший смысл и счастье. Парение в этих областях наконец-то приводит к постижению своего первоначального дома, Божественности.

Описание гностиков как пессимистов удастся только в том случае, если кто-то считает, что физическая и персональная психологическая сферы являются единственными реальностями. К сожалению, эта точка зрения лежит в основе большинства светских мыслей нашей культуры. В противоположность этому мнению, гностики предают большое значение самостоятельно освобождаемому потенциалу трансцендентного сознания.

Читатель может быть знаком с известной аллегорией Платона о пещере. Заключенные, прикованные к стенам пещеры, так что могут видеть только тени реальных предметов и воспринимают эти тени как реальность. Однако, реальность - это свет, являющийся источником теней. Гностики считают, что люди имеют потенциал для того, чтобы отвернуться от теней на стене и воспринять реальность непосредственно. Это основание для важного момента: сотворенный мир, в том числе большая часть человеческого разума, рассматривается гностиками как зло, прежде всего потому, что он отвлекает сознание от познания Божественного. Материальное неизбежно пленяет индивида внешней стороной (психологи называют это «экстраверсия»), в то время как беспорядок личного ума фокусирует на себе внимание изнутри. Из-за этого двойственного отвлечения внимания, внутренний мир оказывается забытым. И все же эта внутренняя часть («дух», греческое пневма) является точкой трансцендентности в области человеческого опыта, ибо только она одна имеет прямую связь с конечной Божественностью. Благодаря опыту трансцендентности, то, что гностики называют истинным «первородным грехом», а именно отчуждение и разделение человека с Богом, может быть устранено.

Высказывания о том, что гностицизм антикосмичен и что гностики – это ненавистники мира, являются чрезмерным упрощением. То, с чем борется гностик – не есть столько

космос, сколько отчуждение сознания от конечной реальности, лежащей в основе космоса, которая в монотеистических религиях называется «Бог». Так как для души без гнозиса космос видится единственной реальностью, то это является препятствием для истинной гностической цели, являющейся восхождением сознания над всеми физическими и психическими суррогатами реальности к реалиям истинным, за пределы материи и разума.

Древние гностики жили в основном в монотеистической обстановке. Евреи и христиане, и даже языческие герметики, верили в единственного Бога. Монотеисты представляют Бога как творца и, как правило, также как надзирателя, законодателя и полицейского Вселенной. С тех пор гностики – это кажется разумным – не могли поверить, что грешная пара человеческих прародителей могла привести к бесчисленным порокам и неприятностям мира, они выделяли только одного виновного: Творца, самого Бога. Мир не пал, говорят гностики. Он был несовершенен с самого начала.

Утверждение о том, что мир был создан несовершенным божеством через свои собственные недостатки, имеет смысл, когда индивид понимает гностическую концепцию Бога, которая является более тонкой, чем большинство других. Бог для гностиков – это конечная реальность, находящаяся за пределами реальности сотворенной и, в некотором смысле, совершенно чуждая ей. Как и каббалисты, вкупе с большинством эзотериков по всему миру, гностики заменяют идею сотворения идеей эманации Божественно начала. Трансцендентный Бог не создает. Божественная сущность проистекает, проявляется из непроявленного состояния, что создает возможность для отдаленного, более конкретного творения. Подлинный Бог всегда остается первопричиной, а другие объекты становятся подчиненными (или вторичными) причинами сотворения.

Воспользуемся удачной аналогией: финансист или землевладелец может решить обработать большой кусок земли. Скорее всего, этот человек не будет принимать непосредственного участия в расчистке и подготовке земельного участка, планировании и конструировании зданий. Архитекторы, инженеры, строители и другие будут выполнять эту работу. Разве нелогично предположить, что мир был создан подобным способом? Гностики всегда придерживались этой точки зрения. Следующая аналогия: если землевладелец принимает все меньшее и меньшее участие в процессе, тогда как главный архитектор оказывается неумехой, а его рабочие – неряхами, то, несмотря на благие намерения владельца, окончательный результат будет вовсе не идеален.

Архитектор известен в древнем гностицизме как Демиург - от греческого «demiurgos» - «полу-создателя», поскольку он сотворил только внешние формы, но не духовные энергии мира. Работники и будущие руководители были названы архонтами, используя греческое слово, означающее «мелких правителей». Разумеется, что большинство дел и слов Ветхого Завета согласуется с характером Демиурга. Презрение к Яхве в гностицизме проистекает именно из этого обстоятельства.

Человеческое существо

Гностицизм считает, что человеческие существа в своей основе не являются произведениями материального мира. Важное выражение в этом утверждении - «в своей основе», ибо гностическая традиция фокусируется скорее на сущности, чем на физической и умственной упаковке, её оборачивающей. Хотя теории биологической эволюции не существовало во времена древних гностиков, можно предположить, что в отличие от ортодоксального христианства, они бы не возражали против этого. Ибо они верили, что человеческое тело берет своё начало на земле, но человеческий дух приходит издалека, из реальности Полноты, где обитает истинное Божество. Человек состоит из физического и

психического компонентов, которые являются бранными, а также из духовного компонента, представляющего собой фрагмент божественной сущности, иногда называемый божественной искрой. Из-за того, что гностическая традиция осознает эту двойную природу – мира и человека – этот факт получил эпитет *дуалистический*.

Люди, как правило, не знают о божественной искре, проживающей в них. Это неведение служит интересам архонтов, которые выступают в качестве космических рабовладельцев, удерживая искры света в неволе. Все, что заставляет нас оставаться привязанными к земным вещам, включая психологические концепции, которых мы придерживаемся – держит нас в рабстве у этих мелочных космических правителей. Большинство мужчин и женщин подобны Адаму, который заснул в Раю. Современные эзотерические учителя (в том числе Г.Гурджиев) удачно воспользовался этой гностической основой, представляя человечество как толпу лунатиков. Пробуждение от этого сна является совместным результатом нашего стремления к освобождению и божественной помощи, нам оказанной.

Гностицизм исповедует очень отчетливую и продуманную сотериологию – то есть учение о спасении и спасителях. Спящий человеческий дух пробуждается призывом предельной Божественности или посланниками Света. Такие посланники ниспосылаются Истинный Богом на протяжении всей истории. Они спускаются из высших духовных реальностей, чтобы пробудить души для возвращения. Они приходят возродить человеческий дух в его первоначальном сознании и привести его к Божественности. Лишь некоторые из этих спасительных образов упоминаются в Гностических Писаниях. Наиболее важные – это Сет (третий сын Адама), Иисус и пророк Мани. Иногда спасительная роль отводится некоторым пророкам Ветхого Завета, и некоторым основателям более поздней (Манихейской) Гностической традиции, а также такие великие учения, как Будда и Заратустра, признаются истинными посланниками света. Большинство гностиков всегда смотрели на Иисуса как на основную спасительную фигуру. Даже Мани, занимавшейся своей деятельностью в Иране и Азии, считал себя пророком Иисуса Христа и почитал Иисуса как спасителя.

Что означает спасение для гностиков? Во многих смыслах, гностическая концепция спасения близка к концепции освобождения, лежащей в основе индуистской и буддийской традиции. Гностики ищут спасения не от греха (первородного или какого-либо другого), но от невежества, следствием которого и является грех. Те, кто познает Божественное через гнозис, избавляется от всех грехов, тогда как те, кто его не узнал, не могут спастись, а только продолжать впадать в прегрешения. Невежество – которое означает незнание духовных реальностей – рассеивается посредством гностического опыта. Решающее откровение гнозиса было принесено посланниками Света, особенно Иисусом, который считается вестником этого периода.

Гностическая концепция спасения очень тонка. Ученики Духа, у которых понимание гностических идей является поверхностным, часто неправильно понимают гностическое спасение как совершенно непосредственный индивидуальный опыт, своего рода духовное делание – т.е. объект, предназначенный для самостоятельного достижения. Эта проекция на гностическую традицию – в значительной степени продукт нашей светской, религиозной эпохи и общества. Если бы существовала возможность спасения без чьей-либо помощи, то подавляющее большинство человеческой расы было бы давно освобождено. Также освободительный гнозис не является результатом простого чтения, интеллектуальных размышлений и дискуссий. Чтобы освободиться от тяжелого бремени духовного невежества нам необходима помощь вкупе с нашими собственными усилиями.

Личное спасение

Гностицизм всегда признавал, что потенциал гнозиса, соответствующий спасению, присущ каждому мужчине или женщине, также он не является чужим и коллективным, но индивидуальным. Поэтому все заявления обычной христианской искупительной теологии бессмысленны для гностика. Мир не был создан совершенным, его нынешнее состояние не является следствием падения, и человеческая раса не несет первородного греха, который передается всем мужчинам и женщинам. Следовательно, нет никакой нужды приносить в жертву Божьего сына, чтобы успокоить его гневного Отца и тем самым спасти человечество. Примечательно, что оригинальное греческое слово, обозначающее грех, *hamartia*, означает «не попавший в цель». При использовании в этом смысле, слово «грешник» относится к большинству людей. Мы все не попадаем в цель, и мы делаем это потому, что не знаем истинной природы вещей и божественности. Великие посланники Света приходят стимулировать наши возможности избавиться от этого невежества. Мы нуждаемся в просветительских учениях и освободительных мистериях (тайнствах), приносимых нам, чтобы помочь проявлению нашего потенциала освобождения.

Те, кого посланники Света пробуждают от духовного сна (и те, кто приложил необходимое количество духовного усердия и старания) – становятся истинными Гностами (знающими, или пневматиками, подлинными духовными личностями), тогда как остальные остаются бессознательными и привязанными к земле. Некоторые называют эти взгляды элитарными, а современное эгалитарное мышление имеет тенденцию восставать против них. Но есть разница между деспотической, своекорыстной элитарностью, которая прославляет самого себя, и своих собратьев как отдельную группу, с одной стороны, и неизбежным существованием элитных личностей, с другой. Покойный духовный учитель Дж. Кришнамурти писал в своей небольшой классике «У ног Учителя»:

« Во всем мире существует только два рода людей: те, которые знают, и те, которые не знают »

Никакой гностик, древний или современный, не смог бы выразить это лучше.

Враги гностиков (начиная с церковных отцов-ересиологов) никогда не уставали твердить, что гностики были высокомерными элитами, которые чувствовали презрение к остальной части человечества. Однако, не существует данных о преступлениях гностиков против человечества – что последователи гностицизма подвергали чрезмерной тирании и преследованию тех, кто не придерживался их духовных убеждений или тех, кто не соглашался с ними. Инквизиция, крестовые походы и священные войны не были придуманы гностами, а зачастую были направлены против них.

Как оказывается, «мироотрицательный» подход гностицизма зачастую неверно истолковывают, как призывающий к самоубийству или иному вредному для жизни деянию. Некоторые массовые случаи религиозного самоубийства в последней четверти двадцатого века (Джонстаун, Храм Солайре, Ворота Рая) рассматривались общественностью и СМИ как результат гностической доктрины и практики. Ничто не может быть дальше от истины. Да, гностик считает, что земная жизнь во многих отношениях является состоянием порабощения темными силами, однако, гностики вовсе не считали, что смерть приносит автоматическое освобождение от этих тягостных условий. Освободительное знание должно проявиться, пока человек пребывает в воплощенном состоянии, и те, кто достиг такого духовного освобождения, наслаждаются своей свободой, пребывая в воплощении или же вне его. С другой стороны, те, кто не освободился в сознании, по определению по-прежнему скованы узами творения, пребывают ли они в теле или же за его пределами. Некоторые гностические

писания свидетельствуют, что человек неоднократно возвращается к этой земной реальности (то есть, перевоплощается) до тех пор, пока его трансформированное сознание не избавится от необходимости перерождений.

Когда Конфуция спросили о смерти, он ответил: «Почему вы спрашиваете меня о смерти, если не знаете как жить?». На подобный вопрос, заданный в Гностическом Евангелии от Фомы, Иисус отвечает: «Открыли ли вы начало, чтобы искать конец? Ибо в месте, где начало, там будет конец. Блажен тот, кто будет стоять в начале: и он познает конец, и он не вкусит смерти».

Выводы очевидны: гностику необходимо познание вечной области, из которой появляются души. Это знание делает все вопросы о жизни и смерти самоочевидными и избавляет от всех опасений по поводу того, что в мире называется смертью. Когда мы контактируем с невыразимой, божественной реальностью, являющейся нашим источником, мы также познаем то состояние, в которое должны возвратиться. Без этого знания мы действительно мертвы, хотя и можем демонстрировать признаки физической жизни. С этой точки зрения, самоубийство (религиозной или иной мотивации) представляется как особо непродуктивное действие.

Помимо обвинения в духовной элитарности, гностики также не раз обвинялись в пропаганде морального нигилизма, технически известного как *антиномизм*, или «сопротивление закону». Здесь также легко упустить тонкость гностической позиции. Большинство религий учат, что люди достигают спасения посредством исполнения правил (например, заповеди Ману, Хаммурапи или Моисея), полученных от божественного или квази-божественного источника. Этой позиции явно не хватает психологической утонченности. Люди не действуют в вакууме; поведение человека проистекает из состояния сознания. Преступление есть результат преступного состояния ума, ложь является проявлением отсутствия целостности и подлинности в душе и разуме. Будда, величайший гностик Азии, заявил, что правильное мышление должно порождать правильное действие. Гностицизм есть система мышления, базирующаяся на внутреннем, психо-духовном опыте. В этом случае, неудивительно, что гностицизм выделяет состояния ума и рассматривает действие как вторичное по природе и важности. Гностики всегда считали, что сознание, а не внешнее действие, является истинным показателем моральной ценности.

Если этика и мораль рассматриваются как посылка к системе правил, то гностик вряд ли слишком высоко оценит её. Правила без сознания, открывающего причину, лежащую за правилами, являются практически бесполезными. Таким образом, многие гностики говорят, что заповеди и законы сами по себе не спасительны, поскольку спасение происходит только посредством гнозиса. С другой стороны, если нравственность определяется как внутренняя целостность, восходящая из свечения, пребывающего в божественной искре, то это, вероятно, будет с энтузиазмом воспринято последователями гностической традиции.

Этот беглый очерк основных идей гностицизма может привести к возникновению некоторых вопросов по поводу интерпретации и применения. Как мы видели ранее, в некотором смысле не существует гнозиса без гностицизма, ибо опыт гнозиса неизбежно требует мировоззрения, соответствующего этому озарению. Гностическая картина мира является эмпирической, поскольку основана на конкретном виде опыта. Поэтому не нужно ничего делать для исключения или разбавления частей гностического мировоззрения, ибо тогда оно уже больше не будет соответствовать этому опыту.

Гностицизм берет начало в характерном и особом роде переживания. Также он, как мировоззрение, отличается от других форм мистицизма. Конечно, есть сходства между

признаниями святого Иоанна Крестителя или святой Терезы Авильской, и мистицизмом гностического провидца, такого как Валентин, но святой Иоанн и святая Тереза разделяли взгляды Римского Католицизма (хотя некоторые с которыми церковные бюрократы испытывали до некоторой степени неудобство), а Валентин – явный и перспективный гностик. Несмотря на общие элементы, объединяющие различные традиции, особые, порою уникальные характеристики, которые их разделяют, являются значимыми и ценными.

Мы живем в эклектическую эпоху. Подобно тому, как мы покупаем нашу еду в супермаркетах, где выбор зачастую граничит с недоумением, также мы можем выбирать свою духовную пищу на особом рынке с разнообразным ассортиментом. Столкнувшись с гностицизмом в психо-духовном супермаркете, мы могли бы испытать соблазн принять одни части этого мировоззрения и отбросить другие. Мы можем с радостью представить нашу истинную самость как божественную искру, возникшую из трансцендентной полноты, но умолчать о более темных и тревожных гностических идеях, таких как фигура Демиурга и его вредоносные архонты, радикальные дефекты природы Вселенной, и присутствие зла в её структуре. Гностическое мировоззрение, однако, суть единое целое. Когда мы удаляем части целого, целостность терпит ущерб.

Еще один важный вопрос – следует ли буквально понимать элементы гностического мировоззрения. Буквализм и догматизм, слишком часто проявляющиеся в обычных церквях, которые объявляли гностицизм еретическим, придерживались определенно не гностических представлений. Гностицизм – мировоззрение, но не теология и не доктрина для веры. Гностические писания в основном являются мифическими по своему содержанию, но все мифы могут быть истолкованы по-разному. Современная глубинная психология, главным образом, как учил Юнг, изучала гностические мифы в первую очередь из-за их отношения к архетипам, индивидуации, тени и другим подобным концепциям. Гностические мифы, как и другие, могут иметь несколько значений, которые не исключают друг друга, но существуют одновременно. Психологические истины, в дополнение к другим видам истин, могут быть найдены в этих мифах, и ни одна из них не должна отвергаться.

Гностическое мировоззрение имеет огромную привлекательность, так как всегда находилась в соответствии со «знанием сердца», т.е. гнозисом. Некоторые считают, что гностицизм особенно актуален в начале третьего тысячелетия. Конец второго тысячелетия увидел резкое увядание многих идеологий, которые не оказались стойкими для вопросов этого времени. Однако эти вопросы, были решены мудрецами гностицизма уже в древности. Ясность, искренность, достоверность, и зачастую актуальность гностических ответов на вопросы затруднительного положения человека не может не впечатлить, а со временем и убедить.

Глава 3. Творческий взгляд на сотворение: пересмотр Книги Бытия

Несколько лет назад Элейн Х.Пейджелс, ученый, которая больше других сделала для пробуждения общественного интереса к гностицизму, очутилась в столице Судана для проведения дискуссии с министром иностранных дел этой страны. Этот выдающийся человек, член племени Динка, рассказал ей о том, как миф творения его народа оказал большое влияние на многие аспекты их социальной и культурной жизни. Вскоре после этого Пейджелс просматривала экземпляр журнала «Таймс», содержащего несколько писем в редакцию, оспаривающих размещенную ранее статью об изменении социальных нравов Америки. К её удивлению, многие из этих писем ссылались на историю Адама и Евы, чтобы аргументировать желанную точку зрения. Письма последовательно оправдывали мораль и этику наших дней, ссылаясь на историю сотворения, записанную в Книге Бытия. Не только Динка, но также и американцы по-прежнему зависят от их мифа сотворения. Пейджелс

осознала, что американцы и племя Динка не так уж отличаются. Миф сотворения до сих пор жизненно важен и актуален даже сегодня как для тех, так и для других.

Большинство людей на Западе предполагают, что западная культура имеет лишь один миф сотворения: только первые три главы Бытия. Немногие, похоже, понимают, что существует альтернатива – гностический миф сотворения. Этот миф может удивить нас, как оригинальный и поразительный, но он предлагает взгляд на творение и на наши жизни, который стоит рассмотреть.

Уильям Блейк, гностический поэт начала девятнадцатого века, писал: «Оба читаем Библию день и ночь, но ты читаешь черное там, где я читаю белое». Подобные слова могли быть произнесены ранними гностиками про их противников в рядах иудаизма и христианства. Не-гностический, или ортодоксальный, взгляд раннего христианства видел в Библии (особенно в Бытии), историю о морали. Адам и Ева были историческими персонажами, чье трагическое преступление привело к Падению, после которого человечество стало усваивать важные моральные уроки. Одним из следствий такого прочтения Бытия был двойственный, и даже хуже, чем двойственный, статус женщины, которая расценивалась в качестве одного из сообщников непослушания в Раю. Тертуллиан, один из отцов Церкви, презирующий гностиков, так писал группе христианских женщин:

«Ты есть ворота для дьявола... Ты та, которая склонила того, на кого дьявол не смел напасть... Знаете ли вы, что все вы Евы? Наказание Божье на ваш пол продолжает оставаться и в эти времена; вина, несомненно, тоже» (*De Cultu Feminarum* 1,12).

Гностические христиане, чье наследие священной литературы мы находим в великолепной библиотеке Наг-Хаммади, читали Бытие не как моральную историю, а как миф с определенным значением. Они считали Адама и Еву не историческими фигурами, а представителями двух внутриспсихических принципов, присутствующих в любом человеке. Адам был драматическим воплощением психе, или «души»: «умо-эмоционального» комплекса, где возникают мысли и чувства. Ева же была *iōtpneuma*, или «дух», представляющей высшее, трансцендентное сознание.

Существует два библейских мнения о сотворении первой женщины. Одно говорит нам, что Ева создана из ребра Адама (Бытие, 2.21). Другое же утверждает, что Бог создал первую человеческую пару, мужчину и женщину, по образу Своему (Бытие, 1.26-27). Второе предполагает, что сам Бог обладал двойной природой, сочетая мужские и женские характеристики. Гностики в целом одобрили эту версию и разработали различные её интерпретации. Она соответствует равенству женщины, тогда как версия ребра Адама ставит её в подчиненное мужчине положение.

Древним гностикам обычный образ Евы не внушает доверия. Этот образ представляет её как ту, которая была введена в заблуждение злобным Змеем, и ту, которая посредством своего женского соблазнительного очарования убедила Адама послушаться Бога. По их же мнению, Ева не была доверчивой тупицей, казавшейся убедительной искусительницей, а скорее была мудрой женщиной, дочерью Софии, небесной Мудрости. В этом смысле она та, кто разбудил спящего Адама. Таким образом, в Апокрифе Иоанна, Ева говорит:

«И я вошла в середину их темницы, это темница тела, и я сказала: "Тот, кто слышит, да восстанет он ото сна тяжелого". И он [Адам] заплакал, и он пролил слезы. Тяжелые слезы отер он с себя и сказал: "Кто тот, который называет имя мое и откуда эта надежда пришла ко мне, когда я в оковах темницы?" И я сказала: "Я Проноя света чистого. Я мысль девственного Духа, который поднял тебя до места почитаемого. Восстань и вспомни, ибо ты

тот, который услышал, и следуй своему корню, который есть я, милосердие, и укрепи себя перед ангелами бедности и демонами хаоса и всеми, кто опутал тебя, и стань, оберегаясь от сна тяжелого и заграждения внутри преисподней"».

В другом писании, «О Происхождении Мира», Ева представлена как дочь и в особенности посланник божественной Софии. Именно в статусе посланца она приходит, чтобы наставить Адама и пробудить его от сна бессознательного. В большинстве гностических писаний Ева фигурирует как наставница Адама. Выводы из этих текстов, очевидно, отличаются от учения Отцов Церкви, таких как Тертуллиан: мужчина обязан женщине за приведение к жизни и сознанию. Остается только вообразить, как бы мог измениться западный взгляд на женщину, если бы гностический подход стал широко распространенным.

О мужчинах и змеях

Ошибка Евы, говорит нам ортодоксальная точка зрения, была в том, что она послушала злого змея, который убедил её в том, что плод дерева может дать ей с Адамом бессмертие и мудрость. Трактат из Гностической коллекции Наг-Хаммади, Евангелие Истины, опровергает эту интерпретацию. Весьма далекий от воплощения зла, змей считался мудрейшим существом в Раю. Текст превозносит мудрость змея и бросает серьезную тень на Создателя, вопрошая: «Каков же он, этот Бог?». В ответ говорится, что Божий запрет относительно плодов дерева мотивирован завистью, ибо он не желал пробудить человека для высшего знания.

Но угрозы и гнев ветхозаветного бога-творца не оставили его безупречным. Евангелие Истины рассказывает нам, что он проявил себя как «завистливый клеветник», ревнивый Бог, который жестко и несправедливо наказывал тех, кто пришелся ему не по душе. Текст сообщает: «Но это то, что он сказал (и сделал) тем, кто верил в него и служил ему». Ясный намек на то, что с таким богом не нужно ни врагов, ни дьявола.

Другое писание из этой же коллекции, «Ипостаси Архонтов», сообщает нам, что не только Ева, но также и змей, были под управлением божественной Софии. София позволила своей мудрости снизойти в змея, который, таким образом, стал наставником, и затем открыл Адаму и Еве их истинный источник. Они пришли к пониманию, что они не низшие существа, сотворенные Демиургом (который в данном случае Создатель в истории Бытия), а духовные существа, берущие своё начало за пределами этого мира, в полноте окончательной Божественности.

Хотя обычная версия Бытия говорит, что после вкушения запретного плода Адама и Ева отпали от райской благодати, гностическая же версия утверждает, что «открылись глаза их» - т.е. мы имеем дело с метафорой гнозиса. В таком случае, первые люди смогли впервые увидеть, что божества, создавшие их, отвратительны на вид, имеют лица животных, и они в ужасе отшатнулись, взирая на них. Несмотря на проклятие Демиурга и его архонтов, первая человеческая пара приобрела способность гнозиса. И они смогли передать этот дар своим потомкам, имеющим склонность к его восприятию. Таким образом, Ева передала эту способность гнозиса своей дочери Норе, а Адам отдал её своему третьему сыну, Сифу.

Мифическое Начало Гностицизма: Норея и Сиф

Норея, дочь Евы, была мудрой женщиной. В конце концов, она вышла замуж за Ноя, мужчину с благими намерениями, но весьма невосприимчивого. К тому времени численность людей возросла и, вдохновленные Адамом и Евой, они были недоверчивы и непослушны по отношению к архонтам, хозяевам земли. Далекие от того, чтобы быть злыми

и заставить Бога пожалеть о своем творении, как объявляет «официальная» версия Бытия, они стали мудры и стремились к свободе от архонтов. Создатель сказал Ною построить ковчег и поместить его на вершину горы Сеир — этого названия нет в Бытии, но оно появляется в одном из псалмов, упоминающих Потоп.

Норея пыталась убедить своего простодушного мужа отказаться от сотрудничества с архонтами. Однажды она даже сожгла деревянную лодку, построенную Ноем. Затем Создатель и его темная рать окружили Норею и хотели изнасиловать её в качестве наказания. Она выстроила мощную оборону, сопротивляясь с ними, и в итоге закричала, призывая помощь Истинного Бога, который послал золотого ангела Элелета (Проницательность). Ангел не только спас её, но также и дал наставление в Гностической мудрости, а также заверил, что её потомки будут подлинными знатоками Истины.

Несколько наиболее важных писаний из коллекции Наг-Хаммади – Ипостась Архонтов, Апокалипсис Иоанна, и Мысль Нореи – упоминают историю Нореи и ковчега. Они согласны с тем, что потомство Ноя было скрыто не в ковчеге, как в «официальной» версии, а в светящемся облаке, где они находились под защитой ангелов Истинного Бога.

Рис.1. Гностический драгоценный камень, примерно третий век нашей эры, изображающий Абраксаса. Фигура имеет традиционный хлыст и щит, символы наступления и обороны. Абраксаса окружают звезды с различным числом лучей, а также восьмичастный символ огдоады, символ превосходения семи планет.

Сиф, третий сын Адама (после Каина и Авеля), уже давно рассматривается как таинственная фигура. Древний историк Иосиф Флавий пишет, что Сиф был великим человеком, и что он и его семья были хранителями многих тайных искусств, включая астрологию. По словам Иосифа, потомки Сифа записали свои оккультные открытия на двух столпах, чтобы они могли сохраниться для будущих поколений. В трактате «Апокалипсис Адама» гностические авторы рассказывают нам не только о Сифе (и его отце, Адаме), но и о будущем гностической традиции в грядущих веках. В этом тексте Адам говорит Сифу, что Ева научила его «слову Гнозиса извечного Бога». Затем он рассказывает, как Создатель обернулся против Адама и Евы, всегда желая, чтобы люди служили ему «в страхе и рабстве». Адам предсказывает, что «Сиф и потомки его» будут продолжать познавать гнозис, но они также будут объектом дальнейших преследований Создателя.

Предсказания Адама указывают на две главные последующие проблемы: Потоп и огненное разрушение Содома и Гоморры. И это произошло не по причине греховности людей, но из-за зависти и гнева Творца-Демииурга, который не мог смириться с приобретением людьми гностической мудрости. Как и в случае с Потопом, при катастрофе в Гоморре, Истинный Бог послал эонических существ, чтобы сохранить гностиков от огня, посредством перемещения в мир, недоступный архонтам. Сиф, который считается отцом Гностической традиции, занимает также важное место и в других писаниях, включая «Три Стелы Сифа» и «Евангелие от египтян».

Существующие гностические писания ясно показывают, что гностики всегда присутствовали в мире, хотя они подвергались угнетению и частым угрозам истребления со стороны темных сил, которые противостояли им с самого начала. Гностики, называемые «великой расой Сифа», будут терпеть бедствия вплоть до будущей эры, когда Просветитель (Phoster), иногда отождествляемый с Иисусом, не установит время знания и освобождения. Духовные отпрыски Сифа ведут продолжающуюся борьбу не с церковью или ее инквизицией, а с теми метафизическими противниками, о которых Ипостась Архонтов говорит:

«...великий апостол говорил нам относительно "властителей тьмы", "не против плоти и [крови] выступаем мы; но против властителей вселенной и духовных (сил) зла»

«Великий апостол» - это, конечно, св. Павел, и эта сокращенная цитата взята из послания к Ефесянам (Еф,6.12).

Природа Гностической экзегезы

Что побудило гностических истолкователей Бытия провозгласить такую необычную версию истории сотворения? Хотели ли они только горько критиковать Бога Израиля, как заставляют нас верить отцы церкви? Несколько возможных причин не обязательно исключают друг друга, а в некоторых случаях и дополняют.

Во-первых, гностики, наряду с некоторыми другими ранними христианами, рассматривали Бога Ветхого Завета как помеху. Члены более интеллектуальных кругов раннего христианства были людьми, обладающими определенной духовной утонченностью. Хорошо знакомым с учениями Платона, Филона, Плотина и похожих учителей пришлось бы трудно с Богом, выдающим мстительность, гнев, ревность, племенную ксенофобию и диктаторские претензии. Гораздо более подходил тонкой философии гностицизма добрый и благородный персонаж Иисус и его учения. Гностики, вероятно, просто сделали логические выводы из этой дихотомии и окрестили Бога Ветхого Завета демиургом, малой космической сущностью.

Во-вторых, как уже отмечалось, гностики были склонны интерпретировать древние писания символически. Современные богословы, такие как Пауль Тиллих, чувствовали бы себя вполне комфортно с гностиками, чье толкование Бытия часто было приблизительным. Тиллих утверждает, что история Падения была символом экзистенциальной человеческой ситуации, а не действительным историческим событием. Падение, пишет он, представляет собой «падение из состояния мечтательной невинности», своего рода пробуждение от потенциальности к действительности – данная интерпретация сходится с гностической, рассмотренной нами ранее в этой главе. Кроме того, Тиллих утверждает концепцию, подобную гностической идеи «двух Богов», когда говорит о «Боге над Богом».

В-третьих, гностическое толкование Книги Бытия, возможно, было связано с гностическим визионерским опытом. Благодаря исследованиям гностиков и их знанию божественных тайн, они, вероятно, пришли к пониманию, что божество, говорящее в Книге Бытия, не было истинным и единственным Богом, вопреки утверждениям Библии, и что над ним должно существовать нечто более Божественное.

Трансцендентный Бог, минимально вовлеченный в творение и управление миром был гораздо более правдоподобен в глазах многих людей, живших в греко-египетско-римской атмосфере первых столетий христианской эры. Глубоко личностный и болезненно неполноценный Бог Ветхого Завета потерял доверие даже в глазах многих евреев, что доказывает пример с философом Филоном из Александрии. Этот образованный человек, хотя и был благочестивым иудеем, применил свои таланты для отмыкания представлений о Боге Израиля, облакая его в платонические идеи. Они включали божественные ипостаси (эманированные аспекты Божества), такие как Логос и София, которые весьма почитали гностики. Занимая еще более радикальную и откровенную позицию, толкователи, чьи слова содержатся в писаниях Наг-Хаммади, утверждали, что Бог, который ведет себя так, как это описано в Бытии и других книгах Ветхого Завета, должен быть обманщиком и захватчиком, недостойным поклонения и послушания.

Гностики понимали историю сотворения в Книги Бытия как мифическую, а для мифов обязательна интерпретация. Греческие философы часто смотрели на мифы, как на аллегории, в то время как обычные люди рассматривают их как своего рода псевдо-историю, и *mystae* (посвященные) в Элевсинских и других мистериях воплощали мифы в жизнь посредством визионерского опыта. Нет никаких оснований полагать, что гностики рассматривают мифы в иной, существенно отличной манере.

Современные либеральные библейские ученые склонны рассматривать библейские рассказы как мистические истории, которые люди придумали, чтобы объяснить окружающий мир и то, что за его пределами. Если эта точка зрения верна, тогда противоречия в мифе Книги Бытия являются ни чем иным, как отражением противоречий жизни в целом. Но гностики, наряду со многими другими мистическими философами античного мира, рассматривали мифическую реальность иначе. Они были более заинтересованы в понимании и осознании мира внутри, чем мира снаружи или того, что над ним. Сам мир указывает на реальность за пределами, на трансцендентность, которая являлась исключительно важной. Мифы гностиков предназначены для стимулирования переживаний, в процессе которого индивидуальная душа превосходит ограничения мира. Преодоление, по их мнению, означает выход за рамки ограничений не только материи, но и разума. Именно в психической области современные психологи обнаружили аналоги того, что в гностицизме называется Демиургом и архонтами. Подобно тому, как К.Г. Юнг делал различие в психике между Я и эго, так и гностики говорили о двух богах, один трансцендентный, другой же – неуклюжее вторичное божество. Глубинная психология, кажется, пролила большой свет на гностическое понимание иудео-христианского мифа сотворения, нежели либеральные библейские ученые. Тем не менее, вероятно, есть смысл по всех этих мифологемах, или мифологических темах, который одинаково ускользает от понимания психолога и библейского ученого.

Сравнительно легко воспринимать идеи гностиков как богохульство религиозных инакомыслящих, если не потрудиться глубоко и логически поразмыслить над природой и следствиями таких писаний, как книга Бытия. Кроме того, нетрудно убедиться, что достойный порицания характер Создателя, отраженный в этом писании, никоим образом не совместим с Отцом Иисуса. Гностическая доктрина двух Богов определенно лучше отвечает этическому и логическому чувству человеческого разума, нежели распространенный иудео-христианский монотеизм с его отчаянным желанием наводить лоск на кричащие противоречия, которые здесь упоминаются.

Как ребенок является отцом мужчины, так и мифы сотворения различных культур оставляют свой отпечаток на истории народов и наций. Гностики, по-видимому, предприняли героические усилия для того, чтобы освободить юную западную культуру своего времени от тени иудео-христианского мифа сотворения. Если альтернативный, предложенный ими миф кажется радикальным для нас, то это только потому, что мы привыкли к версии Книги Бытия на протяжении многих веков. Многие выводы из гностической версии могут быть по-настоящему полезными для культуры двадцать первого века. Может быть, пришло время заново оценить западный миф творения, и, если это так, то гностицизм может послужить нам помощником и союзником.

Глава 4. София: Гностический Архетип Женской Мудрости

Феномен изгнания стал трагически привычным в нашу эпоху. В ходе второй половины двадцатого века миллионы людей были согнаны или были вынуждены покинуть земли своих предков, чтобы провести свои жизни в иных местах среди людей, чуждых их расе, традициям, даже их душам. Депортация, этнические чистки, лагеря беженцев и анклав

изгнанников, отчаянно пытающихся сохранить остатки своих древних культур – хорошо знакомы и постоянно присутствовали в начале двадцать первого века. Наследие и ужас изгнания всегда возле нас.

Гностики рассматривали ситуацию изгнания как нечто более значительное, нежели просто историческое событие. Они приписывали ей основательное космическое и даже транскосмическое значение. Человеческий дух, считали они, буквально является пришельцем на чужой земле. «Иногда я ощущаю себя ребенком, лишенным матери», - вздыхает американский спиритуэл. Гностики согласились бы с этим, а также, возможно, возымели бы соблазн заменить «иногда» на «всегда».

С точки зрения гностицизма, осознание нашей чуждости этому миру не есть повод для печали или основание для психологического хаоса, как на это могло бы отреагировать нынешнее светское общество. Горечь падения не враждебна нам, утверждают гностики. Отчуждение и скорбь являются нашими товарищами, поскольку они указывают на необходимость истины, которой так требует наше сознание. Большинство людей, как «Обыватель» Кьеркегора, «успокаивает себя обывенным», но гностики не могут идти по такому пути. Изгнанник и в самом деле может найти себя на тёмной земле, но его истинное осознание темноты может также выявить свет на пути к свободе. Так что осознание нашей отчужденности и восприятие места нашего падения, как оно есть - это большой шаг на пути возвращения. Мы начинаем подниматься тогда, когда узнаем о том, что упали.

София: величайшая из изгнанников

Затруднительное положение изгнания и отчужденность не ограничиваются лишь человечеством и даже возникают не на человеческом уровне. Задолго до существования мужчин и женщин, задолго до появления космоса таким, каким мы его знаем, великая драма изгнания и возвращения разыгралась в истории божественной женственности по имени София. После пребывания в величественной вечной Полноте (Плероме), в объятиях эонического супруга, она покинула свою исконную среду обитания, чтобы спуститься в царство хаоса и отчаянного отчуждения. Из Гностических Писаний мы узнаем о том, что София – самая юная из восхитительных существ, населяющих Полноту. По существу, она далека от первоначального света Отца, который является основным и центральным источником для всех. София увидела удаленный свет, подумав, что это может быть Отец, но это оказался лишь Свет, отраженный в глубине Бездны. В поисках света она шла дальше и дальше в обманчивую глубину, пока наконец ее не остановила сила, известная как Предел (Hows).

С этого момента происходит странное разделение в природе Софии. Её высшая, главная сущность становится просветленной и мистически поднимается обратно в Полноту, тогда как её низшая часть остается в отчуждении. Практически во всех гностических мифах, существует близкая связь между природой и состоянием человеческой души (или духа), с одной стороны, и транс-космическим архетипом с другой. Таким образом, мы понимаем, что наше собственное сознание возникло из первичной целостности и отправилось в отчуждение и хаос. Тем не менее, даже в нашем запутанном состоянии мы ощущаем связь, какой бы тонкой она ни была, с более высоким, трансцендентным «Я». Таким образом, как и София, мы разделены на две части: наша человеческая личность пребывает в растерянности и отчуждении, тогда как наше вечное «Я» обладает целостностью и мудростью.

Рис. 2. Икона Святой Софии, Премудрости Божией. София показана как окрыленная, коронованная женщина, в красных одеждах и с рыжими волосами. Она находится в окружении Девы Марии и святого Иоанна Крестителя, которые стоят чуть ниже ее. От

ее престола исходят семь потоков энергии, а над ней находится Христос и шесть ангелов (Россия, девятнадцатый век, собственность автора).

Падшая София, Ахамот (анаграмма Хокма, Мудрости на иврите), борется со своим отчужденным состоянием. Она грустит и гневается; она печалится и тоскует по своей подлинной сущности. В своем страдании она проявляет или излучает энергии, которые, в конечном итоге, уплотняются в строительные блоки материальной вселенной, представляемые в древности как земля, вода, огонь и воздух. Она также порождает гибридную форму сознания, львино-головое, чудовищное существо, которое становится Демиургом (также известен как Иалдабаоф, Сакс и Самаэль), «создателем» сотворенного мира. Внебрачный отпрыск Софии продолжил разработку своего собственного царства, в состав которого входят семь сфер (планет), контролируемые семью правителями (архонтами) времени, которые также являются властителями судьбы и тюремщиками духов.

Рис.3. Современная гностическая икона Софии. Она имеет корону и крылья, а перед ней расположено мировое древо со змеем мудрости, держащим яблоко (написано маслом, Джон Ф.Гоэлз, опубликовано с разрешения художника).

Внутренняя или, как некоторые её называют, онтологическая сторона этих мифологем всегда присутствовали в гностической мысли. Отец церкви Ипполит в дискуссии об этом мифе заявляет, что в гностической системе «Софию называют 'рнеута [дух] души демиурга'». Эти и подобные утверждения предполагают, что эта мифология применима и к человеческой психике. Низшая, психическая природа, с её эго-сознанием, несомненно, является ментальным «создателем» *par excellence*, налагающим свой отпечаток на жизнь и действительность. Мы организуем свой собственный космос (или создаем нашу собственную реальность, как сказали бы некоторые), и в то же время накладываем на него свои собственные дефекты. Разделение бытия Софии на низшее и высшее находит здесь свое отражение: человеческое бытие низшего «я» (психологическое эго) проявляется как демиург, тогда как высшее «я» (или духовная сущность) выступает как София.

Критики гностиков часто утверждают, что демиургическое потомство Софии есть зло. Однако вдумчивое же чтение писаний показывает, что главной характеристикой этой сущности является не зло, а неведение. Тексты неоднократно говорят, что она не знает ничего выше себя. Таким образом, эта сущность даже не знает о существовании своей матери. Тем не менее, это в чем-то и преимущество, так как сей факт позволяет Софии привнести свой замысел в мироздание, которое Демиург считает своим творением. Поэтому созданный мир становится смесью ошибочной работы Создателя и небесной красоты, мудрости Софии. Ересиолог Ириней, отец церкви, описывая гностическое мировоззрение, пишет, что Создатель верил, что он занимался изготовлением этих вещей сам, не ведая того, что [София] Ахамот действовала через него. В дополнение к невежеству, Творец также наполнен тщеславием и самонадеянностью. Он считает, что он один, или, по его собственным словам, что «он есть единственный Бог, и нет другого Бога над ним». София гневно возражает ему, говоря, что в действительности есть другие, превосходящие силы над ним, и что он является незначительной фигурой внутри огромной системы. Демиург, однако, оставляет эту информацию при себе и продолжает внушать живым существам, среди которых он царствует, что он есть истинный и единственный Бог. Онтологическая (или интрапсихическая) аналогия очередной раз оказывается истинной: эго (низшее я) обычно невежественно относительно более глубоких сил внутри коллективного бессознательного (по модели Юнга); и чем больше эго становится отделенным от архетипической матрицы, из которой оно произошло, тем настойчивее оно предполагает, что единолично располагает своим существованием. Эгоизм эго, таким образом, является внутренним следствием надменности Создателя.

Возвращение из изгнания

Падение и изгнание Софии не остались незамеченными. Божественные обитатели Полноты, а также сама Полнота, потеряли рассудок в результате этого. Вместе они обращаются к конечной Божественности, и получают разрешения для её освобождения. Множество высших Эонов Полноты, включая Святого Духа, Христа и Иисуса (которому предназначено стать внешней манифестацией Христа), объединилась в своих усилиях для миссии спасения. Силы Полноты также объединили свои силы, наполняя спасателей непобедимым светом и пронизательностью.

Христос является Софии в форме растянутого на транскосмическом тау-кресте образа. Видение этого креста, полыхающего и светящегося через эонические области, оживляет Софию, вливает в неё стремление к её небесной обители и божественному жениху. В этой части мифа мощно соединяются метафизические и интрапсихические элементы. Нарушение Полноты и забота божественных существ о положении Софии являет осведомленность гностиков о тайне – не только изгнанные души тоскуют по Полноте, но и божественные сущности также мечтают о возвращении души.

Небеса не будут совершенны до тех пор, пока изгнанники не вернутся из далеких областей. До тех пор Полнота не полна по-настоящему, Целостность не является подлинно целой.

Первое пробуждение Софии от бессознательности, происходящее через архетипический символ креста, несомненно, имеет психологическое значение. В процессе индивидуации психику часто подготавливают к грядущему внутреннему освобождению посредством переживания нуминозных символов, рисования мандал и тому подобного. Может быть, соединение вертикальной и горизонтальной линий креста даже напоминает душе/Софии о необходимости соединения противоположностей.

Медленно и с трудом София поднимается к свету Полноты, пересекая двенадцать областей, сквозь которые она пала - в буквальном смысле «прошла насквозь» - на своем пути в хаос. Чтобы исправить свои проступки, она произносит двенадцать «покаяний» (или поэтических формулировок), которые позволяют ей пройти через двенадцать врат, как их иногда называют. Она призывает двенадцать сил посредством сложных ритуальных молений, адресованных конечной Божественности, в данном случае всегда называемой Светом. Поэтические и мистико-магические свойства этих формул ясны даже в коротких отрывках, таких как следующий:

Спаси меня, Свете, от руки силы этой с ликом львиным и от рук исхождений сего божественного Дерзкого; Ибо ты, Свете, тот, в чей свет я уверовала. ... И ты тот, кто спасет меня. ... Ныне же, Свете, не оставь меня в хаосе. ... не оставь меня, Свете, Ибо... восхотели они весь свет мой взять сполна, и... говорили они друг с другом в то время: "Свет оставил ее. Захватим ее и возьмем свет весь, тот, что у нее"... да будут бессильны хотящие взять силу мою; да облекутся они во тьму и да будут в бессилии хотящие взять у меня силу света мою. (Пистис София, глава 32)

По все восходящим сферам, София приближается к миру Света, направляемая и поддерживаемая силами ангелов и архангелов, и укрепленная благодаря силе, дарованной её небесным женихом, Иисусом. В этот момент, глубокая тоска и уныние её ранних покаяний сменяется радостью, по мере того, как она обращает к Свету:

Я была спасена от Хаоса и освобождена от Уз Тьмы. Я пришла к тебе, о, Свет. Ибо ты был Светом на каждой стороне моей, поскольку ты спас меня и выручил меня. А Эманациям Аутадеса (Дерзкого), восставшим против меня, — ты помешал им твоим Светом. И они были неспособны приблизиться ко мне, поскольку твой Свет был со мною и спасал меня твоим Излиянием Света... И ты облачил меня в Свет твоего Излияния. И ты очистил меня от всего вещественного силою твоего Света... И в твоём Свете я стала сильным и чистым Светом Излияния твоего... и я стала светлой в твоей Великой Силе, ибо ты спасаешь меня во все времена... (Пистис София, гл. 32)

Даже на этом этапе враги Софии не отказались от её преследования. Они продолжают атаковать и мучить её вплоть до порога высшего зонического дома Света. Тогда темные силы внезапно исчезают, и она попадает в царство безграничного Света. Прославляя его освободительное сияние, она снова воспекает песнь хвалы:

Я возблагодарю тебя, о, Свет, ибо ты спас меня; и чудеса твои пребывают в Расе Человечества. Ты разбил высокие Врата Тьмы и мощные Засовы Хаоса (Пистис София, гл. 33)

Так заканчивается история верующей Софии. От прекрасной Полноты она снизошла в отчуждение и хаос, где страдала от ужасов дерзости и неведения. Неоднократно выкрикивая могущественным, магическим голосом обращения к Свету, она была одарена силой и освящением от своего жениха, Иисуса, и его святыми руками, возвратилась в свое место мудрости в мире могущественных Эонов.

Все архетипические мифы обладают вневременными свойствами, которые делают их применимыми к проблемам любого места и времени. История Софии, в частности, фиксирует в понятной форме универсальные элементы, которые соединяют психический и трансцендентальный опыты. Из мифа о Софии может быть получено понимание в целях развития (индивидуации) индивидуальной психики, в социологических вопросах и метафизических идеях..

История Софии следует, с небольшими изменениями, классическим четырем этапам древней греческой драмы, а именно – Agone или «состязание», pathos или «поражение», terenos или «плач», и theophania или «спасение». Сознание всегда вступает в зонический конфликт с бессознательным, и зачастую терпит поражение пред его силами. Осознание этих поражений имеет решающее значение; следовательно, особое внимание уделяется скорби, тому пример – множественные раскаяния Софии. Последнее есть радостная мистерия искупления, в которой божественный спаситель приходит из-за пределов экзистенциальной среды. В греческом театре это deus ex machina – актер, играющий роль бога, спускающегося на сцену сверху.

Затруднительное положение потери целостности, символизируемое уходом Софии из Полноты, является вездесущей сложной ситуацией всех живых существ, прежде всего людей. Все мы остро нуждаемся в восстановлении целостности через союз с нашим кровавым «я», великолепным домом, хотя и скрытым внутри нас. Как и София, мы блуждаем по поверхности земли, наше величие унижено и занимается проституцией, а через зонические области спускается к нам «вечногрядущий Единый», наш божественный жених, Логос Всевышнего Бога. Таким образом, theophania, божественное решение великой драмы, всегда здесь.

Гностики не ограничивали свои взгляды образами интрапсихических принципов, как делают многие современные глубинные психологи. Для них внутренние драмы всегда

отражали космические и даже транскосмические драмы. Так как история разворачивается в высшем, то она также отражается и дублируется в человеческой душе. Они наблюдали Христа в нас и Софию в нас, как близнецов славы, стремящихся друг к другу в святой тоске и божественном желании. Небесная супружеская пара, имеющая те же имена, была божественным прототипом, чьи действия повторяются в душе и духе мужчин и женщин.

Откуда приходит София?

Хотя фигура Софии и миф о её падении и искуплении были, несомненно, оглашены и поэтически расширены гностиками, они не были продуктом мысли второго и третьего веков. Ветхий Завет содержит многочисленные упоминания мудрости Бога, как женской божественной ипостаси (эманации), существующей до сотворения мира и мистически представленной в воображаемом и интуитивном опыте пророков и мудрецов. На иврите слово «мудрость» звучит как «хокма», что было в эллинистический период переведено как «София». Вся масса библейской литературы называется «мудрая литература» и включает в себя такие произведения как Притчи, Екклесиаст, Книгу Премудрости Иисуса, Книга Премудрости Соломона и Песнь Песней. Некоторые из этих книг были признаны апокрифическими протестантскими реформаторами, но они высоко ценились во многих местах, и католиками и протестантами. Во многих книгах мудрости Ветхого Завета, Хокма-София общается с читателем в первом лице, как и в опыте откровения. Она всегда фигурирует как женщина и постоянно заявляет, что принимала вместе с Богом участие в ранних действиях сотворения. Вот пример из Книги Притч (стихи 8, 22-24, 27):

Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони: От века я помазана, от начала, прежде бытия земли. Я родилась, когда еще не существовали бездны, когда еще не было источников, обильных водою. Когда Он уготовлял небеса, я была там. Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны.

Кроме того, она величественными выражениями представляет себя в «Премудрости Иисуса, сына Сирахова» (24:3-14):

Я вышла из уст Всевышнего и, подобно облаку, покрыла землю; я поставила скинию на высоте, и престол мой — в столпе облачном; я одна обошла круг небесный и ходила во глубине бездны; в волнах моря и по всей земле и во всяком народе и племени имела я владение.

Прежде века от начала Он произвел меня, и я не скончаюсь вовеки.

Величайший еврейский богослов и философ, развивавший библейское учение о Софии — это, несомненно, Филон Александрийский, иногда называемый Филоном Евреем. Этот выдающийся религиозный мыслитель, который жил одновременно с самым ранним христианством (он умер около 50 года н.э.) разработал множество учений аналогичных учению гностиков. Филон признавал за человечеством возможность божественного знания, но также утверждал, что для стимулирования такого знания в контакт с человеком должны войти определенные эманации Бога. Одна из них - это Логос, перворожденное божественное излияние, или «сын». Другой является София, Премудрость Божья, которую Филон называет матерью всего живого. Этот её характерный признак Филон выводит из уже процитированных положений Книги Притч. Ортодоксальность Филона внутри еврейского контекста никогда не оспаривалась. Таким образом, представляется, что учения, такие как его, а особенно те, что касаются Софии, были распространенными в еврейских кругах того времени и не считались еретическими.

Специфический гностический миф о Софии был, вероятно, впервые провозглашен спорным и таинственным Симоном Магом, который жил в апостольскую эпоху и изложил доктрину, которая имеет много сходства с поздними разработками мифа о Софии. Хотя он, похоже, не использовал имя «София», но учил о божественной женской эманации, которая снисходит в материальный мир и оказывается там в плену (подробнее о прото-софийном мифе Симона см. гл. 8). Современные ученые склонны приписывать Софии еврейское происхождение. Несмотря на патриархальный монотеизм, признающий традиционным Иудаизмом, присутствие ликов Богини зачастую указывается в Еврейской истории (как Рафаэль Патаи показал в своей новаторской работе «Иудейская Богиня»). Некоторые из этих женских божеств были, бесспорно, хтоническими Вавилонскими богинями плодородия (или связанными с ними), имевшими мало общего с Софией. Однако, возможно также существовали традиции, имевшие дело с более духовной фигурой, Премудростью Божией, появляющейся в одних случаях как дочь Бога или же как его супруга в других. В эллинистический период религиозный климат среди евреев, возможно, также смягчился настолько, что литература относительно этой фигуры (как, например, философские заявления о ней, как у Филона) могла появиться открыто. Гностические учителя были, впрочем, способны вполне разработать историю Нашей Госпожи Мудрости.

Можно без преувеличения сказать, что София представлена практически по всей гностической литературе. Большинство писаний Наг-Хаммади ссылаются на миф Софии, одни явно, другие неявно. Наиболее важным из писаний, доступных до обнаружения библиотеки Наг-Хаммади, несомненно, является Пистис София («Верующая София»), на котором основываются факты падения и искупления Софии, рассмотренные в этой главе ранее. Вполне вероятно, что большая часть книги была написана великим гностическим учителем Валентином, тогда как дополнительные места могли быть добавлены его учениками. Это наиболее полное изложение истории Софии, превышающее подробностями и поэтической красотой все другие работы на эту тему.

Пистис София состоит из трех книг дискуссий Иисуса со своими учениками, которые находятся с ним на Масличной горе в период между его воскресением и вознесением. Первые две озабочены историей Софии. Книга первая начинается с объяснения впечатляющего опыта преображения Иисуса, в ходе которого он поднимается в вечность в блесках света. После возвращения он рассказывает о своем обнаружении Софии в её падшем состоянии и о своей готовности помочь ей. Во второй книге Иисус рассказывает о неудачах и сложностях Софии при восхождении к Свету, а также о её восстановлении на своем месте в тринадцатом эоне. Все эти сведения Иисус сообщает во внешне драматической обстановке на Масличной горе. За покаяниями Софии следуют декларации псалмов и отрывков из Од Соломона, другого гностического писания. Также присутствуют вопросы и обсуждения учеников, среди которых важное место занимает Мария Магдалина.

Рис.4. Гностический драгоценный камень, около третьего века нашей эры, с изображением вооруженной Богини. Она держит различные орудия власти в руках, окружена звездами со всех сторон. Две лишние головы, возможно, имеют астрологическое значение. Образ, быть может, представляет гностическую Софию.

Многочисленные упоминания Софии не согласуются во всех деталях, хотя основной мотив везде идентичен. Причиной падения Софии иногда называют её самонадеянность, иногда её любовное стремление к Отцу, а в других текстах – её желание забеременеть без своего супруга. Кроме того, есть небольшие расхождения в толковании отношений Софии и Демиурга. Некоторые утверждают, что София первой принесла четыре материальных элемента, из которых было составлено дефектное творение, а затем родила Демиурга, как правителя этого неполноценного космоса. Другие же считают, что весь испорченный мир

сотворен Демиургом. Однако во всех этих точках зрения образ Софии играет решающую роль в судьбе Вселенной и человечества.

Что стало с Софией?

Традиция Софии достигла своего наибольшего расцвета в руках гностиков, в частности, в школе Валентина. После подавление гностицизма в третьем и четвертом веках, Западная Церковь подвергла образ Софии намеренному отрицанию. Премудрость литературы Ветхого Завета была рассмотрена как абстрактное интеллектуальное качество, нареченное мудростью, а не личное божественное существо, являющееся ипостасью конечной Божественности. Это факт, что в дополнение к мудрой литературе, многие другие книги и Ветхого и Нового Заветов, содержащие ссылки на Софию, также был попросту проигнорирован (включая Бытие, Исход, Книгу Иова, Евангелия от Марка и Иоанна, многие письма святого Павла – в частности, одно к Коринфянам и одно к Фессалоникийцам, а также Откровение Иоанна Богослова). В эзотерическом Иудаизме Каббалы можно обнаружить почитание близкого Софии образа Шекины, женского духовного присутствия в сефире Малкут. Современные ученые, такие как уже покойный и великий Гершом Шолем, ссылались на каббалистов, как на еврейских гностиков, и поэтому не удивительно, что гностическая София нашла свой дом в их среде.

Римское католическое христианство испытало лишь одно возрождение культа Софии. Это произошло примерно в двенадцатом веке через посредничество святого Бернарда из Клерво, цистерцианского аббата и мистика, который написал длинный мистический и поэтический трактат, основанный на Песни Песней. Поскольку Римская Католическая Церковь включила то, что осталось от Софии, в образ Девы Марии, Бернарду было непросто отличить таинственную Суламиту от Мадонны. Его преданность видению Софии была, тем не менее, истинной и влиятельной.

София также оставила свой след в алхимии. Один из важнейших документов, относящихся к алхимической Софии – это знаменитый трактат «*Aurora Consurgens*», по мнению некоторых исследователей, принадлежащий Фоме Аквинскому, выдающемуся средневековому учителю церкви и отцу западной теологии. Это незаурядное произведение изображает процесс алхимических преобразований как постепенное освобождение Софии из заключения в хаотической, ограниченной материальности. Впоследствии лишь после того, как свежий духовный и интеллектуальный ветер Возрождения начал дуть над Европой, приведя в конечном счете к революционному пылу протестантской Реформации, фигура Софии вновь явилась людям Запада. Немецкий мистик Якоб Беме, после-реформационная фигура большого значения в Европейской религиозной мысли, проницательно пишет о Софии (смотрите главу 11).

В немалой степени вдохновленные Якобом Беме и его толкователями, альтернативные мистические и оккультные традиции западной культуры сохранили почитание Софии (часто под её латинским названием «*Sapientia*») на протяжении веков и тем самым сделали её доступной для будущих поколений. Каббалисты (и еврейские, и христианские), практики высшей магии, и члены тайных братских союзов, такие как розенкрейцеры и эзотерические масоны часто склонялись к образу Софии

Одним из мест, где София присутствовала с ранних веков Христианства, хотя и без фанфар, является православие. Православные богословы никогда не отказывались от учения, что женская манифестация Бога существует в запредельной реальности и вдохновляет благочестивых людей на мудрость. Собор Святой Софии в Константинополе, одна из самых больших христианских церквей, был названа в её честь, а многие греческие и православные

храмы посвящены ей до сих пор. Софиология (теология, связанная с Софией) получила огромную поддержку в конце девятнадцатого и начале двадцатого века, в значительной степени из-за работ Владимира Соловьева, русского философа и поэта, на которого древние гностические идеи оказали глубокое воздействие. Родившийся в 1853 году и умерший незадолго до Первой Мировой Войны и Большевицской Революции, Соловьев оставил прочных след в русской духовности. Он был открыто вовлечен в гностические учения, а также писал стихотворения и эссе на явную гностическую тематику. Как истинный гностик, Соловьев не был просто теоретиком: он был провидцем и пророком, а главным объектом его гнозиса была никто иная как София. Три раза – в 1862, в 1875 и при своей смерти в 1900 году – он пережил встречи с Софией. Он был великим оживителем Русской Православной Софиологии, и его работа была продолжена другими философами и теологами после его смерти.

Неудивительно, что рост феминистского сознания в последней части двадцатого столетия принес известность женским божественным образам, в том числе Софии. Она стала одним из имен, которые феминистки и их сторонники любят включать в свой пантеон богинь. К сожалению, многие из этих попыток происходили без понимания гностических писаний, согласно которым София - полностью духовное существо, не имеющее отношения к земным богиням и лунным женским божествам языческих религий. Быть может, будет справедливо заявить, что София в любых своих проявлениях (древних гностических, как Суламита, как Шекина, алхимических, у Беме, в восточном православии) имеет мало общего с сексуальными и политизированными образами «богинь», которые появляются в феминистских и New Age-источниках.

Нынешний обновленный интерес к мифологии, фольклору и иконописи, часто включая примитивные и архаические образы и легенды, может быть расширен с включением в них Софии. Писатели, которые имеют тенденцию синтезировать несопоставимые образы, могут ошибочно воспринимать Софию в различных религиозных фигурах только потому, что они являются женщинами. Но пол никогда был важной или глубокой характеристикой мифологических образов как вообще, так и в гностических мифах в частности. Андрогинные, бесполое и меняющие пол свойства часто встречаются в мире изменчивых форм, где обитают гностические мистические существа. Не все, что блестит, является золотом. И не все, что сочетает мистическое и женское, является Софией!

Сегодня, как и прежде, София остается важным прототипом нашего изгнания и состояния отчуждения человека. Термин «чужак» приобрел новую окраску в нынешней культуре. Псевдо-мифология на экране телевизора, основанная на научной фантастике, определяет для нас «чужака» обычно как угрожающего гостя с далекой звездной системы. Тем не менее, образы изгнания и чужого находят отклик в умах и сердцах многих. Мало того, что феномен изгнания занимает важное место в нашем нынешнем мире, так даже многие из тех, кто никогда не покидал родной земли, чувствуют себя иноземцами, не только как в чужой стране, но и как в чужом мире. Для тех, кто не является гностиком, отчуждение может выглядеть патологией. Для гностиков же осознание этого факта является ценностью. Как София пала в темный хаос, так и наше сознание попало во мрак и заброшенность. И как София была в свое время спасена Верховным Посланником, так и мы также должны быть спасены в полноте нашего собственного времени и восстановлены в нашей родной среде обитания, в вечности истины и любви.

Здесь: жанр духовной песни афроамериканцев, основанный на библейских сюжетах — *прим. ред.*

В русском переводе — гл. 35. Здесь и далее пер. А. Момы — *прим. ред.*

В русском переводе — гл. 68 — *прим. ред.*

В русском переводе — гл. 81 — *прим. ред.*

Глава 5. Гностический Христос: Спаситель или Освободитель?

В начале двадцать первого века мы с готовностью встречаем множество характеристик Иисуса, сбивающих с толку. В мире популярных развлечений, наследие 1960-х годов включает в себя мюзикл «Иисус Христос - Суперзвезда», в котором Иисус представлен чудаковатым социальным критиком. В рискованной политической сфере мы находим теологов свободы, которые делают все возможное, чтобы представить Иисуса в качестве прото-марксистского революционера, своего рода Че Геварой первого века. В более здоровом мире науки мы находим довольно скучного Иисуса из Семинара Иисуса[1] и предположения о «документе Q». К этому мы можем добавить фаллическо-психоделического Иисуса, представленного в необычных «Свитках Мертвого Моря» ученым Джоном Аллегро, или коварного Иисуса, превозносимого коллегой Аллегро Хью Сконфильдом. Революционный Иисус, чувственный Иисус – так много Иисусов и так мало ясности! В последней четверти двадцатого века мы ознакомились со всеми ими. Все эти образы, а также многие другие, основываются на Новом Завете. Уже не раз отмечалось, что на основе этих данных центральная фигура Христианства может быть представлена такой, какой её кто-либо захочет видеть. С тех пор, как введение рационалистического подхода к Библии в виде высшего библейского критицизма и аналогичных подходов, запустило поиск «исторического Иисуса», эти поиски далеко не единожды приводили к неудаче.

Однако, пожалуй, забыт влиятельный Иисус раннего Христианства: Гностический Иисус. Для ранних христиан Иисус был не столько исторической фигурой, сколько вдохновением. Известно, например, описание Иисуса апостолом Павлом как «превыше всякого начала, и власти, и силы, и господства и всякого имени, именуемого не только в этом веке [зоне], но и в будущем» (Послание к Ефессянам, 1.21). Это утверждение настолько в духе гностицизма, что можно сделать вывод о том, что Павел и другие описывают Иисуса в гностических терминах – как существо, стоящее над властителем и его родней (Демиургом и архонтами) из этого падшего мира.

Долгое время единственным источником учения Иисуса были четыре Евангелия. Из них Евангелие от Иоанна всегда было любимым для гностиков и гностических эзотериков на протяжении всей истории. Наряду с историями о чудесах и повествованиях о страстях, смерти и воскресении, Евангелие от Иоанна включает в себя ряд проповедей об Иисусе, которые имеют много общего с учениями гностической литературы.

Рис.5. Антропоморфные кресты катаров. Человек в форме креста, а также Т-образный крест, увенчанный кругом, символизируют небесного человека (или Христа).

Евангелие от Иоанна не является единственным каноническим доказательством гностического характера учения Иисуса. По крайней мере, немалая часть объема высказываний об Иисусе содержалась в Евангелиях от Матфея и Луки, а немного даже в Евангелии от Марка. Многие высказывания канонических писаний содержат учения, обладающие замечательным смыслом, если толковать их в свете Гностического. Хорошим примером является притча о пшенице и плевелах в Евангелии от Матфея (13.24-30): человек засеял хорошей пшеницей своё поле, но потом обнаружил, что враг засеял в пшеницу плевелы. Когда рабочие спрашивают должны ли они выбрать плевелы, фермер отвечает им, что нужно позволить и пшенице, и плевелам дорасти до момента уборки урожая, тогда их будет легко разделить. Согласно гностическому учению, мир представляет собой смесь семян света и тьмы. И хотя невозможно провести различие между ними сейчас, в свое время они будут естественным образом разделены, как и предопределено.

Иисус как Гностический Учитель

Существует множество высказываний, приписываемых Иисусу, которых нет в канонических евангелиях, но их можно найти в гностических писаниях. Из них наиболее богато Евангелие от Фомы, которое является частью коллекции Наг-Хаммади. Гностические писатели, как представляется, были заинтересованы главным образом в записи учений Иисуса, охарактеризованных как тайные, то есть важные учения строго гностического характера, которые он давал, чтобы отобрать учеников после своего воскрешения.

Каким гностики видели Иисуса? Можно не сомневаться, что они очень глубоко его почитали, что они видели в нем манифестацию высшего Божества, и что они рассматривали его как освободителя или просветителя, который выбил дверь тюрьмы человеческого заключения в материю и духовного забвения. Согласно гностической традиции, Иисус осуществлял свое служение в двух основных направлениях. Первое из них можно было бы назвать пасторством. Второе же было священное отправление мистерий посвящения и освобождения (смотрите главу 7). Вполне вероятно, что простой народ Палестины рассматривал его в первую очередь как раввина или светского учителя религии, так как он не относился к наследственной касте священников. Таким образом, в некотором смысле, роль учителя была его внешней стороной, в то время как духовный проповедник в нем был более скрытым.

Рис.6. Надгробие катаров в форме подобной голове человека.

Большая часть высказываний Иисуса, содержащаяся в Евангелии от Фомы, может быть классифицирована по четырем направлениям:

- (1) высказывания о положении человека;
- (2) высказывания в отношении человеческого поведения;
- (3) высказывания, намекающие на роль Иисуса как спасителя и освободителя;
- (4) высказывания, подчеркивающие важность самопознания как предпосылки к познанию Божественного.

Во всех этих изречениях читатель может быть поражен тем, что мы можем назвать глубоко практическим экзистенциальным подходом, который проявляет Иисус. Он неоднократно отказывается втягиваться в теоретические дискуссии об отношении духа и тела, точном времени его появления на земле, необходимости следовать заповедям, установленным Моисеем, и даже о точном характере своей мессианской роли. Вместо этого он часто напоминает своих слушателям о вреде их беспокойств, догматичности и привязанности к земным вещам, а также психологических слабостей. В целом ряде случаев он как бы говорит: «Не становись отягощенным навязчивыми проблемами из-за своего материального благосостояния или даже из-за своего морального характера. Перейдите на своем пути от ограничений и привязанностей к великой жизни, что вас ждет. Неважно, обрезаны вы или нет, или какую вы соблюдаете диету. И неважно, что вы думаете – есть ли я возвратившийся Илия, или философ, или сын простого плотника. Что важно, так это то, сколько вы приложили усилий, чтобы познать себя и, таким образом, подготовились к познанию гнозиса». Его послание хорошо характеризуется коротким высказыванием Евангелия от Фомы: «47. Иисус сказал: Будьте прохожими» (подробное описание некоторых высказываний этого Евангелия смотрите в книге С.Хеллера «Юнг и потерянные евангелия»).

Гностические высказывания об Иисусе также проливают свет на его довольно необычный способ обучения. В отличие от большинства учителей, он полагался на нечто большее, нежели идеи, и делал больше, чем просто убеждал в соответствии с традиционными моральными и религиозными направлениями. Он адресует свое учение не столько думающему разуму и эмоциям людей, сколько их зарождающемуся интуитивному гнозису. Его слова не столько предназначены для информирования, сколько для стимуляции скрытых творческих и созидательных способностей. Иисус, возникающий в этих проповедях, есть Иисус, сильно отличающийся от традиционного смиренного и тихого мужчины в печали. Этот Иисус использует метафоры и мифы, загадочные мистические изречения и явно гностические притчи, чтобы вызвать необычные состояния сознания у своих последователей.

Целый ряд высказываний в Евангелии от Фомы показывает Иисуса как учителя, настойчиво стремящегося к стимулированию гнозиса у своих учеников. Он укоряет последователей за попытки обращения к его роли и личности на основании прошлых пророчеств:

57. Ученики его сказали ему: Двадцать четыре пророка высказались в Израиле, и все они сказали о тебе. Он сказал им: Вы оставили того, кто жив перед вами, и вы сказали о тех, кто мертв.

Он как бы говорит: не оценивайте меня с точки зрения прошлого, не связывайте меня с пророчествами, писаниями и надеждами. Смотрите на меня вместе с гнозисом и обретете понимание. В том же источнике мы находим:

64. Иисус сказал: Посмотрите на того, кто жив, пока вы живете, дабы вы не умерли, - ищите увидеть его!

А также:

95. Они сказали ему: Скажи нам, кто ты, чтобы мы поверили в тебя. Он сказал им: Вы испытываете лицо неба и земли; и того, кто (что?) перед вами, - (как) испытать его.

Все эти заявления – призыв к непосредственному интуитивному пониманию экзистенциальной сущности и отбрасыванию концептуальных, интеллектуальных объяснений.

Гностические писания показывают, что, по крайней мере, в некоторых случаях, Иисус на самом деле пробудил гнозис в последователях. В 14 стихе Евангелия от Фомы он просит учеников рассказать, на кого он похож. Петр сравнивает его с ангелом справедливым. Матвей уподобляет его мудрому философу. Только Фома отказывается делать какие-либо сравнения и говорит, что его уста не могут сказать, на кого похож его учитель. Тогда Иисус отвечает Фоме:

Я не твой господин, ибо ты выпил, ты напился из источника кипящего, который я измерил.

Затем Иисус отводит Фому в сторону и шепчет три слова на ухо. После этого, другие апостолы спрашивают у Фомы, что это были за слова. Фома же отказывается говорить им, поясняя:

Если я скажу вам одно из слов, которые он сказал мне, вы возьмете камни, бросите (их) в меня, огонь выйдет из камней (и) сожжет вас.

Существует более мирская версия этого случая, не учитывающая роль Фомы, в Евангелии от Матфея (16.13).

Фома стал «опьяненным», то есть испытал неординарное состояние сознания, и в этом состоянии он узнал Иисуса через гнозис. Раскрытие этого гнозиса тем, кто не имел опыта такой глубины, было бы фатальной ошибкой. Печальная судьба многих гностиков на протяжении всей истории свидетельствует о том, что слепая ярость незнающего может излиться на познавшего.

Искупление или освобождение?

Основным признаком современной христианской веры является вера в то, что Иисус пришел, чтобы искупить грехи человечества и, тем самым, сделать возможным спасение. Краткое обоснование этого утверждения: Бог создал хороший мир, который стал падшим в связи с гневом Бога, после того, как первые люди его ослушались. Смерть и страдания были принесены в то, что раньше было райским творением. Со временем гнев Бога ослабевал, и он пытался примириться с человечеством еще раз. Средство этого примирения - единокровный Божий Сын Иисус Христос, который был послан Отцом в мир, чтобы страдать и умереть на кресте за грехи человечества, включая первородный грех, совершенный предками человеческого рода.

Постулаты этой «теологии искупления» оказались под вопросом в результате научных открытий последних двух столетий. Если смерть принесена в мир грехами человека, тогда как же множество форм жизни погибло задолго до возникновения человеческой расы на земле? Жизнь охотилась на жизнь задолго до того, как мужчины и женщины вступили в эту борьбу. Пожалуй, первоначальное творение не существовало как доброе и райское, как нам думалось. Может быть, в мире всегда было то, что можно назвать гигантской хищной закуской, и люди просто стали частью пищевой цепочки в сравнительно поздний период.

Гностические последователи Христа, очень ранние в истории христианской веры, отказались идти вместе с искупительной теологией. Даже в отсутствии доказательств биологии и палеонтологии, они не согласны с тем, что хороший мир был поврежден злыми людьми, которые затем должны примириться с гневным Богом посредством мучений и смерти Иисуса. Означает ли это, что гностики не считают Иисуса своим спасителем? Отнюдь нет. Как мы видели ранее, гностики считают, что они пришельцы на этой земле, даже в самом этом космосе. Один из их учителей, Маркион, называет этот мир «*haec creatoris cellula*», что означает «эта тюремная камера, сделанная Творцом». Мандейское гностическое писание, Гинза, предостерегает человеческие существа: «Ты был не отсюда, и твой корень был не от мира сего». Спаситель пришел не для того, чтобы успокоить своего сердитого отца, приняв позорную смерть, а скорее «пленив пленение» (по гностическому выражению) и освободить несчастных чужаков из тюремной камеры, где они заточены.

Люди, лишь поверхностно знакомые с гностицизмом, часто приходят к заключению, что для гностиков спасение или освобождение есть непосредственный опыт, не требующий никаких спасителей. Ничто не может быть дальше от истины. Человеческий дух, говорят гностики, прибыл в этот мир извне, и, следовательно, стимулы к освобождению должны также приходить оттуда. Правда, духовный освободительный потенциал находится в глубине (или лучше сказать, высоте) человеческой души, но реализация этого потенциала требует мощного вмешательства. Эта помощь оказывается существами, чьи верные уроки гностицизма призывают посланников Света – спасительные, мессианские сущности высшей Божественности. Гностический пророк Мани из Персии ясно заявляет об этом (цитируется по Аль Бируни):

«Мудрость и добрые дела всегда передаются, время от времени, человечеству Божественными посланниками. Таким образом, в одной эпохе они привносились посланником Буддой из Индии, в другой – Заратустрой из Ирана, еще в одной – Иисусом на Западе. Впоследствии это откровение снизошло, как пророчество этой последней эпохи, через меня, Мани, апостола Бога истины в Вавилонии». (Аль Бируни, *Athar ul Bakiya*)

Не называя имени посланника, Гинза рассказывает об этом:

«Во имя того, кто пришел, во имя того, кто приходит и во имя того, кто придет впредь. Во имя Великого Чужака, который пробился через миры, который пришел рассечь небесный свод и показал себя» (глава 35).

В христианском гностицизме этим великим чужаком является Иисус. Во множестве писаний гностической традиции он называется Логосом; в других - Soter (целитель, спаситель); и во многих – Christos (первый помазанный). Точное соотношение этих имен друг с другом не всегда ясно. Есть свидетельства того, что гностики верили, что духовный Христос снизошел в личность Иисуса в момент его крещения в реке Иордан от рук Иоанна. Несмотря на это, Иисус также считается святым и божественным существом с момента своего рождения.

Таким образом, спасение гностиков означает не примирение с гневным Богом путем смерти его сына, но освобождение из ступора земного существования и пробуждение на пути гнозиса. Гностики не считают, что любой грех, включая ситуацию Адама и Евы, является таким мощным, чтобы привести к деградации всего проявленного мира. Мир несовершенен, потому что такова его природа, но люди могут освободиться от заключения в этом порочном мире и от бессознательности, сопутствующей этому заточению. Иисус пришел как посланник и освободитель, и те, кто принимает его послание сердцем, разделяя эту тайну, как ученик Фома, спасаются посредством гнозиса.

Воскрешение или пробуждение?

Одно из наиболее важных обвинений против гностиков со стороны ортодоксальных христиан – это обвинение в том, что они отвергли воскресение Иисуса. На самом деле, нет никаких доказательств того, что гностики его отрицали. Однако они утверждают, что воскресение, как и многие события Нового Завета, не следует понимать буквально. Некая реанимация тела Иисуса могла иметь место в Пасхальное утро. В действительности, в большинстве гностических писаний воскресший Иисус называется «единственно живым», эквивалентом латинского «*redivivus*», «единственным возвратившимся к жизни», но это не означает, что Иисус вернулся к жизни в физическом теле подобном нашему. Действительно, едва ли он вообще когда-либо пребывал в теле, сходном с нашим. Физические тела не ходят по воде, не проходят через стены и не сияют как солнце. Точная природа тела Иисуса есть тайна, говорят гностики, и они ощущали это относительно обоих тел – и того, которым он обладал до воскресения и того, в котором он проявился в последующий период.

В действительности, канонические Евангелия имеют неопределенность в отношении точного характера «воскресшего тела», занимаемого Иисусом. Конечно, некоторые евангельские сообщения намекают, что оно было твердым и составленным из плоти; однако другие оставляют место для сомнения. История о дороге к Эммаусу, рассказанная в Евангелиях от Луки и Марка, повествует о том, что Иисус оказался «в ином образе» (Марк 16.12; Лука 24.13-32), и что после того, как он благословил хлеб на столе, он просто испарился в воздухе. В Евангелии от Иоанна (20.11-17), Мария Магдалина, которая, несомненно, была хорошо знакома с внешностью своего учителя, сталкивается с ним у

могилы и ошибочно принимает его за садовника. После того, как она узнала его, он дает ей наказ не трогать его. Это требование, знаменитое «*noli me tangere*» (не трогай меня), которое дало жизнь произведениям священного искусства, может быть истолковано как означающее, что его тело было иллюзорным. Элейн Пейджелс пишет в своей книге «Гностические Евангелия»: «Так что если некоторые истории Нового Завета настаивают на буквальной картине воскресения, то другие допускают иные интерпретации».

Что было важнее в Иисусе – его плоть или дух? Даже ортодоксы ответят нам, что это дух. Поэтому вполне понятно, что гностики придают особое значение природе Иисуса и его воскресения. Две точки зрения согласуются в том, что в обоих случаях – до воскресения и после него – Иисус проявился как владеющий плотным телом. Многие гностики считали, что это тело само по себе могло быть лишь видимостью (*doketos*), и поэтому они были обвинены как докетики, т.е. те, которые думают, что тело Иисуса было чисто иллюзорным. (Однако, понятие «тела видимости» хорошо известно в других местах – к примеру, в Индийской традиции).

Более важным, нежели субстанция тела Иисуса, для гностиков является гностическое учение о том, что воскресение имеет глубокий личный духовный смысл для каждого, кто стремится к гнозису. Ибо разве не все мы, в каком-то смысле, мертвы и завернуты в ткань бессознательного? Не является ли наше видение закупоренным камнем неясности и бестолковости? Не самая ли дорогая наша надежда и чудесная неизбежность – видеть, что камень отвален и наша духовная природа пробудилась от эонического сна? Если это так, то почему бы не сделать, как сделал Христос, возродив дух к новой жизни? Совершенно верно, скажут ортодоксы, но это случится только после нашей смерти, когда наши давно сгнившая и исчезнувшая плоть воскреснет. Именно здесь гностики однозначно отказываются от товарищества с ортодоксами. Гностик может привести цитату из Евангелия от Филиппа: «Те, кто говорит, что Господь умер изначала и он воскрес, заблуждаются, ибо он воскрес изначала и он умер» (21) – и он мог бы добавить, что если мы хотим подражать Христу, то это мы и должны сделать. То же Евангелие говорит в другом месте:

«Если не получают сначала воскресения, будучи еще живыми, (то), когда умирают, не получают ничего» (стих 90)

Гностики считали термин «воскресение» словом-символом гнозиса, или истинного духовного пробуждения. Когда мы просыпаемся, осознавая то, кто мы такие, откуда мы пришли и куда идем, мы приходим к истинному, подлинному знанию вещей. Для гностической традиции воскресение Христа есть таинственное побуждение, содействующее нашему воскресению или пробуждению. Если этого пробуждения не происходит, тогда жизнь, смерть, воскресение и вознесение Христа были напрасными. Как пишет Ангелус Силезиус, христианский мистик семнадцатого века, весьма гностический по духу:

«Христос мог бы тысячу раз родиться в Вифлееме — ты всё равно погиб, если Он не родился в твоей душе»[2]

(Херувимский Странник)

Imitatio Christi (подражание Христу) часто понимается как отождествление своих собственных страданий и несчастий со страстями господними и распятием. Однако, это подражание должно также включать в себя воскресение. Гностическая позиция достаточно ясна: в момент полного гнозиса пребывающая внутри божественная искра продуктивно реализуется и человек восстает из двойного гроба тела и ума, объединенного с вечным духом. Забытье отпадает прочь; воспоминание о реальности духа возвращается.

Христос – вечный освободитель

Одно из главных возражений мусульман против христиан относительно Иисуса - то, что он называется сыном Бога. В глазах мусульман неприлично говорить, что Бог имеет сына, ибо для продолжения рода необходима деятельность плоти, а это было бы ниже божественного достоинства. Хотя гностические писания свободно относятся к Отцу, Сыну и Святому Духу, они не отождествляют Иисуса со вторым ликом Троицы в виде какой-либо конкретной формы. Вопрос «сыновства» не был для них важен. Подобно мусульманам, они, быть может, уклонялись от него. Иисус помазанный (Христос) был для них таинственный эоническим существом, великой духовной силой, которая снизошла в форме посланника к человечеству. Мандейская Гинза (389 гг.) представляет самораскрытие именно такого существа, хотя его имя не упоминается:

Из места света я вышел
из тебя, светлое обиталище.
Я пришел ощутить сердца,
измерять и подвергать испытанию умы,
узреть, в чьем сердце я живу,
в чьем разуме я лягу отдохнуть.
Кто думает обо мне, о том я хлопочу;
кто называет мое имя, имя того зову я.
Кто возносит мне молитву со дна падения,
его молитвой я молюсь из места света.
Я пришел и обнаружил правдивые и верующие сердца.
Когда я не жил среди них,
уже моё имя было на их устах.
Я взял их и направил вверх, в мир света.

Отец церкви Ипполит предоставляет нам мнение о гностическом Спасителе, сохранившемся гностической школы ператов: «Я есть голос пробуждения в Эоне вечной ночи». В «Псалмах души» наасенской школы мы находим небесного, духовного Христа, умоляющего Отца направить его для выполнения своей искупительной миссии:

«Ради человечества направь меня, Отец! Держа печати, я снизойду, сквозь все зоны буду держать я свой путь, все тайны я раскрою, формы божественного существа я сделаю явными, секреты священного пути, известные как гнозис, я передам»

Иисус свидетельствует о своем высшем и непостижимом положении в ряде высказываний Евангелия от Фомы. Приведем некоторые из них:

10. Иисус сказал: Я бросил огонь в мир, и вот я охраняю его, пока он не запылает.

18. Иисус сказал: Я дам вам то, чего не видел глаз, и то, чего не слышало ухо, и то, чего не коснулась рука, и то, что не вошло в сердце человека.

112. Иисус сказал: Тот, кто напился из моих уст, станет как я. Я также, я стану им, и тайное откроется ему.

86. Иисус сказал: Тот, кто вблизи меня, вблизи огня, и кто вдали от меня, вдали от царствия.

81. Иисус сказал: Я - свет, который на всех Я - все: все вышло из меня и все вернулось ко мне. Разруби дерево, я - там; подними камень, и ты найдешь меня там.

Гностический Иисус Христос в действительности был гораздо большим, нежели простым сыном плотника из Назарета. В некоторых отношениях, он был даже больше, чем точно определенный и описанный теологами Божественный сын. Если гностический Иисус выглядит как парадокс и загадка для некоторых, то это потому, что гностическое восприятие Иисуса происходит из опыта гнозиса. Гностики воспринимали Иисуса глазами визионеров. Для них он был трансцендентным существом, обитателем другого измерения или реальности, который временно оказался на земле. Чтобы познать Иисуса, необходимо переживание гнозиса.

Тогда его слова, действия, его существо будут раскрыты и поняты полностью. Сегодня, после полных двух тысяч лет Христианской истории великая загадка Мессии до сих пор зовет нас и просит нас понять его с разумом и переживанием гнозиса. О тех, кто рассматривает его произаически, он говорит:

8. Все видящие меня да изумятся, ибо я - из иного рода. (Оды Соломона, 41)

Для гностиков, однако, он всегда будет светоносным незнакомцем, который напоминает нам, что мы также из другого мира, куда он может помочь вернуться.

[1] Семинар Иисуса (Jesus Seminar) — исследовательская группа, состоящая примерно из 150 любителей и профессионалов в области библеистики и религиоведения, основанная в 1985 г. Робертом Фанком и Джоном Домиником Кроссаном. Стремясь воссоздать исторический образ Иисуса, они подготовили новые переводы Нового Завета, а также реконструкции деяний Иисуса, изображая его как странствующего мудреца, провозгласившего «социальное евангелие» в притчах и афоризмах.

[2] Пер. С. Франка — прим. ред.

Глава 6. Тайна беззакония: гностический взгляд на зло

Десятого июня 1991 года в журнале «Тайм» появилась статья на тему зла. Автор, Ланс Морроу, не обсуждал какой-то конкретный тезис и не делал каких-либо выводов. То, что он сделал, было в некотором смысле более важным. Он начал с трех утверждений:

- Бог всемогущ;
- Бог всеблаг;
- Ужасные вещи имеют место.

Ссылаясь на несколько источников, Морроу говорит, что можно было бы согласиться с какими-нибудь двумя из этих суждений, но не со всеми тремя. Вы можете объявить, что есть всемогущий Бог, которые позволяет ужасным вещам случаться, но этот Бог отнюдь не будет всеблагим. С другой стороны, может существовать всеблагий Бог, допускающий страшные вещи из-за того, что он не является всемогущим.

Этот анализ можно было бы услышать от гностиков первых трех-четырех веков Христианской Эры, или от современного гностика, такого, как автор. Не то, чтобы гностики были единственными, кто осознал это однозначно монотеистическое затруднение. Верховный светила средневековой католической теологии, Фома Аквинский, признает в работе «Сумма теологии», что существование зла есть лучший аргумент против существования Бога. Если концепция монотеистического Бога принимается, то зло не имеет жизнеспособных объяснений. И наоборот, если зло существует, тогда монотеистический Бог, представленный в основных религиозных направлениях Запада, не может существовать.

Откуда приходит зло?

Религиозные традиции на протяжении всей истории объясняют существование зла различными путями. Первый из них – монотеистический, второй – радикально дуалистический, третий относит зло к невежеству, тогда как четвертый – приписывает причину зла первородному греху человечества. В древние времена недифференцированная природа человеческого сознания позволяла людям говорить, что и добро и зло имеют свои корни в Божественном. Таким образом, архаичные шаманы не испытывали бы трудности сказать, что доброе и злое посылаются человеку Великим Духом. В более сложном контексте шумеро-вавилонской традиции считалось, что боги забавлялись посредством создания ужасных вещей: причудливых существ, злых демонов и адских условий человеческой жизни.

Используя психоисторические средства — как и повсюду в этой книге — можно было бы сказать, что пока люди не развили дифференцированное сознание (или сознательное эго), они воображали Бога или богов себе подобными, так что совпадение добра и зла было частью как их, так и божественной природы. Более продвинутые духовные традиции унаследовали некоторые из этих монистических подходов; таким образом, мистическая еврейская теология говорит, что Бог принимает участие как в доброй, так и в злой тенденции (*yetzirim*).

С развитием сознания ум начинает различать благотворную и вредоносную стороны бытия. Напряжение от попытки удержать концепцию Бога, соединяющего добро и зло, становится невыносимым, так что разуму приходится их разделять. Таким образом, возникает понятие радикального дуализма, самым ярким примером которого является Зороастризм. Здесь истинный и добрый Бог, Ахура Мазда (иногда называемый Ормаздом) имеет божественного антагониста, известного как Ангра Майнью (Ахриман). Они вовлечены в вечную космическую борьбу за превосходство. И хотя Ахура Мазда является высшим, и его победа обеспечена, до тех пор, пока творение терпит Ангра Майнью, борьба с ним будет продолжаться, принося в мир страдания.

Сложное, но безличное видение зла и его происхождения можно найти в великих религиях, зародившихся в Индии. Эти традиции рассматривают зло, как часть непросвещенного состояния существования и видят причину злого в невежестве (*avidya*). При достижении просвещенного сознания и, следовательно, восхождения за пределы всех дуальностей, практик освобождается от кармы и от всех условий, в которых проявляется зло. То, что такое освобождение неизбежно приводит к прекращению воплощенного существования не всегда верно, но жизнь, как мы её знаем, несомненно, прекращается, и вместе с ней также наступает конец зла.

Четвертая категория включает в себя классический монотеизм, такой, какой мы находим в ортодоксальном Иудаизме и Христианстве. Хотя традиции других трех категорий приписывают существование зла Богу, противоположному злобному Богу, или же человеческому невежеству, иудео-христианская мысль находит корень зла в человеческом

грехе. Как мы видели в главе 3, миф сотворения основной иудео-христианской традиции с его историей о Саде Эдема и любопытными событиями, произошедшими там, формирует основу для данного представления. То есть преступление, совершенное первой человеческой парой, привело к «падению» творения, и результатом этого является нынешний мир.

Даже в секуляризированном веке, таком, как наш собственный, могучий призрак подобных верований продолжает бросать тень на наши умы. Можно только гадать, как иначе могла бы развернуться история, если бы вина Падения не сдавливала души мужчин и женщин в иудео-христианской культуре!

Гностический взгляд

Гностики, как древние, так и современные, соглашались с буддистами в том, что страдание есть экзистенциальное проявление зла в мире. И хотя страдания людей с их сложной физиологией и психологией имеют особенный утонченный характер, все другие создания также переживают страх, боль и несчастья. Как говорит святой Павел, все творение стонет и мучается от боли (Послание к Римлянам, 8.22). Как отмечалось во второй главе, гностики видят это дефектное состояние мира как результат не первородного греха, а первоначальной ошибки. Рассуждая в более абстрактных терминах, зло является частью структуры мира, в котором мы живем. Если существует Создатель этой реальности, то тогда, конечно, он несет ответственность за злое в нем. Однако для верующих монотеистических религий гностическая позиция кажется кощунственной, и даже те, кто считает себя неверующими, часто взирают на неё с тревогой.

Гностическая позиция может быть лучше всего понята в свете её исторических корней. По мнению большинства современных ученых и как говорилось ранее, гностицизм появился в еврейской религиозной среде (вероятно, в ее гетеродоксальных проявлениях), а затем соединился с еврейской ересью, которая стала христианством. Как мы видели во второй главе, гностики столкнулись с образом монотеистического Бога в Ветхом Завете и его адаптированным образом в Новом Завете, который часто оказывался гневным, мстительным и несправедливым. Несложно заключить, что очевидно несовершенный Бог сотворил мир по своему несовершенному образу. Гностики задаются важным вопросом: действительно ли этот убогий Создатель является конечным, истинным и благим Богом, или он есть незначительное божество, которое либо не знает о силе, пребывающей над ним, либо же осознает эту вышестоящую власть, но решает узурпировать место верховного Божества? Гностики отвечают, что этот Создатель, очевидно, не есть истинный, конечный Бог, но скорее Демииург, вторичное божество. Он является творцом зла и несовершенства в мире.

Таким образом, явное богохульство возложения мирского зла на плечи Создателя, как оказывается, зародилось в столкновении гностиков с монотеистическим Богом. Герметизм, движение, родственное гностицизму, уходит своими корнями в язычество. Из-за этих истоков герметики не наследовали Ветхому Завету и имели что возразить этой амбивалентной фигуре, поэтому смогли занять менее жесткую позицию. Их концепция зла не придает особого значения связи злодеяний с Демииургом. В настоящее время многие люди склонны отдавать предпочтение герметизму по этой самой причине.

Многие пробовали избежать признания дефектов этого творения и, следовательно, недостатков самого Создателя, однако, ни один из их аргументов не впечатляет гностиков. Древние греки, особенно неоплатоники, сосредоточенные на гармонии Вселенной, благоговеющие перед её великолепием, могли забыть свои собственные несчастья, а также проблемы и горечи обычной жизни. «Посмотрите на этот прекрасный мир», - говорят они; узрите великолепный порядок, действующий сам по себе и вечно поддерживающий сам себя.

Как можно назвать нечто столь прекрасное и гармоничное злым? Гностики всегда отвечали, что дефекты, заброшенность и отчужденность существования нельзя отрицать, а это значит, что Вселенная только частично является гармоничной и упорядоченной.

Даже тем, кто находится под влиянием восточной духовности, кто говорит, что закон кармы – посредством которого чье-то преступление создает несчастье в дальнейшей жизни (или даже в жизни следующей) - объясняет несовершенство проявленного мира, гностики могут возразить, что карма может в лучшем случае лишь объяснить, каким образом функционирует сеть страданий и несовершенства. Все это не объясняет, в первую очередь, почему эта печальная система существует.

Ограниченный дуализм

Как уже отмечалось, одним из путей объяснения существования зла является радикальный дуализм, примером которого является религия зороастризма. Гностическая позиция, напротив, может быть названа ограниченным дуализмом. Эта позиция не постулирует войну между добрым и злым божеством, как это делает радикальный дуализм. Формулируя эту точку зрения проще, добро и зло смешано в проявленном мире; мир не полностью злой, но он также не является полностью добрым. Злодеяния мира не должны делать нас слепыми к восприятию хорошего; и, аналогично, доброе не должно закрывать наши глаза на реальность зла.

Сами гностики поощряли мифологию как средство ясного выражения глубокого понимания. Существуют мифы, рассказывающие о смешении добра и зла в творении, которые предшествуют гностикам. Одним из этих повествований является греческий миф о Дионисе. Когда этот бог был разорван на части титанами, Зевс пришел к нему на помощь и разрушил его обидчиков молнией. Тела титанов и Диониса были измельчены в прах и перемешаны. Из этого пепла поднялись всевозможные существа, включая человека, в котором божественная природа Диониса была смешана со злой природой титанов. Таким образом, свет и тьма находятся в состоянии войны друг с другом внутри человеческой природы и во всем земном мире.

У гностиков есть свой собственный миф о возникновении добра и зла. Он начинается с безграничной, блаженной Полноты – Плеромы, - находящейся за пределами всего проявленного существования. Плерома является местопребыванием и неотъемлемой сущностью Истинного Беспредельного Бога (*alethes theos*). Пред началом времени и памяти, невыразимая полнота простирает себя на низшие области бытия. В ходе этой эманации она проявляется в большом количестве промежуточных божеств, *demiurgoi*, которые являются скорее прекрасными ангелами, наделенными огромными талантами творчества и формирования. Некоторые из этих существ, однако, становятся отчужденными от своего божественного источника и, таким образом, стали склонными к злу. Они сотворили физический мир задолго до возникновения человека, и они сделали его подобным своей несовершенной природе.

Таким образом, воля, создавшая мир, была заражена своеволием, высокомерием и жадной властью; посредством работ, выполненных этими отчужденными существами, зло просочилось внутрь творения. С тех пор, как сообщает гностический учитель Василид, «Зло пристало к творению, как ржавчина пристала к железу». Как часть творения, человеческие существа также отражают недостатки природы создателей. Человеческое тело подвержено смерти, болезням и другим несчастьям; даже душа (*psyche*) не свободна от дефектов. Только дух (*pneuma*), сокрытый глубоко в человеческой сущности, остается свободным от зла и стремится к Истинному Богу.

Современные выводы

Как говорит эссе журнала «Тайм» и как показывает история двадцатого и двадцать первого века, ужасные вещи имеют место. Факт наличия зла, ужаса и страдания в мире является универсальным. Некоторые люди, часто могущественного положения, мучают и убивают других на ежедневной основе. Те, кто верят в иудео-христианского монотеистического Бога или являются сторонниками теории кармы, могут сказать, что все это не имеет значения, потому что в конечном счете даже зло приводит к лучшему. Они, кажется, говорят, что зло совсем не есть зло на самом деле, но замаскированное добро в неприятном облики. Подобный вид «шиворот-навыворот» аргументов является оскорблением для всех тех, кто посмотрел злу в лицо – переживших Холокост или Гулаг или лагеря смерти. Для этих людей зло есть зло, и все другие объяснения – лишь увертки.

Кроме того, многие страшные вещи случаются не по вине человека, такие как землетрясения, пожары, наводнения и эпидемии. И хотя извращенные условия жизни человека несут ответственность за некоторые страдания этого мира, многие из них происходят не по нашей вине. Часто, однако, мы считаем, что это так. Тем не менее, будь тому причиной миф об Адаме и Еве или же пропаганда, которая делает людей единственными разрушителями окружающей среды, возвращение вины не есть средство против зла. Напротив, чувство вины порождает больше горя в долгосрочной перспективе. Давайте же покончим с этим самобичеванием и попытаемся смягчить зло, над которым мы хоть сколько-нибудь властны, не забывая, впрочем, что мы не властны искоренить несчастье в целом.

Так как люди сотворены из того же материала, что и все творение, полностью изгнать из нас зло так же невозможно, как и избавиться от него в мире вокруг нас. Если бы человеческие системы и технологии могли уничтожить зло из человеческой натуры, то мы бы уже это давно сделали. Миф о зле, *mysterium iniquitatis*, представленный гностиками отвечает на одни вопросы и ставит другие. В современном обществе все больше доминирует некий светский уклон, который имеет корни в философии Просвещения девятнадцатого века, в то время как ствол его составлен из марксизма, а ветви в значительной степени из потребительства и гедонизма – культа денег, здоровья и молодости. Эта склонность основана на предположении – порой подразумеваемом, а иногда явном – что только материальный, физический мир существует, и что сверхъестественное есть лишь метафора, образованная вокруг физического. Неудивительно, что против гностических взглядов выдвигаются сильные возражения.

Гностицизм ни в коей мере не одобряет нашу эпоху стремления к светскому спасению, заменяя освободительный гнозис теориями социальной механики. С гностической точки зрения, ни человеческое общество, ни мир природы не являются спасительными, так как реальность их обоих является производной, а не первичной. Николай Бердяев, современный философ, близкий к гностицизму, убедительно это выражает: «Природный мир, общество, государство, нация и подобное – лишь частное, и их притязания на тотальность есть поработавшая ложь, которая рождается от идолопоклонства людей».

Близорукость модернизма и постмодернизма, которая сводит человека к очень умному, но порочному животному, обожествляя социальную и экологическую инженерию, враждебна гностицизму. Когда эта близорукость преобладает, жизнь становится горизонтальной. Все, что имеет значение — это то, что есть здесь и сейчас, материальное. Когда единственное оставшееся зло — это истощение озонового слоя и перенаселение земли, тогда гностические соображения о зле и свободе от него становятся не более, чем мерцающими миражами. Независимо от того, каким будет чье-то мнение по поводу гностического мифа о зле, его

фундамент является сверхъестественным и духовным, а не натуралистическим, социологическим или экономическим. Зло, по словам апостола Павла, происходит от «духов злобы поднебесной»; и по этой причине материальные средства не помогут противостоять ему. Это, конечно, не означает, что с материальными условиями зла не нужно бороться с помощью любых доступных средств, в том числе материальных. Однако, было бы глупо думать, что какие-нибудь физические средства смогут когда-либо полностью ликвидировать все беды и страдания.

Гностики всегда были убеждены, что человеческие существа на самом деле - это духовные сущности, временно обитающие в физическом теле в этом физическом мире. Благодаря пребывающему в глубине нашего физического и психического «Я» духу (*pneuma*), мы способны реагировать на божественную любовь, приходящую к нам из-за пределов дефектной системы, в которой мы находимся. Именно эта любовь дает нам возможность трансцендентного гнозиса. В нашем современном окружении мы часто используем слово «трансцендентальный», не понимая, что оно означает преодоление природного мира и самого космоса. Превосхождение — это то, к чему мы стремимся. Когда мы выходим за пределы мира, то оказываемся за пределами зла. До тех пор самое лучшее, что мы можем сделать - это использовать свои силы для распознавания и отделения добра от зла, света от тьмы. Таким образом, мы работаем над нашим предварительным спасением в этом мире и становимся готовы для окончательного спасения посредством гнозиса.

Современные гностики по большей части согласны с фундаментальными взглядами своих античных коллег. Верят ли современные гностики в Демиурга? Верят ли они, что он насадил зло в мир? Считают ли они эти идеи метафизическими истинами или же мифологемами, намекающими на более тонкую и таинственную реальность? Неудивительно, что некоторые гностики верят в эти вещи буквально, а другие символически; оставшиеся же придерживаются смешанных взглядов. Дело не в точной форме этих учений, а в их содержании. И это ясно. Гностические учения говорят о реальности и силе зла, о том, что его фундаментальное присутствие проявляется на протяжении всего существования. Они утверждают, что хотя мы не можем избавить мир и самого себя от зла, мы можем и действительно превзойдем его при помощи гнозиса. И когда это освобождение осуществится, мы по-настоящему больше не будем бояться полуденного дьявола или ужаса, что будит нас по ночам.

Глава 7. Освободительные мистерии: гностические Таинства Посвящения

Имея дело с исчезнувшим ритуальным аспектом какой-либо духовной традиции, мы должны, прежде всего, отделиться от рационалистических сбивающих с толку представлений, доминировавших в интеллектуальной среде девятнадцатого и раннего двадцатого веков, которые и ныне имеют своих последователей. Любимая теория рационалистических школ сравнительных религий заключается в том, что высшие формы религиозных традиций возникли в философии и этике, а позже развились в системы поклонений, которые, в конце концов, переросли в ритуал и магию. Основой этой идеи является мнение, что философия и этика – это более продвинутые и благородные продукты человеческого духа, нежели церемонии, ибо первые формируются в рассудке, тогда как последние являются иррациональными по своему характеру.

Эта позиция была причиной множества недоразумений вокруг гностицизма. На протяжении многих веков гностицизм считался, прежде всего, продуктом философской спекуляции, которая имеет лишь небольшое отношение (или вовсе никакое) к подлинной религии и практическим жизненным задачам. Гностики представлялись спекулятивными философами и метафизическими мечтателями, которые вызывали в воображении

фантастические космологические и теогонические системы, оплакивая зло тварного мира, и заявляли о том, что задача человеческого духа – возвращение в утопичную землю за пределами этого мира. К счастью, множество ученых мнений ныне изменилось, и природу гностических взглядов понимают лучше, благодаря трудам более объективного поколения единомышленников в лице ученых и писателей. Это новое отношение к гностицизму хорошо видно в следующем высказывании, записанном европейским ученым Жилем Киспелем, одним из основных переводчиков известных текстов Наг-Хаммади:

«В моем *«Gnosis ah Weltreligion»* (1951) я предположил, что гностицизм выражает специфический религиозный опыт, который зачастую запечатлевается в мифе... Кажется, ясно, что, по крайней мере, некоторые из гностических систем были вдохновлены яркими эмоциями и личными переживаниями. Сейчас принято считать, что гностицизм – это не философия и даже не христианская ересь, а религия со своими специфическими взглядами на Бога, мир и человека»

(«Гностицизм» в Cavendish, *«Man, Myth and Magic»*)

И, как мы можем добавить, гностицизм есть религия, насыщенная таинствами, освобождающими душу.

Талисманы и таинства

Действительно любопытно, что некоторые истины о гностицизме не проявлялись до сих пор, ведь и ранее в исследованиях гностицизма было хорошо известно, что гностики не только фантазировали и философствовали. Гностические книги древнего происхождения, которые обнаруживали (и обнаруживают), не обнаруживают философской природы, но содержат длинные молитвы и воззвания, адресованные различным трансцендентным силам; непонятные слова силы, состоящие из продолжительной последовательности гласных звуков, предназначенных, по-видимому, для песнопения, встречаются во многих гностических текстах. Кроме того, одни из многочисленных гностических писаний содержат большие объемы записей ритуалов, исполняемых Иисусом, другие же ссылаются на высокоразвитые священные системы внутри гностических общин ранних веков Христианской эры. Были также обнаружены множественные гностические талисманы из драгоценных камней, причем все из них содержат архетипические образы: змеи, львы, астрологические символы, или гибридные мифологические существа – такие как Абракасас (или Абрасакс), который имел голову петуха, тело человека, а ноги в виде змей. Очень вероятно, что рассмотренное как непонятное и даже предосудительное с точки зрения рационального ума, это изобилие символической и ритуальной литературы осталось в значительной степени нетронутым в музеях и архивах без каких-либо усилий по переводу или публикации. Невежественные обвинения в «чистом волшебстве» и «суеверной бессмыслице» обрекли многие бесценные реликвии этой великой традиции на полную неизвестность.

Конец двадцатого века возродил интерес к мифам и ритуалам, создав более благоприятную атмосферу для гностических исследований, в отличие от той, которая преобладала ранее. Сегодня мы приходим к пониманию того, что, в то время как философия есть лишь рассказанная история, миф и ритуал представляют собой появление той изначальной реальности, что создала феномены, которые философия пытается объяснить. Таким образом, когда философия пытается ответить на вопрос «почему?», миф и ритуал отвечают на вопрос «откуда?». Глубинная психология учит нас, что дисциплины подобные философии и этике могут, в лучшем случае, лишь обратиться к сознательной части человеческой психики, тогда как миф и ритуал обеспечивают прямую, творческую дорогу в

бессознательное, соединяя мир сознательного эго с глубинными силами той области, что находится за пределами покрова сознания.

Без сомнения, гностики широко использовали ритуалы. Хотя враждебные критики часто упрекали гностиков за их интернализм, сейчас мы осознаем, что гностики четко осознавали тесную связь между внутренним и внешним, между внутренней трансформацией и внешним ритуальным актом. С точки зрения гностиков, великий и священный образ Христианского Гнозиса, Иисус, приходит, чтобы сделать «внутреннюю сторону как внешнюю сторону, и внешнюю сторону как внутреннюю сторону, и верхнюю сторону как нижнюю сторону, и когда вы сделаете мужчину и женщину одним, чтобы мужчина не был мужчиной и женщина не была женщиной, когда вы сделаете глазА вместо глАза, и руку вместо руки, и ногу вместо ноги, образ вместо образа, - тогда вы войдете в [царствие]» (Евангелие от Фомы, стих 27)

Кодексы Наг-Хаммади предоставили многочисленные подтверждения существования гностических систем таинств, сильно напоминающих систему католической церкви. В Евангелии от Филиппа, работе, в которой сильно проявляется влияние Валентина, обнаруживаются следы гностической священной теологии, наряду с описаниями пяти таинств, о всех из которых сказано, что они утверждены Иисусом. Таким образом, мы читаем в стихе 67 данного Евангелия:

«Истина не пришла в мир обнаженной, но она пришла в символах и образах. Он не получит ее по-другому»

Другие утверждения показывают связь принципа образов с таинствами. Евангелие говорит, что истинные божественные мистерии трансцендентных областей не могут действовать в низшем мире без посреднического содействия их образов, которые проявлены в физических таинствах; то есть, они являются проявлением «образа через образ». (С точки зрения глубинной психологии это означает, что трансцендентные или психоидные силы, известные Юнгу как архетипы, могут лишь проявляться в индивидуальной душе как архетипические образы, а также вызываться и обретать силу посредством правильно построенных ритуалов, связанных с какими-либо качествами этих архетипов). Однако, автор гностического Евангелия от Филиппа признает, что этот контакт с архетипом производится не одним лишь таинством, но скорее должна произойти личная внутренняя трансформация наряду с ее внешней формой; в противном случае последняя оказывается пустой:

«Брачный чертог и образ через образ, - следует, чтобы они вошли в истину, которая - восстановление. Это следует тем, которые не только приобретают имя Отца, и Сына, и Духа святого, но приобретают их для самих себя. Если не кто не приобрел их для себя, имя также будет отнято у него»

(Евангелие от Филиппа, стих 67)

Таинства и их воздействие

Цель гностических таинств – не просто временное освящение, как в Римско-Католической доктрине священной благодати, но скорее тотальная трансформация, преобразование в Божественную сущность. Совершенный Гностик не есть последователь Христа, но человек обожествленный; он – другой Христос:

«Итак, их получают в помазании полноты силы [креста], что апостолы называли правым и левым. Ибо сей более не христианин, но он - Христос»

(Евангелие от Филиппа, стих 67)

Как в католической традиции, так и в гностицизме, утверждается, что таинства были установлены Иисусом:

«Господь [создал] все в тайне: крещение, помазание, евхаристию, выкуп и чертог брачный»

(Евангелие от Филиппа, стих 68)

Стих 68 относится к пяти таинствам, или мистериям. Однако, немецкий ученый Шенке в своей реконструкции стиха 60-го этого того же самого Евангелия показывает, что Евангелие от Филиппа также говорит о семи таинствах, и, таким образом, проводит параллель с ортодоксальным католическим христианством. Более того, сходства гностического причастия со своим католическим аналогом отнюдь не ограничиваются числом таинств. Евангелие от Филиппа также намекает на другие общие детали – к примеру, *Character indelibilis*, неизгладимое влияние определенных таинств на душу, связанное с водой крещения:

«Бог - красильщик. Как хорошие краски, которые называют истинными, умирают вместе с тем, что окрашено ими, так и то, что окрасил Бог. Ибо бессмертны краски его, они становятся бессмертными благодаря его цветам. Итак, Бог крестит тех, кого он крестит, в воде»

(Евангелие от Филиппа, стих 43)

Разумеется, также существуют отличия между нынешними католическими таинствами и их гностическими эквивалентами. Однако, широкий контекст и дух гностицизма наводят на мысль, что эти различия в большей степени касаются внутренней реализации, нежели внешней формы. Для гностиков, особенно Валентиниан, отличительным признаком гнозиса была способность переживания таинств в своей пневматической (духовной) природе, тогда как для не-гностических христиан эта возможность ограничена лишь психической (душевной) природой. Хотя таинства других гностических групп, возможно, радикально отличались от католических, валентинианские гностические источники, ныне нам доступные, показывают, что и гностики, и католики часто использовали идентичные ритуалы, но воспринимали их совершенно по-разному. Те сторонники гностиков, которые по причине своих предрассудков в отношении католических форм, не могут представить себе гностическое происхождение таинств, и те, кто примыкают к римской католической и восточной православной традиции, называющие гностиков первейшими еретиками, одинаково смущены этими доказательствами, связанными с последними открытиями гностических документов.

То, что для обычных католиков представляется как чудесное вливание сверхъестественной благодати в мирскую жизнь, представляется гностикам как интрапсихическая мистерия, берущая начало в *pneuma*, «искре божественности, пребывающей в индивидуальном бессознательном». Тогда как католики спасены, гностики посвящены, но священный инструментарий идентичен или почти идентичен в обеих традициях. Таким образом, в Евангелии от Филиппа мы находим предварительное посвящение под названием Крещение; последующее посвящение называется Хризма (помазание); ритуал преображения с хлебом и вином называется Евхаристия; тогда обряд Искупления, возможно, связан с финальным очищением и освобождением от земных пороков; и венчает всю последовательность таинств ритуал Брачного Чертога.

Брачный Чертог: Тайна Тайн

Из всех гностических таинств самое загадочное и наименее известное – мистерия Брачного Чертога. Современные интерпретаторы старались свести её к форме брака, что не только маловероятно, но и абсурдно. Этот ритуал, имеющий различные имена, такие как Таинство Сизигий, Единение в Плероме, и чаще всего Брачный Чертог, может, опять же, быть понят скорее интрапсихически, нежели теологически. Этот способ интерпретации наполняет смыслом следующие утверждения Евангелия от Филиппа, которые показывают мифы о зарождении в терминах трансцендентного установления Брачного Чертога:

«Если дозволено говорить тайну, Отец всего соединился с девой, которая снизошла, и свет осветил его в тот день. Он явился в великом чертоге брачном. Поэтому его тело, которое появилось в тот день, вышло из чертога брачного, как то, которое появилось от жениха и невесты. Подобным образом Иисус воздвиг все в нем благодаря этому. И следует, чтобы каждый ученик вошел в его покой»

(Евангелие от Филиппа, стих 82)

Можно предложить следующее толкование с точки зрения глубинной психологии: Иисус, парадигма индивидуального эго, архетип целостности, показал в своем существе союз двух в одном. Как архетип и прототип, он является примером идеального андрогина, в котором достигнуто объединение сизигий. Его последователи должны следовать его примеру и также обретать целостность посредством поглощения в себя образа сексуальной противоположности. Мужчины должны объединяться с их женской частью, и, пока не сделали это, смогут переживать противоположный сексуальный образ только опосредованно в женщине; женщина же должна обвенчаться с «небесным женихом», своей мужской внутренней противоположностью таким же образом. Поэтому таинство Брачного Чертога, по факту, означает индивидуацию; великий символ восстановления Плеромы (или целостности); *heiros gamos*, или «священный брак» внутренних противоположностей; и, таким образом, достижение истинного и окончательного гнозиса. Архетипический символизм Спасителя как жениха; София, заблудшая душа, как невеста; и состояние целостности, Плерома, как Брачный Чертог, в своем личном аналоге – процесс индивидуации.

Многие высказывания Евангелия от Филиппа поддерживают психологическое понимание таинства Брачного Чертога. Автор этого евангелия показывает нам длинную последовательность мистических и мифологических намеков на Брачный Чертог, все из которых указывают на то, что следствием первичного разделения противоположностей (изображаемого извлечением ребра Адама в Книге Бытия) стало начало смерти, и что бессмертие может быть достигнуто воссоединением, что может быть уподобить Адаму, поглощающему Еву. Это сильно напоминает символизм алхимии, в Западной и Китайской формах, где объединение противоположностей в одном случае приводит эликсир жизни, а в другом – божественный эмбрион бессмертия. Что до гностических таинств, а также других форм гностического учения и практики, глубинная психология, в особенности, представленная Карлом Юнгом, предлагает особенно полезные точки соприкосновения с гностическими мистериями. Можно быть уверенным, что сам Юнг, видимо, имел реальное восприятие трансцендентного, что подтверждают его многочисленные прозрения. К примеру, он проводит различие между архетипическими образами в психике и архетипами как они есть, находящимися за её пределами. Но психологическая модель имеет свои ограничения. Одним из них является представление о том, что психологическая сфера ограничивается человеческой психикой, и поэтому не обращается к слоям реальности, лежащим за её пределами.

Однако, было бы фатально предположить, что опыт гнозиса, а также различные практики и учения, связанные с ним, это только психология, ибо они нечто много большее. Психологическое толкование гностических вопросов может довести только до этих пределов — что не так уж далеко. Дж. Филорамо в своей работе «История гностицизма», безошибочно утверждает: «Гностическое Я, онтологическое эго, реальность, делающую его божественным, не следует воспринимать как лезть ныне доминирующему субъективизму». Онтологическое Я гностиков не обнаруживается простыми актами внутренней рефлексии или интроверсией сознания. Филорамо (40) заключает:

«Характер субъективности ничего не выводит из метафизических утверждений абсолютной объективности, которую гностик стремится приписать своему фундаментальному опыту. Мистические моменты экстаза, где ей место, это всегда встреча с реальностью, которая «больше меня», эмпирического «Я», преходящего «Я» ... Отсюда следует, что эта божественная реальность не может быть познана через обычные способности разума»

Таинства и экстазы

Священные ритуалы, описанные или указанные в Евангелии от Филиппа, представляют собой лишь последнее звено в длинной цепи доказательств ритуального характера древнего гностицизма. Одним из первых открытых основных гностических писаний является Кодекс Брюса, обнаруженный Джеймсом Брюсом в 1729 году в Фивах. В более важном трактате этого кодекса, «Книгах Йеу» (или «Гнозиса Бога Невидимого»), Иисус описывается дарующим своим ученикам три крещения (водой, огнем и воздухом – или Святым Духом), после чего следует мистерия устранения нечистот правителей нижнего мира, за которой, в свою очередь, следует мистерия духовного помазания. За этими таинствами следует восхождение души через двадцать четыре эманации незримого Бога и через зоны трансцендентного мира к самому великому невидимому Богу. Имена, числа и наглядно представленные печати, а также пароли и формулы к различным эоническим сферам и их стражам подаются в большинстве случаев в форме сложной мандало-подобной конструкции. Снова упоминаются пять таинств, и они должны сопровождаться сложным пошаговым процессом трансформации.

«Аскевианский Кодекс», который часто называют «Пистис София» (в связи с известностью этого текста), содержит множество полезных данных о ритуалах, включая трактат (отдельные письма, некоторые из которых были связаны в кодекс) исключительно о магии и таинствах, которые обделили вниманием ученые. Можно упомянуть один яркий пример, историю о возвращении Софии, с её многочисленными «покаяниями», адресованными стражам эонических сил. Эта история, несомненно, предполагает ритуальную драму, легко обратимую в действие литургического назначения. Изложенное восхождение Софии вполне может быть самой литургией.

В этой истинной сокровищнице гностических текстов, библиотеке Наг-Хаммади, есть шесть основных и несколько небольших трактатов, которые главным образом содержат литургические и церемониальные материалы. Уникальным среди них является «Рассуждение о восьмерке и девятке». Хотя инициатором здесь выступает герметический проповедник, называемый «Отцом», а христианская терминология вовсе отсутствует, содержание трактата чрезвычайно похоже на другой посвященный дискурс, использующий мифы об Иисусе. Совершенно очевидно, что текст отражает глубокие психологические состояния экстаза и, таким образом, отображает индивидуальную духовную трансформацию. Следующий отрывок декларируется инициатором после того, как он пережил измененное состояние сознания, вызванное долгим магическим воззванием великой поэтической красоты:

«Как мне рассказать тебе обо Всем! Я [...] Я вижу Нус, который движет душу. Тот, который будит меня от божественного забвения. Ты даешь мне силу. Я вижу тебя. Я хочу говорить. Страх удерживает меня. Я нашел исток силы, который выше всех сил, у которого нет начала. Я вижу фонтан, пузырящийся жизнью. Я сказал, о мой сын: "Я - Нус". Я видел. Слово не может выразить, что я видел. Вся восьмеричность, о мой сын, и души, которые в ней, и ангелы поют гимн в тишине. Но я, Нус, я постигаю"»

Лейтмотив трансцендентного экстаза, вполне очевидный в данном отрывке, можно найти в многочисленных других гностических работах. Хорошим примером является знаменитый «Гимн Иисуса», который входит в состав «Деяний Иоанна». Как отмечает Дж.Р.С. Мид, этот текст представляет собой скорее не изложение слов Иисуса и его апостолов, как сообщается, танцевавших вокруг него накануне его арест и испытания, а ритуал, предположительно инициатического свойства, исполняемый, как Евхаристия, «в воспоминание о нем». Опыт экстаза описывается в контексте экстатического танца, который является не только описанием события, давно произошедшего, но также и тем, что может быть повторено гностическими искателями.

Что же все-таки это все означает для современных искателей гнозиса? Записи таинств и ритуалов в древних гностических документах обращают наше внимание за пределы познающего ума, имеющего отношение к доктрине, философии и теоретической формулировке истины, на психическую реальность, которой родственны символ, миф и ритуал. Гностики, которые олицетворяли в рамках христианской традиции первую попытку трансформации взамен веры и заповедей, приблизились к этой психической реальности с качествами и шифрами, соответствующими её природе. Данные показывают, что именно от этих мистических психологов и техников экстаза экзотерическая церковь вобрала в свой репертуар таинства, хотя этот долг остается непризнанным около двух тысяч лет. Таким образом, хотя мы находим работы богословов бесполезными в поиске гнозиса, мы можем все-таки обнаружить многое о нем в традиционных христианских таинствах, выражающих нерационально, вневременно, через соответствующие психические состояния, неизменно адекватную систему связанных утверждений о конечной реальности всех вещей.

Как красота - в глазах наблюдателя, так и истинный эзотеризм - в понимании знающего. Изучение техник экстаза дает лишь небольшую пользу; только практика раскрывает их истинную преобразующую силу. Как в «Гимне Иисуса» гностические ученики были призваны присоединиться к мистическому круговому танцу вокруг их мастера, так и стремящийся сегодняшний гностик призывается к ритуальной практике, а не к теоретизированию. Ибо истина и важность этих слов Иисуса по-прежнему с нами:

«Теперь откликнитесь на мой танец! Узрите себя во Мне, говорящем. И видя, что я делаю, храните молчание о Моих таинствах. Поймите через танец, что Я делаю... Тот, кто не танцует, не знает, что происходит»

(«Гимн Иисуса»)

Глава 8. От Самарии до Александрии: некоторые ранние гностические Учителя.

Если бы кто-то спросил ранних гностических учителей о происхождении их философии, они бы, весьма вероятно, ответили, что знания им открыли божественные посланники, которые пришли из небесных эонов, чтобы принести человечеству освободительную истину. К числу посланников и их посредников можно отнести Адама, Сифа, Норею, Еноха и Иисуса. Несмотря на то, что эти мифические основания начал гностицизма не выдерживают

исторической проверки, это не означает, что они не содержат в себе определенного рода истины. Ибо в любом веке и в любой культуре были мужчины и женщины, которые признавали, что поскольку проблемы мира не могут быть решены на своих собственных условиях, необходимо привлечение запредельной мудрости. Затем эти люди приступили к развитию необычного, возвышенного состояния сознания, дабы поднять свое восприятие к реальности за пределами этого мира, где может быть обнаружена искомая мудрость. В этом смысле мифические основания, утверждающие, что Гностицизм имеет свой источник в запредельном, являются истинными.

Говоря исторически и географически, гностицизм развивался в тоже время и в тех же местах, что и раннее Христианство, с которым он был и остается переплетенным - в Палестине, Сирии, Самарии, Антолии, а позднее и в Птолемеевом Египте. С расшифровкой Свитков Мертвого Моря стало очевидным, что, по крайней мере, некоторые элементы гностической традиции восходили к Ессеям. Теории некоторых ученых, которые приписывают происхождение гностицизма иранским или даже индийским влияниям, ныне в большинстве случаев опровергнуты. Земли ближневосточной духовности, с их визионерским апокалиптизмом и откровениями, с их мессианским пылом, а также мистическими и аскетическими общинами – в настоящее время считаются колыбелью гностицизма.

Симон Маг – летающий гностик

Самый ранний гностический пророк, известный в истории – это Симон Волхв (или, если использовать его латинское имя – Симон Маг). Симон родился в городе Гитта, Самария – это обстоятельство идентифицирует его как своего рода еретика по факту рождения, так как самаритяне были издавна известны как последователи еретической формы Иудаизма, отвергавшие иерусалимский Храм и практиковавшие поклонение на священной горе в Самарии. Весьма вероятно, что Симон был учеником Иоанна Крестителя, который руководил школой пророков, одним из «выпускников» которой мог быть Иисус, а другим – сам Симон. Третьей такой фигурой мог быть Досифей (или Достай), о котором почти ничего неизвестно, за исключением того, что он был арабского происхождения.

Имеющиеся источники мало сообщают нам о жизни и учении Симона. Самый древний из них – краткое и враждебное упоминание в «Деяниях Апостолов» (8.9-12). В этом отрывке Симон, обращенный в христианство и крещенный апостолом Филиппом, восторгается чудесами, совершаемыми апостолами и делает предложение о покупке у них этих сверхъестественных сил (термин *симония*, обозначающий продажу церковных полномочий, пришел из этой истории). Отец церкви Иустин помещает Симона во время правления Императора Клавдия (41-54 н.э.) и рассказывает, что Симон имел большое число последователей в Самарии, где его считали божественным существом.

Ириной, вечный противник гностиков во всех вещах, дает длинное описание Симона, довольно информативное («Против ересей», книга первая, глава 23). Из этого описания ясно, что Симон пропагандировал определенно гностические учения со многими особенностями более поздних, более сложных гностических космологических систем. Симон учил о существовании предельного, изначального Бога, который испускает первую мысль, Энойю, имеющую женский характер. Энойе суждено стать Матерью Всего, той, кто создает ангелов и архангелов в соответствии с планом конечного Бога. Она является изначальным партнером Бога Отца, но через свою роль создателя она также становится *anima mundi* (Мировая Душа). Однако, некоторые из сотворенных ангелов и архангелов обернулись против неё, лишили её свободы и подвергли унижению. Движимые завистью и ненавистью, они отказываются признавать свою мать, а также не подозревают о Боге над ними. Попад в плен к порожденным силам, Энойя наконец заключается в человеческое тело, свою окончательную

тюрьму. Путешествуя из одного тела в другое в болезненной последовательности реинкарнаций, она воплощается в Елене Троянской, архетипической женщине греко-римского знания и причине величайшей войны всех древних мифов. В конце концов, Высший Бог посылает воплотиться свой аспект, чтобы спасти её.

Легко распознать в этой истории начало мифа о Софии. Хотя никакой отдельный демиург ни разу не упомянут, падшие ангелы явно подобны Творцу и его архонтам. Похоже, что Симон включил Иисуса в свою сотериологию, ибо его последователи считали, что изначальный Бог сначала послал своего сына на землю в форме Иисуса. Позднее он проявился в ином аспекте, в качестве Симона родом из Самарии, в то время как Святым Духом он снизошел среди других народов. Концепция Троицы, таким образом, явно присутствует уже в этом раннем гностическом мифе.

Святые отцы церкви обычно включают непристойные примечания в свои сообщения о Симоне. Они говорят, что Симон нашел проститутку по имени Елена, которая стала его спутницей, и что он объявил её воплощением Елены Троянской, в то же время вознес себя до статуса проявления Великой Силы, изначального Бога. Поскольку эпизоды духовного бытия мифов, «переживаемые» пророками, известны, в них может быть доля истины, даже несмотря на то, что они сообщены хулителями Симона. В любом случае, Симон и его мифическая Елена стали примером идеальной гностической пары, и его спасение Елены есть источник мифа о Фаусте, который пересказывался Марло и Гете (слово «*Faustus*», что означает «везучий», было одним из почетных имен Симона).

Структура так называемого Симонианского мифа безошибочно отображает элементы гностических мономифов: разделение единства, существующего между мужчинами и женщинами; нисхождение и отчуждение женского принципа, чья роль заключается в сотворении создателей тварного мира; падение женского в состояние лишения свободы и деградации; и пришествие освободителя (или спасителя), который либо сам является предшествующим Богом, либо являет собой его воплощение. История Симона и Елены зацепляет важную струну в психике, так как символически показывает историю падения души в бессознательное и невежественное состояние. Красота извечной женственности, а также магическая сила её мужского двойника и спасителя, в совокупности составляют мифологему, которой было суждено вдохновлять поэтов и драматургов на века вперед.

Симон Маг написал ряд трактатов, которые почитались его последователями, но оказались утерянными для нас. Два из них – это «Четыре стороны мироздания» и «Проповеди опровержителя», в которых Бог Ветхого Завета выставляется как самозванец, а райский змей – благим персонажем. Симон, кажется, также поддерживал в некоторой форме идеи «философов огня» Греции, в частности, Гераклита, поскольку считал элемент огня универсальным воплощением божественного духа.

Одна из наиболее интересных особенностей Симона – возможность полета – присутствует в легендах о нем, в таких источниках как апокрифические «Деяния Петра» и трактате псевдо-Климента. В одних историях, которые стремятся ополить эту силу, Симон использует полет исключительно для перемещения из одного места в другое (например, из Палестины в Рим). В других же полеты Симона имеют более мистический характер. Один из таких примеров обнаруживается в смутном отрывке, который цитируется известным эзотериком и сторонником гностицизма Е.П.Блаватской:

«Симон, прижавшись лицом к земле, прошептал ей в ухо "О, мать Земля, молю тебя — дай мне немного твоего дыхания, а я дам тебе мое, отпусти меня, о мать, чтобы я мог понести твои слова к звездам, и я преданно вернусь к тебе немного спустя". И Земля, в

укрепление своего положения и без малейшего ущерба себе, послала своего гения, чтобы он дышал на Симона, тогда как Симон дышал на нее; и звезды возликовали, когда Могуущественный их посетил».

Силу полета как духовную магическую способность, безусловно, нельзя считать неизвестной. Древние индийские источники описывают восемь сиддх (сверхъестественных сил), которые могут быть обретены через йогу. Шестой из них является «полет в небесах», что, очевидно, намекает на полет души. В оккультных мифах девятнадцатого века концепция астрального тела как носителя сознания, способного «путешествовать» вне тела, играет значительную роль. Говоря метафорически, полет предстает как свобода души и духа от телесного заключения. С гностической точки зрения, свобода восхождения к звездам и за пределы есть результат неординарного состояния сознания, достигаемого через гнозис. Таким образом, эпитет «летающий гностик», применяемый к Симону, свидетельствует о его роли в качестве раннего представителя гностицизма.

Левкий Харин– гностический летописец

Таинственной и прелестной фигурой среди гностических учителей является Левкий Харин, согласно традиции, считающийся учеником святого Иоанна, евангелиста и возлюбленного ученика. Он также считается автором (или, скорее, летописцем) пяти деяний апостолов – деяний Петра, Андрея, Филиппа, Иоанна и Фомы, которые пользуются большой популярностью во всем христианском мире на протяжении многих веков. В ранние христианские времена существовали многочисленные писания, которые назывались Деяниями. Этот литературный жанр напоминает исторический роман, зачастую весьма приукрашенный, повествующий о приключениях первых учеников Иисуса Пять Деяний, приписываемых Левкию Харину, однако, определенно гностическими, созданными для распространения вести о гностическом характере фигуры Иисуса и учений апостолов.

Вполне вероятно, что все эти пять писаний были первоначально весьма гностического содержания, но позднее были изменены для отражения ортодоксальной позиции. Среди них «Деяния Иоанна» и «Деяния Фомы» являются наиболее важными, а также теми, в которых удалось сохранить большое число глав гностического содержания. После их начальной широкой популярности среди христиан всех направлений, эти два Деяния оставались частью библейского канона некоторых гностических групп, в частности, важной Манихейской религии и, по всей вероятности, в средневековых церквях катаров. Прекрасные отрывки из «Деяний Иоанна» включают видение Иоанном распятия Иисуса (названное одним из его переводчиков, Дж.Р.С. Мидом, «гностическим распятием») и знаменитым «Гимном Иисуса», пересказывающим танец Иисуса с его апостолами накануне распятия. «Деяния Фомы» также содержат возвышенно прекрасный «Гимн Жемчужине» (иногда также называемый «Гимном Одеания Славы»), который связан с апостолом Фомой.

Левкий Харин был, по-видимому, молодым человеком в свои ранние двадцать лет, когда сидел у ног пожилого святого Иоанна, который рассказал ему о многих своих блестящих прозрениях и гностических переживаниях, а также о менее известных деталях жизни других апостолов. Вероятно, Левкий написал пять «Деяний» около 130 н.э, когда прошло несколько десятилетий после смерти Иоанна. Мы почти ничего не знаем о жизни Левкия, но ему определенно гарантировано место среди ранних учителей гностицизма.

Менандр, Сатурнин и Моноимус

Гностический учитель Менандр, другой уроженец Самарии, вероятно, был посвящен Симоном. Похоже, что он жил в апостольские времена и, таким образом, был современником

Симона и его апостолов. Центром его деятельности был древний город Антиохия, где была христианская община, образованная апостолом Петром. Его учение, по всей видимости, было подлинно гностическим, ибо он также учил о разнице между Верховным Божеством и низшим Богом, сотворившим материальный мир.

Подобно Симону, Менандр имел репутацию чародея, из которой видно, что в отличие от ортодоксов, он выступал за спасение не через веру, а через гнозис. Кроме того, гнозис должен быть получен в результате определенных практик. Менандр учил знанию сил природы и методам очищения и использования их посредством духовной человеческой воли. Ересиолог Иустин показывает, что Менандр собрал множество последователей, которые пережили его и продолжили процветать в Малой Азии.

Иустин также утверждает, что у Менандра был знаменитый ученик по имени Сатурнин (или Саторнилус), который жил примерно в конце первого века. Ириней сообщает нам, что Сатурнин также учил об изначальном Безымянном Отце и проповедовал о великих промежуточных иерархиях, включающих семь правителей сфер и меньших божеств, создавших физический мир, который включает в себя физический аспект человечества. Согласно Сатурнину, темные, творящие силы смешались с искрами божественного света, среди которых присутствует дух человеческого существа. Спаситель, который приходит в форме человека, побеждает темные силы и освобождает искры света из заключения.

В учении Сатурнина мы также можем обнаружить ранние гностические истории о сотворении человека, которые напоминают некоторые более сложные сообщения некоторых поздних гностических писаний. Демиургические создатели видят свет, сияющий на небесах, и пытаются скопировать его, провозглашая: «сотворим человека по этому образу и подобию». Однако усилия заканчиваются крахом, и хотя их создание смутно напоминает божественную форму, оно обессилено и не может подняться с земли. Затем Высшая Сила посылает вниз собственную искру жизни, чтобы одушевить тварное бытие (в более поздних писаниях это воодушевление производится божественной Софией).

Моноимус, который упоминается ересологами Ипполитом и Феодоритом, жил во второй половине второго века. Его учение, как представляется, включает элементы, которые позднее можно было бы назвать теософическими, так как они рассматривают роль чисел и геометрических форм в гностической космологии и космогонии. Он учил, что Небесный Человек (Антропос) и его сын были архетипами совершенного человечества, так как человеческие существа были созданы по их образу, но дефектным способом.

Постоянно проявляющийся гностический акцент на интрапсихическое явственно прослеживается в наставления Моноимуса о поиске Бога, о котором он написал в письме другу:

«Перестаньте искать следы Бога в сотворенных вещах, таких как вселенная и ей подобных; ищите Его внутри себя, и узнайте его, кто всегда включает в себя все вещи, говоря:

- Мой Бог, мой ум, мой разум, моя душа, мое тело.

И узнайте, откуда приходят горе и радость, любовь и ненависть, и пробуждаются против воли, и засыпают против воли, и влюбляются против воли. И если ты внимательно испросишь об этом, то найдешь Его в себе, единого или многого, подобно атому; таким образом, ты найдешь в себе выход за пределы себя» (перевод по Bloom, «*Omens of Millenium*», 240)

Несколько парадоксальное окончание этого отрывка содержит ключ: искатель выходит за пределы себя через гнозис, который обнаруживает в себе самом.

Спорные Карпократ и Александра

Большинство движений, будь они политические, религиозные или художественные, намерены оставить какой-либо след в этом мире. Фараоны оставили великие стелы, на которых начертали свои имена и деяния, имена цезарей и Римских Пап вписаны на каждом памятнике, большом или малом. Каждый ортодоксальный христианин никогда не прекращал представлять себе «новое небо и новую землю». Гностики, однако, были более заинтересованы в выходе из ужасного потока истории, чем в оставлении исторических записей о себе. Те, кто наполнен решимости преодолеть мир, не принадлежат истории; скорее они своего рода её тень или «противоистория», сохранившая лишь некоторые бледные следы неуловимого и неохотного присутствия. Жак Лакаррьер пишет, что можно следовать за гностиками, но нельзя их постигнуть. Это особенно справедливо в отношении физических обстоятельств их земной жизни, и, следовательно, их поведения и нравственности.

Палестина, Самария, Сирия и Антиохия были ранними твердынями гностиков, но именно в Египте случилось так, что гностицизм пришел к наибольшему расцвету. Египет гностиков – это Египет древних фараонов, земля мрачных пирамид и устрашающих богов с головами животных. Скорее это Египет, где дух Греции и Рима обвенчался с землями Нила; потомство этого брака есть Эллинистический Египет, в частности, Александрия, город Александра. В этой всячески разнообразной и волнующей в то время столице, или, возможно, в любое время - не в отличие от больших городов нашей мирской и светской культуры – мало кто заботился о табу, которые монотеистический пустынный бог семитов наложил на сексуальность, диету и иное поведение. Очень вероятно, что гностики Александрии разделяли склонности своего времени и места (они могли даже дважды приветствовать этот либеральный, космополитический дух, так как они презирали Еврейского Бога и его законы).

Эта информация об Александрии ранних веков после Рождества Христова является полезной основой для понимания влиятельных, сложных и спорных гностических учителей Карпократа и его супруги Александры. Карпократ родился в Греции, на острове Кефалония, и переехал в Александрию в ранний период своей жизни. Считается, что в своих учениях он следовал Платону больше, чем другие известные гностические учителя периода. Он и его прекрасная супруга контролировали гностический круг и собрали большое количество учеников. Многочисленные ересиологи писали о них в критической окраске. Основным источником является Ириней, из слова которого Тертуллиан, Ипполит и Елифаний черпали свою информацию или дезинформацию.

Рис.7. Гностический драгоценный камень, около третьего века после Рождества Христова, изображающий Гарпократа - египетского бога, который обозначает тайну. Гарпократ сидит на троне из лотоса и указывает на свои губы, что означает молчание. Его слуга-бабуин символизирует инстинктивную природу. «Варварские слова», предназначенные для молитвы, окружают рисунок.

Карпократ и Александра были платоническими христианами с гностическим подтекстом. Они также учили, что мир был создан низшими творящими силами. Иисус был одним из немногих людей, который ясно помнил свое происхождение от Невыразимого Бога, когда он ранее кружил вокруг Божественного Солнца. Сила глубокой памяти Иисуса позволила ему получить великие полномочия и милость Неизреченного Бога, дабы он смог подняться из сферы правителей, минуя каждого из них и, в конечном итоге, возвратиться к Верховному

Отцу. Карпократ и его последователи вняли словам Иисуса, что другие люди смогут сделать даже большие чудеса, чем сам он. То есть все души, которые освободили себя от ограничений низших божеств, смогут подняться ввысь, как Иисус, и достичь такого же освободительного гнозиса, какого достиг он.

Реинкарнация, кажется, была важной особенностью учения школы Карпократа (некоторые считают, что реинкарнация скрыта в учениях всех гностических школ; однако, в учении Карпократа она выражена явно). Когда мы извлекаем ядовитые комментарии, которые Ириней прилагает к этому учению, мы видим интересную картину гностической концепции реинкарнации. Дух рождается на земле снова и снова, ибо он еще не свободен от ограничений мирозозидающих сверхфизических сил. Чтобы получить независимость от этих сил, человеческий дух должен пройти через каждый вид деятельности и обстоятельств. Таким образом, ознакомившись со всем, что может дать земное существование, сознание разочаровывается в соблазнах этого низшего мира. Используя буддийскую образность, «жажда» души к воплощениям постепенно угасает. Это необходимое условие освобождения.

Ириней также заключает, что согласно последователям Карпократа, гностик может завершить этот процесс в рамках одной жизни, что сделает ненужными последующие реинкарнации. Ириней, вероятно, извлек эту информацию из манускрипта школы Карпократа, и, таким образом, он мог бы привести цитату из его высказываний: «Скорее согласись со своим соперником», вместе с комментарием «чтобы соперник снова не бросил душу в темницу». Такое толкование находится в согласии с многочисленными отрывками из трактата «Пистис София», который, кажется, поддерживает аналогичную стратегию для окончания реинкарнации. В интерпретации Ириней, однако, это учение перевернуто с ног на голову; он говорит, что поскольку для освобождения необходимо пройти через все виды опыта, последователи Карпократа должны были совершить всякое подлое и ужасное действие, чтобы обрести свободу от этих деяний и, следовательно, от мира!

На это Дж.Р.С. Мид, знаменитый переводчик гностических и герметических текстов, комментирует:

«Ириней, однако, сразу после этого добавляет, что не считает, что Карпократ делал подобные вещи, но он вынужден вывести эти логические следствия из его книг. Очевидно, что такой абсурдный вывод следует из исключительной глупости Епископа Лионского, который, в связи со своей неспособностью понять самые элементарные факты учения о реинкарнации, начинает с совершенно ошибочных посылок, хотя этот вопрос ясен как день даже новичку в гностицизме» (*Fragments of a faith forgotten*», 297)

Школа Карпократа, как говорят, имела привилегированных женщин на позициях лидера. Вдобавок к Александре, мы также знаем некую Марселлину, которая стала представителем школы в Риме около 150 г. н.э. Изображения и статуи использовались школой в обрядах несколько необычным экуменическим образом поскольку среди икон этой школы были образы Пифагора, Платона и Аристотеля. Также сообщалось, что эта школа действительно обладала подлинным портретом Иисуса. Клемент Александрийский рассказывает, что последователи Карпократа выносили в процессии статую Кору (Девы, одно из имен Персефоны) из подземного склепа в свой зал богослужений на ночь в праздник Богоявления (если это правда, то это означает признание архетипического сходства сложного характера между Персефой и Иисусом). Юнг высоко ценил школу Карпократа из-за того, что он называл психологической проницательностью; ибо сообщалось, что Карпократ изменил библейский завет не приближаться к алтарю Господа, если не имеешь ничего против своего брата на «да не приблизишься ты к алтарю, если не имеешь ничего против самого себя». По некоторым данным, не пользующимися достаточным авторитетом у ученых, у Карпократа и

Александры был сын по имени Епифан, который умер в раннем возрасте и считался божественным существом.

Как мы посмотрим на обвинения в сексуальной распущенности, которые бросали в адрес Карпократа и его последователей ортодоксальные критики? Во-первых, обвинения в сексуальных грехах всегда были и остаются средством для дискредитации политических, религиозных и других противников. Во-вторых, нет никаких оснований полагать, что гностические школы, управляемые греками и функционирующие в Египте, были особенно привязаны к закону Моисея о сексуальности. Александрийские гностики были, весьма вероятно, изысканными и свободными личностями с интеллектуальными и художественными наклонностями, которые жили в соответствии с либеральными стандартами их культуры. Сопоставьте это с тем, что языческие противники христианства порождали рассказы о «отвратительных обрядах христианства», которые в соответствии с этими источниками включали в себя детоубийства и ритуал поедания детей, а также поклонение человеку с головой осла. Отличаются ли эти обвинения от нападок Иринея и его соратников, выступающих против Карпократианских Гностиков, которые обвиняли их в сексуальных оргиях, а также магических заклинаниях, любовных зельях, страстных празднествах (*agape*), вызываниях духов умерших, толкованиях сновидений с помощью духов и других видах магии?

Если магические практики различных видов действительно являлись частью учебной программы Карпократа и Александры, они были не более чем дополнением к их доктрине. Когда пневматик (духовно развитый) гностик освобождается от ограничений низших духов, эти существа становятся его слугами. Всякая магия основана на способности знающего сознания прорываться через барьеры нижних миров и управлять стражами ворот космоса. Однако, величайшей магией гностиков всегда было освобождение от заключения в областях материи и разума.

Бардайсан из Эдессы: гностический политик

К несколько более позднему периоду относится Бардайсан (или Бардесанес), сирийский дворянин, философ и советник царей. Он родился в царском городе Эдесса 11 июля, 155 н.э., а скончался там же в 233 году, преисполненный лет и славы. Он был доверенным лицом династии Абгар из Эдессы, с наследным принцем которой он подружился в ранние годы жизни. Когда принц вззошел на трон, Бардайсан стоял на его стороне в виде советника. Как и Мани поколением позже, Бардайсан обратил своего царя и вместе с ним большую часть царства, в свою веру, которая была одной из форм Христианского Гностицизма. Эдесса, скорее всего, была первым христианским государством и единственным гностическим государством в истории. Через несколько десятилетий Каракалла лишил царя Абгара его трона. Бардайсан столь красноречиво защищал христианскую религию перед Римскими властями, что даже враждебный Епифаний был вынужден относиться как к «почти духовнику».

Бардайсан был человеком высокой культуры и обучения. Он путешествовал в Армению, где внес вклад в местную христианскую литературу. Он был также знаком с религией Индии и написал о ней книгу, которую впоследствии цитировал неоплатонический философ Порфирий. Бардайсан получил заслуженную высокую репутацию писателя о христианском гнозисе; мастер греческой стилистики и риторики, он написал множество книг как на греческом, так и на сирийском языках в поэтическом и вдохновенном стиле. Список по крайней мере некоторых из его книг сохранился и содержит такие наименования, как «Свет и Тьма», «Духовная природа истины», «Постоянное и непостоянное», «О судьбе». К сожалению, сохранились лишь фрагменты этих работ. В девятнадцатом веке появились

целый трактат, озаглавленный «Книга законов стран», которая резюмировала учение Бардайсана. Бардайсан также известен как создатель жанра христианского гимна, т.е. религиозной поэзии с музыкальным сопровождением, которая поется во время церковных служб. Он является автором коллекции из 150 гимнов, отчасти написанных по образцу библейских псалмов. Его со-автором и со-композитором был его сын, который имел весьма показательное имя – Гармониус. Сто двадцать лет спустя ортодоксальный христианин Ефραίим из Эдессы стал плагиатором большей части корпуса гимнов Бардайсана, в тоже время осуждая его как еретика.

Учение Бардайсана, по-видимому, не рассматривалось как нечто особо еретическое во время его жизни. Полезно вспомнить, что ортодоксальных стандартов практически не существовало в течение первых двухсот лет (или более) христианской истории. Христианская Церковь была свободным собранием общин с самыми разнообразными верованиями и обычаями, имеющих немного общего, кроме разве что внимания к Иисусу и его миссии. Если бы волна церковной политики не сдвинулась к жесткому единообразию, Бардайсан, возможно, вошел бы в историю как святой или, по крайней мере, как очень талантливый и преданный христианский лидер и учитель.

Работа «Книга Законов Стран», подытоживая учение Бардайсана, показывает отличительные черты классического гностицизма. Человеческое существо состоит из тела, души и духа. Тело есть продукт материального мира. Душа несет отпечаток качеств, наложенных на неё сферами планет, через которые она спускается в воплощение. Таким образом, астрология крайне важна для понимания судьбы человека на земле. Дух есть божественный элемент, который связывает человека с Богом. Как космос характеризуется противостоянием материи и духа, так и на человеческом уровне существует конфликт между роком и человеческой сущностью.

Бардайсан выступал против христианского учения о воскресении плоти. По его мнению, составляющие тела возвращаются в материю. С другой стороны, душа обладает видом условного бессмертия, так как после её утери своих психических наслоений, наложенных земной жизнью и планетами, она объединяется с духом и входит в Брачный Чертог Света. До Иисуса Христа возвращение души к Богу было невозможным. Но Христос через свое учение и мистерии удалил препятствия, которые поработали наши души со времен Адама, и теперь свобода от земного плена стала возможной.

Бардайсан во многом был основоположником того, что позднее стали называть христианской школой святого апостола Фомы. Традиция считает, что святой апостол Фома был первым, кто принес христианство в Сирию, а также он считается основателем и покровителем святой Сирийской Православной Церкви и на Ближнем Востоке, и в Индии. По-видимому, Бардайсан был также первым открытым проповедником Христианства в Сирии, что даже привело к установлению там Христианства как государственной религии. Таким образом, школа христианства святого апостола Фомы остается связанной с Бардайсаном, хотя эта связь в основном не признается в церковных кругах. Евангелие от Фомы из коллекции Наг-Хаммади, несомненно, имеет свои корни и в сирийском христианстве, и в гностицизме. То же самое можно сказать и о других книгах, связанных с Фомой, таких как «Книга Фомы Атлета» и, в особенности, «Деяния Фомы», приписываемые Левкию Харинию.

Некоторые ученые считают, что части «Деяний Фомы» могли быть написаны Бардайсаном. Среди них – знаменитый «Гимн Жемчужине». Три главных основы учения Бардайсана, которые ортодокс Ефрем обозначил как еретические, фигурируют в «Гимне Жемчужине». Еще одно из Деяний, показывающее большое сходство с мыслью Бардайсана –

это прекрасное стихотворение под названием «Свадебный Гимн» (переведенное Мидом как «Свадебная Песнь Мудрости»), которое явственно ссылается на небесную свадьбу в Брачном Чертоге Света, о котором писал Бардайсан.

Остается вопрос: вставляли ли Бардайсан и его ученики эти и другие поэтические отрывки в «Деяния Фомы»? Или же Бардайсан воспринял большую часть своего гностического учения от Школы Фомы? В связи с образом Фомы как гностического апостола *par excellence*, который возник из коллекции Наг-Хаммади, последний вариант представляется более вероятным.

Глава 9. Провидцы и пророки: великие мастера Гнозиса.

Социолог Макс Вебер популяризировал ныне часто используемые слова «харизма» и «сила харизмы». Он имел в виду выдающихся людей в различных областях, но особенно в религиозной среде, которая, кажется, обладает особой силой привлекать, убеждать и просвещать других. Яркий тому пример в американской религиозной истории – мормонский пророк Джозеф Смит, о котором Гарольд Блум написал, что он не только имел видения (само по себе это весьма распространено), но также имел возможность вызывать видения у своих учеников. Согласно этим описаниям, великие гностические учителя и лидеры были, безусловно, харизматичными личностями. Видения бывают различных видов, также как пророческие восприятия и высказывания. Большинство людей во все эпохи искало такие опыты исключительно по личным причинам, и так же дела обстояли о времена гностиков.. Большая часть греко-египетской магии ориентирована на земные цели – материальные выгоды, такие как исцеления тела, приобретение богатства, влияние на погоду; а также эмоциональные и психологические преимущества, такие как получение власти над другими для различных целей (стоит только взглянуть на те контексты, в которых происходит «наделение силой», которого ищут в наши дни, чтобы убедиться в том, что ныне популярные цели – того же порядка). Однако, в гностическом контексте опыт видения преобразуется, главным образом, во внутренний опыт трансцендентной трансформации. Апостол Павел был особо любим большинством гностиков, ибо они считали его прозрение по дороге в Дамаск преобразующим видением такого рода, неким поворотным пунктом в жизни человека. Многие из величайших гностических мастеров пошли по стопам Павла в этом отношении, ибо их духовный опыт был не чудодейством, а направленным испулением.

Валентин – гностик на все времена

Действительно, святой Павел был признанным источником вдохновения для величайшего из гностических учителей, Валентина, который, как говорят, был учеником Теуда (или Теодаса), друга и ученика Павла. Не секрет, что существуют множество явных гностических элементов в посланиях Павла. Он говорит о «скрытых тайнах» и «тайной мудрости», которые можно сообщить только избранным. Что привлекало большинство гностиков, включая Валентина, так это то, что Павел стал апостолом в результате собственного обретения гнозиса, а не из-за связи с Иисусом. Такие аллюзии Павла на то, как он «восхищен был до третьего неба», «было ли то в теле - не знаю, вне ли тела – не знаю», и там постиг «неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор., 12.2-4), полностью определяет его как выдающегося гностического философа. Поэтому он был прекрасным источником для учения Валентина и его апостольской преемственности. О своем жизненном интересе к гностическим вопросам датский учений Жиль Киспель, знаменитый гностический эксперт и коллега К.Г.Юнга, рассказывает удивительную историю. В мрачные годы Второй Мировой Войны, когда пред жизнью и миром встало отсутствие надежды и радости, Киспель обратился к учению Валентина. Вдохновение, покой и вера, которые он извлек из писаний Валентина, сыграли огромную роль в превращении его в преданного и благожелательного

исследователя гнозиса. Очень вероятно, что опыт Киспеля не уникальный, и в действительности множество современных людей находят сообщения этого величайшего из гностических учителей весьма актуальными и полезными.

Дж.Р.С. Мид называл Валентина «великим неизвестным» гностицизма, и действительно – мы имеем весьма малую информацию о его жизни и личности. Он родился в Африке, вероятно, на территории древнего города Карфагена, около 100 н.э. или ранее. Получил образование в Александрии, в расцвете лет переселился в Рим, где достиг выдающегося положения в христианской общине между 135 и 160 годами. Тертуллиан пишет, что Валентин был кандидатом на пост епископа в Риме и проиграл выборы с незначительной разницей. Тертуллиан, который сам присоединился к ересям Монтанизма, заявлял, что Валентин впал в отступничество в районе 175 года. Однако, существуют свидетельства, что он никогда не был всеми осужден как еретик в течение своей жизни и что он оставался уважаемым членом общины до самого конца своих дней. Он почти наверняка был священником в главной церкви и, может быть, даже был епископом. Тертуллиан также утверждает, что Валентин был лично знаком с Оригеном, и можно предположить с некоторыми оговорками, что влияние Валентина на этого отца восточной церкви было значительным.

Общий характер вклада Валентина был успешно отражен Мидом:

«Гнозис в его руках пытается... охватить все, даже наиболее догматические формулировки традиции Учителя. Большое народное движение и его неясности были осознаны Валентином как составная часть могущественного излияния; Он трудился, дабы соткать все воедино, внешнее и внутреннее, в одно целое, посвятив свою жизнь этой задаче, и, несомненно, только в момент смерти понял, что для той эпохи эти намерения были невыполнимы. Нет, только очень немногие могли тогда ощутить идеал человека, а тем более понять его» («Fragments of a Faith Forgotten» 2)

Валентин, гностик, который почти что стал Папой, был, пожалуй, единственным человеком, который смог добиться позитивного осознания гностического подхода к посланию Христа. Если бы его избрали Папой, его герметическое видение, соединенное с превосходным ощущением мистического, могло бы способствовать общему расцвету гнозиса в самой структуре Римской Церкви, что привело бы к авторитету парадигмы гностического христианства, которое так и не было изгнано за столетия. Тот факт, что обстоятельства и возрастающий поток регрессивной псевдо-ортодоксии стали причиной его провала, должен быть причислен к величайшим трагедиям христианской истории. Тем не менее, многие существенные черты его уникального вклада сохранились, и только недавно были извлечены из песков пустыни Египта. Наиболее важные из них рассматриваются в оставшейся части этого раздела.

Психокосмогония и Пневматическое уравнение

Часто обсуждаемая космогония Валентина лучше всего понимается на базе одного экзистенциального признания: что-то неправильно. Где-то, так или иначе, ткань бытия экзистенциального уровня человеческого функционирования потеряла целостность. Мы живем в системе, которой не хватает фундаментальной целостности и, таким образом, имеем неисправность. Ортодоксальные христиане, а также евреи признают, что это истинно, но их видение «неисправности» человеческого существования коренится в человеческом грехе – первородном или ином. В отличие от них и подобно всем другим гностикам, Валентин признает, что творению не хватало целостности с самого начала, и, таким образом, люди не должны ощущать коллективную вину за то, что называется «падением».

Собственные вариации Валентина на гностическую тематику включают выдающееся значение, которое он придает Софии, женской эманации Плеромы. Хотя фигура Божественной Женственности, несомненно, присутствует в гностицизме с момента его основания, о чем свидетельствует учение самого раннего из известных гностиков, Симона Мага, в частности высоко детальная и драматическая проработка мифа о Софии принадлежит Валентину.

Первое утверждение о том, что некоторые ученые называют «пневматическим уравнением» Валентина состоит в том, что и система мира, и система человеческого бытия являются испорченными. Люди живут в абсурдном мире, который может возыметь смысл только посредством гнозиса. Даже многие из богов есть иллюзорные сущности, сотворенные человеческим умом для своих собственных весьма ограниченных намерений. В Евангелии от Филиппа, писании школы Валентина, мы находим следующее очень современное (или постмодернистское) высказывание:

«85. Подобным образом в мире люди создают богов и почитают свои создания. Следовало бы богам почитать людей, как существует истина»

Положение о том, что человеческий ум живет преимущественно в собственном иллюзорном мире, из которого можно освободиться только через просветительный гнозис, имеет яркие аналоги в двух великих религиях Востока - индуизме и буддизме. Упанишады говорят, что мир есть Божественная майя, или «иллюзия», при помощи которой Бог вводит в заблуждение сам себя. Несомненно, это могло бы также быть легко написано Валентином или другим гностиком. Согласно учению Будды, мир видимой реальности состоит из невежества, непостоянства и в нем отсутствует подлинная сущность.

После принятия мысли о дефекте системы разум нуждается во второй, дополнительной части «уравнения Валентина». Ириней в своей работе «Против ересей», цитирует Валентина по этому поводу:

«...и что совершенное искупление есть самое познание неизреченного величия. Ибо недостаток и страсть произошли от неведения, а знанием разрушается все, что составилось от неведения, почему знание и есть искупление внутреннего человека. И оно не телесное, ибо тело тленно, и не душевное, ибо и душа — от недостатка и есть как бы жилище духа; посему и искупление должно быть духовным. Знанием же искупляется внутренний, духовный человек, и они довольствуются познанием всего. И вот какое искупление есть истинное» (1.21.4)

Таким образом, невежество, создающее ложную систему, искореняется посредством духовного гнозиса. Нет никакой необходимости в чувстве вины, в покаянии в так называемых грехах; и также нет никакой нужды в слепой вере в спасение через смерть Иисуса. У нас нет потребности в спасении; но мы нуждаемся в трансформации посредством гнозиса. Головокружительность заблуждения и пагубность экзистенциального состояния человечества может быть преобразована в великолепный образ полноты бытия. Духовное самопознание, таким образом, является обратным эквивалентом невежества неискупленного эго. Возвышенные мифические структуры космогонии и искупления, сообщенные нам Валентином, являются лишь поэтико-прозаическими выражениями этого грандиозного положения, которое относится к экзистенциальным условиям человеческой души во все века и во всех культурах.

Гностический Спаситель: Творец Полноты

Вышесказанное не означает, что Валентин отрицал или даже приуменьшал значение Иисуса в своем учении. Его возвышенная преданность и почтение по отношению к Иисусу раскрывается со всей поэтической красотой в Евангелии Истины, авторство которого, в своем первоначальном виде, принадлежит самому Валентину. По словам Валентина, Иисус действительно является Спасителем, но в смысле значения оригинального греческого слова «soter», используемым и ортодоксальными и гностическими христианами. «Soter» означает «целитель», или «податель здоровья». Из этого вытекает «soteria», переводимая ныне как «спасение», хотя первоначально означающая «здоровое состояние, избавление от дефекта, становление целым, сохранение чьей-либо целостности». Какова же роль soter'a, этого духовного создателя полноты, если у него нет необходимости спасать человечество от всякого первородного или личного греха?

Мнение Валентина заключается в том, что и мир, и человек – оба больны. И эта болезнь обоих имеет один общий корень: невежество. То есть мы игнорируем достоверные жизненные ценности и подменяем их недостоверными. Мы верим, что нуждаемся в физических вещах (таких как деньги, символы власти и престижа, физические удовольствия), чтобы быть целостными и счастливыми. Кроме того, мы впадаем в любовь к идеям и абстракциям наших умов (наша жесткость всегда есть следствие чрезмерной привязанности к абстрактным концепциям и правилам). Болезнь материализма называется среди гностиков «гилетизм» (поклонение материи, тогда как болезнь абстрактного интеллектуализма и морализаторства носит название «психизм» (поклонение разуму и эмоциональной душе). Истинная роль посредников целостности, среди которых Иисус занимает почетное место, состоит в устранении болезни посредством привнесения знания *рнеута* или духа в душу и разум. Навязчивая привязанность к материальным и умственным вещам есть, таким образом, замещение духовной свободы; недостоверные ценности уступают место подлинным, которые связаны с духом. Такова целительная работа Иисуса, говорит Валентин.

Валентин, Таинство и Видения

Методы Валентина, выступающие как содействие истинному духовному гнозису, не ограничиваются философскими доктринами и поэтическими мифологемами. Система Валентина была, прежде всего, системой таинств. Как говорилось в седьмой главе, Евангелие от Филиппа включает пять из семи исторических таинств (или, скорее, их первоначальных гностических форм) – Крещение, Помазание, Евхаристия, Искупление и Брачный Чертог – и также упоминаются два оставшихся. Валентинианский Гнозис сообщает о двух великих и непостижимых таинствах - Искуплении (*Apolytrosis*) и Брачном Чертоге. Хотя многие формулы для них были утеряны, их основные смыслы все еще могут быть обнаружены посредством изучения сообщений отцов церкви и упоминаний в гностических писаниях. Следующая формула сопровождает Валентинианское Искупление:

«...я утвердился и искуплен и искупаю душу мою от века сего и от всего, что в нем, именем Иао, который искупил принадлежащую ему душу во искупление во Христе живом» (Ириней, «Против ересей», 1.21.3)

Как Будда отказался от предложений обманщика Мары перед своим просветлением под деревом Бодхи, так и гностики разрывают свою связь с бессознательностью и принуждением, дабы жить и умирать как независимое существо света и силы. Существуют все признаки того, что двойственные таинства Брачного Чертога и Искупления приносили практикующим огромные преобразования, а также просветление. Эти обряды сохранились в

модифицированном виде среди последователей пророка Мани, а также среди Катаров в Лангедоке. Последние имели великое таинство, напоминающим *Apolytrosis*, называемое *Consolamentum*, которое давало практикующим не только большое спокойствие по отношению к жизни, но также практическое непревзойденное мужество смотреть в лицо смерти (обсуждается далее в главе 10).

Свидетельства отцов церкви также сообщают нам о том, что последователи Валентина обычно были довольны своим членством в созданной христианской общине и принимали там участие в таинствах. Единственное, что они скрывали, это интерпретацию значения таинств. Они были убеждены, что гностик, являющийся пневматиком, то есть, находящийся в связи с высшими духовными мирами, может духом понять таинства. Такой подход крайне ненавидели враждебные церковные отцы, рассматривая его как ересь!

Выше мы кратко проиллюстрировали богатство Валентинианского наследия мудрости. Философия целостности, психологическая проницательность, поэтическая и художественная возвышенность и красота, смешанные с истинной религиозной преданностью и эмоциями характеризуют вклад Валентина и возносят его над большинством гностических и полугностических систем и школ. Собрав вместе лучшие и высочайшие результаты экзистенциализма, можно лишь приблизиться к величественному посланию этого знатока человеческой трансформации, манящего нас через почти два тысячелетия. Валентин действительно жил. Он был и остается источником вдохновения и руководства для людей любой страны и эпохи, вневременный посланник тайн души.

Ипполит Римский, в своей работе «Опровержение всех ересей» (6.42.2):

«Про Валентина говорят, что он увидел новорожденного младенца, и спросил его, пытаясь узнать кто же это был. И этот младенец ответил ему, сказав, что он есть Логос. Затем он добавляет к этому некий напыщенный рассказ, намереваясь извлечь из этой попытки способ образовать секту»

Таким образом, Валентин, быть может, первый святой, столкнувшийся с «Иисусом-Ребенком» в видении и с видением ребенка, наделяющим себя столь торжественным титулом. Как мы можем вынести из насмешливого комментария церковного критика, этот опыт оказал большое влияние на Валентина, ибо он вдохновил его на создание своей школы учения. Как и большинство гностических учителей, Валентин делал то, что делал и учил тому, чему учил - трансцендентной основе собственного гнозиса.

Процитируем в заключение одну из проповедей Валентина:

«От начала вы бессмертны, дети вечной жизни. И вы пожелали распределить смерть между собой для того, чтобы поглотить ее и растратить, чтобы смерть умерла в вас и благодаря вам. Когда же вы разрушите весь мир, вы сами не погибнете, но получите власть надо всем тварным и гибнущим»

Василид, знаток мистических пределов

Когда Юнг написал свой прекрасный трактат «Семь наставлений мертвым», он, как истинный гностик, поэтически приписал его авторство «Василиду из Александрии». Эта дань одному из величайших гностических учителей навсегда обернулась к чести Юнга.

Несомненно, Юнг признавал в Василиде родственного провидца и путешественника в таинственные зоны альтернативной реальности. Все гностики признавали существование

конечной, безличной реальности, которая была первоначальным всего. Эта безграничная, неопределенная и трансцендентная полнота была подчас проблесками явлена мистиками великих достижений, но, кажется, мало, кто был с ней знаком так же, как Василид. Ипполит в своей работе «Философумены» цитирует описание Василидом этой конечной реальности, которая объясняется как небытие:

Было время, когда не было ничего. Не было даже самого Ничто – без всяких софистических ухищрений – ничего вообще. Поскольку не было ничего, ни материи, ни сущности, ничего субстанционального, ничего сложного, ничего простого, ничего несложного, ничего не воспринимаемого, не было ни человека, ни ангела, ни бога, ничего такого, что можно поименовать, воспринять органами чувств или помыслить и, следовательно, ничего такого, что можно было бы описать даже самым утонченным образом, несущий Бог ... без разума, без восприятия, без воли, без решения, без стремления, без желания «пожелал» сотворить мир.

Одна из недавних эзотерических учителей, Е.П. Блаватская, в своих «Строфах Дзьян» (на которых основана её работа «Тайная доктрина») отражает отголоски аналогичных восприятий. Поскольку учение Василида предшествует Валентину, не исключено, что последний имел контакты с самим Василидом и его школой. Некоторые астрономы, говоря о первоначальном состоянии Вселенной в терминах теории Большого Взрыва, приблизительно описывают видение Василида.

Этот пронизательный учитель, удостоившийся проблеска такого первоначального опыта, учил в Александрии около 117-130 н.э. Происхождение обоих посвящений и вдохновлений он приписывал Главку, непосредственному ученику святого апостола Петра, и также Матфею, ученику, который стал одним из двенадцати после отступничества и смерти Иуды Искарйота. Эти апостолы передали Василиду, по его словам, «знание надземных вещей», которые стали основой его собственного гнозиса.

Василид был плодовитым писателем, в числе произведений которого – двадцать четыре книги комментариев Евангельских учений Нового Завета. Он также, как говорят, написал собственное евангелие, на основе переданного ему другими апостолами. Его учения обобщены и цитируются Ипполитом, Климентом Александрийским и Иринеем, который цитирует некоторые отрывки сочинения некоего Агриппы Кастора, предполагаемого современника и оппонента Василида.

Ныне очень мало известно о Василиде и его школе, за исключением того, что его ученики были обязаны соблюдать обет пятилетнего молчания, чтобы позволить развиваться гнозису, не рассеивая свои намерения в разговоре. Видение Василидом надкосмической реальности, а также его понимание космогонии имеют определенные сходства с индуистскими и буддийскими абстрактными мистическими рассуждениями, поэтому порой предполагается, что он был знаком с азиатскими учениями.

Согласно космогонии Василида, конечная реальность имеет в себе «источник, который содержит в себе каждую вещь, потенциально», и из этого источника Святая Троица трех эманаций проявляется таинственным образом. И тогда Великий Правитель (Демиург), называемый «главой разумной вселенной», появляется на свет. Он поднялся до тверди и думал, что не было никого над ним; так «решив, что он здесь главный и, будучи прекрасным создателем, он принялся за работу и начал строительство мира» (Ипполит). Показанный здесь Демиург ограничен в связи со своей забывчивостью в отношении высших существ. В этой космогонии, Демиург не создавал непосредственно этот мир, а лишь создал эфирную модель для этого. Существуют также меньшие демиургические существа, которые выполняют

работу по материальному воплощению творения. По мере того, как намерение и импульс к творению спускается по нисходящим иерархиям, вместе с ним нисходит и воля к спасению, пока не доходит до человечества.

Василид был бескомпромиссным христианином, хотя и, как все гностики, по его собственному определению. Он считал Иисуса земным проявлением высшего просветления, исходящим из конечной реальности. Люди в состоянии реагировать на спасительные действия и послание Иисуса, потому что внутри их сокровенной природы содержится божественная искра («третье сыновство»). Спасение заключается в отделении бессмертного духа от смертной души и физического творения. Спасение будет завершено, когда «все сыновства» (эманированные искры в человечестве) вознесутся и выйдут за Великий Предел. Это не возвращение всего творения к источнику – или, по крайней мере, пока. Ибо после восхождения искр света, населяющих человечество, материальная вселенная будет продолжать существовать.

Фигура Абраксаса отчетливо упоминается Юнгом в его «Семи наставлениях мертвым», и на протяжении веков считалось, что эта таинственная составная фигура была частью учения Василида. Писания Василида, цитируемые Ипполитом, однако, ничего не говорят об Абраксасе, хотя существуют ссылки на эту фигуру в других гностических писаниях. В свете последних исследований, Абраксас идентифицируется как имя искупленного архонта, который поднялся над семью сферами и царствует над миром. Конечно же, эта концепция сочетается с доступными нам учениями Василида.

Рис. 8. Гностическое украшение, около третьего века н.э., изображающее Абраксаса. Изготовлен с великолепным мастерством, колесо с восемью спицами внизу может символизировать его колесницу. На амулете выбита магическая формула AEIOUO, а также другие формулы.

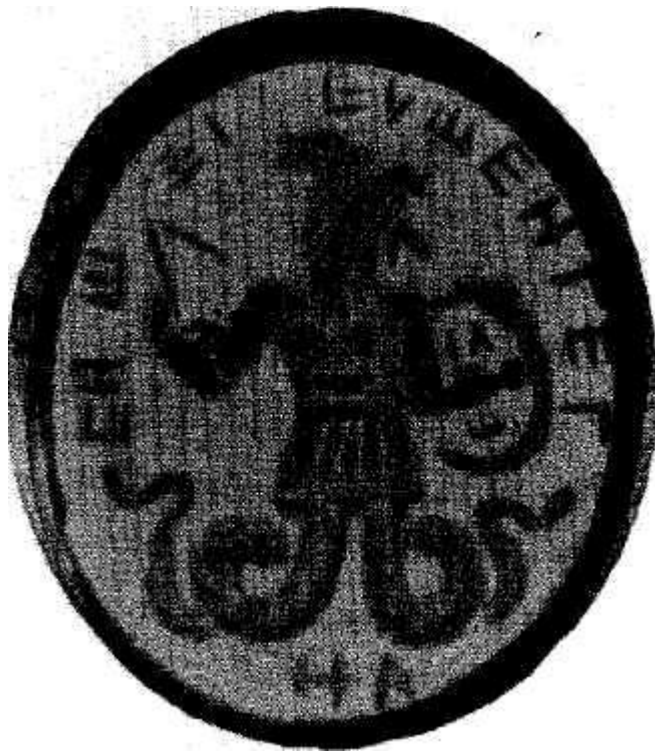

Рис. 9. Гностическое украшение, около третьего века н.э., изображающее Абракса с хлыстом и щитом. На щите нанесены инициалы IAO. Фигура окружена буквами так называемых «варварских имен», по назначению схожих с восточными мантрами.

Маркион – первый библейский критик

Библия была великой вдохновительницей и одновременно великой скорбью христианства. Яркое несоответствие между духом Ветхого и Нового Заветов, а также между их контекстами, совершенно очевидно для объективного читателя Библии. В своем тайном благоразумии средневековая церковь сделала собственную подборку из наименее конфликтных отрывков Ветхого и Нового Заветов и представляла их в лекциях и конспектах набожным людям. Протестантская Реформация настояла на том, чтобы сделать Библию доступной для каждого (за исключением самых поэтических и вдохновляющих книг, подобных большинству мудрой литературы, которые были помечены как «апокрифы»). Таким образом, был проложен путь, который, в конечном итоге, привел к исследованиям библейских критиков девятнадцатого и двадцатого веков, которые мало-помалу объявили многое из Библии недостоверным. Нечасто вспоминают, что, пожалуй, первый библейский критик, человек по имени Маркион, жил и учил в 150 г. н.э.

Маркион из Понта был судовладельцем, торговавшим на берегу Черного моря. Он также был епископом и потомком священника и епископа. В течение десяти лет он учил в Риме и приобрел высокую репутацию проповедника. В конце концов, он оказался в такой разногласии с основной церковью, что был отлучен от неё и образовал церковь со своей юрисдикцией по всей Римской Империи. Несмотря на то, что в те дни не было жестко определенного евангельского канона (было множество евангелий в дополнение к основным четырем), Маркион не признавал Марка, Матфея, Луку и Иоанна как заслуживающих доверия, потому что видел в них множественные искажения, вставки и подделки. И если Маркион критически относился к Новому Завету, то Ветхий Завет он критиковал совершенно враждебно, даже полагая, что он не должен быть включен в канон христианской церкви.

Маркион говорил, что Бог Иисуса и Нового Завета есть любящий Бог, тогда как Бог Ветхого Завета в лучшем случае является просто богом. Иисус учил о новом учении, полученном от Благого Бога-Отца, который любит всех нас. Общепринятая церковь, вероятно, в поисках целостности, или угождения христианам, расположенным к иудаизму, попыталась смешать учение Иисуса с Ветхим Заветом, но результат оказался отталкивающим. Единственным решением, говорит Маркион, будет признание двух Богов: высшего или Благого Бога, пославшего Иисуса, и низшего Бога Закона, который говорит в большей части Ветхого Завета. В космологии Маркиона Благой Бог пребывает на первом небе, промежуточный Бог Закона на втором небе, а ангелы (архонты) промежуточного Бога живут на третьем небе. Ниже их расположена «*Hyle*», или «материя». Мир есть совместное творение Бога Закона и материи. Если быть кратким, эти двое создали тщательную путаницу целостного объекта, и несчастное человечество через это получило много горя.

Наконец, Благой Бог посмотрел вниз со своего высокого пьедестала и сжалился над человеческой расой. Он сказал своему сыну Иисусу:

«Снизойди вниз, прими облик слуги, и веди Себя как сын Закона. Залечивай их раны, даруй зрение слепым, возводи умерших к жизни, исполняй без всякого вознаграждения чудеса исцеления; тогда впадет Бог Закона в ревность и побудит слуг своих распять Тебя. Затем снизойди в ад, который раскроет свои уста, чтобы принять тебя, как если бы ты стал одним из мертвых. Тогда освободи Ты пленников, которых найдешь там и вознеси их ко Мне» (Езник, цитируемый Ипполитом в книге Мида «Фрагменты забытой веры», 246)

Учение Маркиона, возможно, лишено тонкости и поэтической красоты Валентина и мистической глубины Василида. Тем не менее, существенные черты гностического мировоззрения в нем присутствуют в изобилии. Огромный вклад Маркиона – в высказанной критике Библии. Одно это не может помочь, но стоит предположить, что могло бы произойти в том случае, если бы люди стали придерживаться его убеждений, а грубые, жесткие проповеди и истории Ветхого Завета перестали бы использоваться в качестве оправданий инквизиторов в их сожжениях, расизме, осуждении гомосексуалистов, и многих других бесчинствах, все из которых могут быть определены как «вполне библейские».

По сообщениям, Маркион обладал Евангелием, которое считал авторитетным, и которое могло быть написано святым апостолом Павлом. Маркион считал Павла первым христианином, который имел правильное понимание миссии Христа. Это понимание было затуманено подтекстами Ветхого Завета многими церковными учениями и, таким образом, истинное христианское послание Павла никогда не имело шансов на успех – так говорит Маркион и его последователи.

Учение Маркиона привлекло немало сторонников. К концу второго века маркионитские церкви распространились по всему Средиземноморью и Малой Азии. В них были епископы, священники, диаконы и определенная иерархическая организация, которая несла ответственность за их надежность. Мы имеем свидетельства о функционировании маркионитских церквей в конце пятого века, и большинство из них, вероятно, угасли только с расцветом Ислама. Когда на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков Адольф Фон Гарнак и другие ученые опубликовали работы о Маркионе, Праге развилась целая школа немецких и чешских литераторов, открыто считавших себя последователями Маркиона. Самыми известными из них были Франц Кафка (1883 - 1924), среди других - Пауль Адлер, Макс Брод, Пауль Корнфилд и Франц Верфель. Пражские маркиониты были ранними вестниками возрождения гностической традиции в двадцатом веке, которое обрело ясность в конце этого столетия, после открытия кодекса писаний Наг-Хаммади. Примечателен тот факт, что многие из пражских маркионитов были еврейского происхождения, и это

доказывает, что они не считали взгляды Маркиона на еврейскую Библию и ее Бога свидетельством антисемитизма; скорее, они понимали тиранический характер этих религиозных архетипов, равно влияющих и на иудеев, и на христиан. Таким образом, наследие Маркиона продолжает оказывать свое воздействие на протяжении веков.

Рис. 10. Гностическое украшение, около третьего века н.э., с изображением Абраксаса и традиционными символами, включая буквы ΙΑΟ. Камень был закреплен в кольце, которое некогда носил Мэнли Холл. С разрешения *Философского Исследовательского Сообщества.*

Глава 10. Гностические религии: мандеи, манихеи и катары.

Похоже, что некоторые ранние гностики учреждали формальные институты для продвижения и сохранения своих учений; следовательно, они могли легко пресекаться (басня о том, что они просто так исчезли без репрессий, к счастью, лишилась доверия). Некоторые изучающие гностицизм понимают относительный недостаток институтов как преднамеренное действие: поскольку ни одна организация или святейшество, кроме лишь исключительного, своего собственного духа не может даровать гнозис, то нет никакой потребности в основании гностических организаций. Однако, в обычном христианской мире спасение - это также вопрос личной связи индивидуальности и Бога, но, тем не менее, святейшества и церковные организации присутствуют в изобилии. Аналогично, нет никакой реальной несовместимости между гнозисом и религиозной организацией, если эта организация действительно преданна гнозису И в самом деле, многие из ранних гностиков не считали их несовместимыми. Валентин и его последователи, как отмечалось в девятой главе, предпочитали оставаться в обычной церкви, когда это возможно, и формировать свои отдельные общины только когда это действительно необходимо. Они считали, что ортодоксальные христиане (психики) и гностические христиане (пневматики) могли действовать сообща до тех пор, пока гностикам позволена их собственная интерпретация учения и таинств веры. Большинство гностиков не находили приятной еретическую роль; они надеялись, что первоначальное плюралистическое отношение Христианской Церкви сохранится, и, таким образом, их свобода в церкви будет сохранена.

Тем не менее, растущая нетерпимость, которая прокатилась по церкви, начала нарушать подобные договоренности. Таким образом, гностические учителя после Валентина – такие как Маркус, ранний и блестящий ученик Валентина; Аппелес, толерантный и миролюбивый гностический учитель; Гераклион, блестящий комментатор писаний; и Николай,

аскетический мастер внутренней дисциплины – все они были вынуждены действовать за пределами основной церкви и были обвинены в ереси.

Мы знаем три религии, которые имеют четкий гностический характер. Они развивались независимо друг от друга. Одна из них не полностью христианская, другая может считаться тесно связанной с христианством, тогда как третья явно и строго христианская. Любопытно, что только мандеизм, одна из нехристианских гностических религий, сохранила в целостности нить наследия, начиная с библейских времен.

Мандеизм: религия великого инородного Света

На протяжении почти двух тысячелетий, небольшая, скромная группа людей семитского происхождения, обладающих знанием до-христианской гностической веры сохранялась в долине рек Тигр и Ефрат, что сегодня называется Ираком. Современные иракцы называют этих людей «Субба», хотя сами себя они зовут *мандеями*. Арамейское слово «*manda*» переводится на греческий как «*gnosis*», поэтому «мандей» буквально означает «гностик». Двадцать пять лет назад было подсчитано, что существует тринадцать тысяч членов мандейских общин в Ираке, при этом не принималось во внимание огромное количество проживающих в Иране. Из-за тяжелых политических потрясений конца двадцатого века многие мандеи эмигрировали в другие страны, в том числе далекую Австралию. Далекие от существа простого рыбацкого народа речных болот, какими их когда-то считали, сегодня они лучшие мастера по работе с серебром и металлами в таких городах, как Басра и Багдад. Мандеи могут братья за различные профессии, в различных странах. Курт Рудольф, немецкий исследователь гностицизма, сталкивался с мандейскими студентами в Немецком Университете.

Мифология и теология Мандеев обладает типично гностическими чертами. Вне всех миров и проявленных сфер существует Высшее Существо из пречистого и чудесного Света, называемое «великой первой инородной Жизнью из миров света, единственно возвышенная, которая пребывает выше всех дел [сотворенных вещей]» (Гинза, часть 1). Напротив, сотворенный мир управляется Господином Тьмы, Птахилом, исчадьем Руха, женского существа, мятежно и враждебно снизошедшего из Царства Жизни и Света (что-то подобное архоническому образу Софии Ахамот). Как и в других гностических мифах, от Высшего Существа произошло множество небесных созданий и сфер, которые в порядке убывания становились все более искаженными и темными. Птахил несет в себе все характеристики злобного демиурга. Он сотворил невидимый мир, наполненный темными, демоническими существами. Он также участвовал в сотворении материального мира и физической части человеческих существ. Длинные поэтические сочинения описывают эти события и связь человеческих существ с демиургическими силами с одной стороны и Царством Жизни и Света с другой.

История мандеев начинается со времен Иоанна Крестителя, который учил и даровал свои мистерии Святой Земли в ранние времена Нового Завета. Тем не менее, хотя он считается великим пророком этой традиции, мандейские писания дают понять, что традиция существовала еще до него. Таким образом, мандейская религия не имеет исторического основателя. Первоначальные мандеи были, вероятно, евреями, или людьми, тесно связанными с иудейской матрицей; отсюда из оригинальный священный язык – мандейский, который представляет собой форму Арамейского. Мандейские писания рассматривают Моисея как пророка фальшивого Бога, а Иисуса, как своего рода лжепророка, которого не сравнить с истинным пророком, Иоанном Крестителем.

Фактически, мандеи были издавна известны как назореи, что означает «стражи и обладатели тайной мудрости». В различные моменты истории, пожалуй, еще в начале крестовых походов, христиане, контактирующие с мандеями, упоминали их как «христиан святого Иоанна» или «христиан-иоаннитов». Мандеи не протестовали, для них эти имена обеспечивали признание среди христиан. Кроме того, мусульмане предоставили им предпочтительный статус «народа Книги», ибо они могли сказать, что у них есть пророк (Иоанн) и главная книга-откровение (Гинза). Вполне возможно, что средневековые гностические движения, в частности Орден Тамплиеров, контактировали с этими древними гностиками Ближнего Востока и получили от них какие-либо тайные учения и ритуалы.

Примечательно, что единственная выжившая гностическая религия имеет отличительные признаки обширной священнической обрядности: священство с формальными ритуалами посвящения и иерархическую структуру. Иерархия состоит из трех должностей: помощник священника, священник и первосвященник – последний имеет юрисдикцию над отдельными областями. Священникам было разрешено вступать в брак. Таким образом, современные западные представления о том, что гностическая религия является «непосредственной» и не имеет таинств, представляются весьма сомнительными.

Мандеи имеют множество различных писаний, главное из них – «Гинза», которая только недавно была впервые издана Мандейским сообществом из Австралии. Многие из их книг содержат обилие молитв и ритуалов. Мандейские писания и ритуалы в основном касаются высвобождения божественной искры посредством знания, присутствующего в мудрости, которая передается мандейскому священству различными посланниками Света. Никто из этих посланников не называется, за исключением Иоанна Крестителя.

Ввиду того, что их ритуалы часто связаны с погружением в воду, мандеев часто называли крестителями посторонние люди, которые считали, что эти погружения являлись ритуалами крещения. Как представляется, частые повторения ритуалов среди Мандеев было причиной изумления. В действительности, мандейские ритуалы погружения более схожи со Святым Причастием, нежели крещением. Мандеи считали, что проточная вода содержит больше трансцендентной субстанции, отражающей Свет, нежели любая другая материальная вещь. Даже самые обрядовые Христианские Церкви поощряют своих членов на частое принятие Святого Причастия, таким образом, мандейские ритуалы включают связь со сверхъестественным Светом, пребывающим в воде. Их храмы всегда находились рядом с проточной водой.

Существуют два важнейших ритуала. Первый из них – *masbuta*, погружение в проточную воду, которая всегда звалась иорданской. Этот обряд осуществлялся по воскресениям, еженедельным выходным дням Мандеев. Он состоит из трех полных погружений, тройного помазания лба водой, тройного испития воды, венчания миртовым венком и возложения рук. Все действия этого ритуала исполняются священником. Затем участник подвергается помазанию лба маслом, причастию хлебом и водой, и «уплотнению» тела и души против воздействия злых духов. *Kushta*, или «деяние истины», будучи рукопожатием правой руки между участником и священником, символизирует достижение единения с миром Света. Все праздники, даже свадьбы, включают обряд *masbuta*.

Обряды для мертвых – вторые по важности таинства. Они начинаются через три дня после смерти человека и продолжаются в течение сорока пяти дней через определенные промежутки времени. Ритуал под именем «*masiqta*», переводимый как «восхождение», предназначен для облегчения восхождения души к реальностям Света. Существует множество мандейских молитв за умерших. Почти все регулярные церемонии включают молитвы и священное принятие пищи для усопших. Помимо ритуальной пользы, эти

действия также передают душе знание о противостоящих силах и опасностях загробной жизни, благодаря чему она может пробраться из рискованных областей в безопасные (можно отметить сходство с практиками Бардо в тибетском буддизме Варджаяны). Очень мало было известно о мандейской религии до конца девятнадцатого и начала двадцатого веков. В 1867 году некоторые мандейские манускрипты всплыли на поверхность в Париже и Лондоне, и из них немецкий ученый Марк Лидзбарский сделал первый перевод книги ритуалов, «*Mandaische Liturgien*», опубликованной в Берлине в 1920; в 1925 году он опубликовал свой эпохальный перевод самой Гинзы. Его работа была значительно расширена и продвинута авантюрной и преданной англичанкой, леди Е.С. Дравер (1879 - 1972), которая, проживая на Ближнем Востоке, смогла подружиться с членами Мандейской общины и получить от них несколько священных книг. В таких работах как «Мандеи Ирана и Ирака» (1937) и «Канонический молитвенник мандеев» (1959), она сделала доступной для мира науки воистину сокровищницу информации. Позднее Курт Рудольф также успешно контактировал с мандеями. Ныне область мандейских исследований отстаивается, главным образом, сочувственным и преданным товарищем мандеев, знатоком их религии, Йоруном Якобсеном Бакли, чью работу в этой области сложно переоценить (смотрите недавнюю работу Ганса Йонаса «Гностицизм», которая доступна обычному читателю и содержит множество цитат из Мандейских писаний).

Мандейские писания наполнены красивейшими и захватывающими поэтическими настроениями. Вот два отрывка из «Гинзы»:

С того дня, когда я обрел любовь к Жизни, с того дня, когда мое сердце преисполнилось любви к Истине, я больше ничему не доверяю в мире. К отцу и матери нет у меня доверия в мире.

К братьям и сестрам я не имею доверия в мире.

К тому, что сотворено и создано, у меня нет доверия в мире.

К целому миру и его трудам у меня нет доверия в мире.

Только душу свою я ищу,

которая стоит мне поколений и миров.

Я пришел и отыскал свою душу –

что мне все миры?

Я пришел и нашел Истину –

покоящуюся на отдаленном краю миров.

(390)

С того дня, как мы узрели тебя,

со дня, когда мы слышали слово твое,

наши сердца преисполнились миром.

Мы верили в тебя, Благой,

мы видели свет твой, и мы не забудем тебя.

Все наши дни мы не забудем тебя,

ни на час не покинешь ты наши сердца.

Ибо нашим сердцам не ослепнуть,

эти души не повернут обратно.

(60)

Мани и манихейская религия

В отличие от манихейской религии, Манихейская вера, в свое время распространившаяся более чем на три континента, имела основателя. Его звали Мани (или Манес, в греческой форме) и вместе с Валентином он должен быть назван как один из двух величайших светил гностической традиции. Пророк Мани, как он может называться по праву, был, несомненно,

одной из наиболее выдающихся личностей, которые когда-либо существовали. Родившись в 216 н.э., в Персии (ныне Иран) в семье, связанной с бывшим королевским домом, он подвергся изгнанию вместе с родителями в раннем возрасте. Кажется, что родители Мани принадлежали к религиозной группе подобной гностической. Возможно, это был вариант мандейской веры, или, скорее всего, элхазайтской общины где, будучи еще молодым мальчиком, он подвергся воздействию гностического мировоззрения. Как подлинный пророк, он имел свой собственный опыт видения, который раскрыл ему его будущую миссию как основателя религии. Первое из этих видений случилось, когда Мани было всего двенадцать. В это время он контактировал с божественным ангелом, называющимся Двойником, который попросил его выйти из религиозной общины, где проживали он и его семья. Ангел также рассказал ему, что время его публичного выступления еще не пришло. По его собственному свидетельству, в это время Мани получил основную доктрину своего нового учения. Когда ему исполнилось двадцать четыре, ангел явился ему вновь и поручил начать свое общественное служение.

Рис.11. Мани пророк и художник. У Мани классические персидские черты, он изображен как молодой человек. На более поздних картинах он часто изображен с лысой головой.

Мани вернулся в родную Персию, где, в конце концов, сдружился с королем Шапуром и его сыном, будущим королем Хормиздом. Вскоре после провозглашения своей миссии он отправился в Индию, где заимел несколько учеников, но также встретил сопротивление среди Индийского населения. Кроме того, он отправился в Центральную Азию, проведя несколько лет в Западном Туркестане, отдельно от всех, в одиноком уединении сообщаясь с Небесами. Туркестан впоследствии на века остался твердыней манихейской веры. Однако, его самые первые крупные успехи случились в родной Персии, где новая вера собрала так много последователей, что это стало серьезной проблемой для установленного зороастрийского духовенства. Предводители зороастрийской общины начали серьезную кампанию против Мани и его религии. Их интриги дали плоды, когда юный король Хормизд, преданный друг и ученик Мани, скончался и его враждебный брат вззошел на трон. Мани был захвачен, подвергался унижениям и, в конце концов, умер в тюрьме 26 февраля 277 н.э. Его ученики, которым удалось тайным образом посетить его в тюрьме, сообщали, что он был окружен ангелами и светился подобно солнцу. Двадцать шесть дней его мучений в тюрьме с

тех пор стали напоминанием сторонникам его веры о «страстях», которые по праву можно уподобит страстям Христовым.

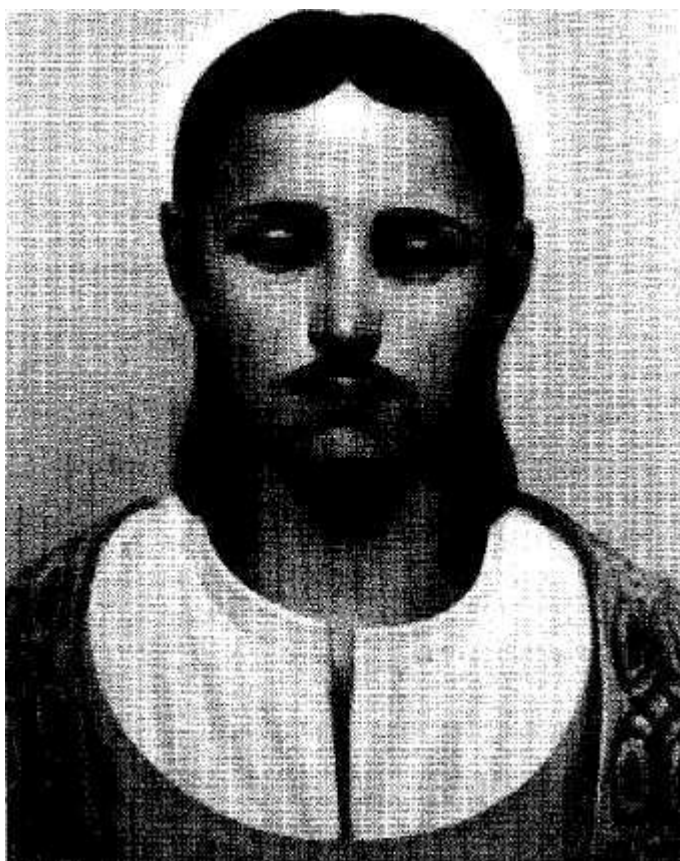

Рис.12. Современная гностическая икона пророка Мани. Он изображен в древнеперсидском стиле, не без влияния китайской портретной живописи (работа маслом на дереве, Ян Валентин Сетер; с разрешения художника).

Манихейский Иисус

Во времена своего несправедливого преследования после короля Бахрама Мани утверждал, что у него не было учителя-человека, но все свое учение он получил от посланного Богом ангела, своего «двойника». Тем не менее, в различные времена он также отождествлял себя с апостолом Иисуса Христа, которого, конечно, он никогда не встречал физически – как и апостол Павел. Мани верил, что перед ним были другие посланники Света, такие как Сиф, мистический патриарх Ветхого Завета; Заратустра, пророк Ирана; Будда, учитель Азии; и, наконец, Иисус Христос. Хотя манихейская вера обычно не считается христианской, преданность Мани Иисусу была необычайной, что иллюстрируют следующие цитаты:

В этом имени Иисус есть благодать, окружающая его. Ибо это Иисус дает покаяние тому, кто кается.

Он стоит среди нас... он не далек от нас, мои братья, как он изрек в своей проповеди: «Разве я не так близок к вам, как одежда к вашему телу!»

Иисус, иго твое легко для того, кто может нести его; Ты сотворил крест Бема (местом милосердия) для себя и на нем даровал закон... ты соделал крест судном для себя и уплыл на нем (Мани, цит. по «Манихейскому Псалтырю», 15,39,91)

Да благословим Господа нашего Иисуса, который послал нам Духа Истины! Он пришел и отделил нас от заблуждений мира, он принес нам зеркало, в которое мы посмотрели и увидели вселенную.

(Манихейский Псалтырь, 150)

Эти высказывания, а также многие другие подобные им, могли бы легко быть произнесены любым благочестивым ортодоксальным христианином. Тем не менее, существуют аспекты учения Мани, касаемо Иисуса, которые имеют уникальный и гностический привкус. Иисус, по словам Мани, является духовным присутствием, которое всегда пребывало в мире, хотя он специально воплощался в Палестине. Таким образом, Иисус явился Адаму в раю и передал ему откровение. Адам увидел Иисуса «брошенным во все вещи, в зубы пантер и слонов, пожираемым теми, что пожирают, расточаемым теми, что расточают, съеденным собаками, смешанным и связанным во всем что есть, заключенным в тюрьму зловония тьмы» (Теодор бар Конай, VIII-IX вв.)

Помимо открывателя спасительных учений и предвестника мистерий, манихейский Иисус есть также олицетворение божественного Света, смешанного с материей. Задолго до его страстей и распятия на деревянном кресте в Иерусалиме, он был распят на кресте материи. Это доктрина «*Jesus patibilis*», «Иисуса Страждущего», который «висит на каждом древе... рождается каждый день, страдает и умирает» («Кефалайя», сборник высказываний Мани). Сходство этой концепции с поздними эзотерическими учениями о божественной тайной жизни в материальной мире очевидна. Взглянем на поэтическую медитацию нынешнего теософа, Анни Безант:

«О сокрытая жизнь, пульсирующая в каждом атоме; о сокрытый свет, сияющий в каждом существе; о сокрытая любовь, охватывающая все в единстве; пусть каждый, кто чувствует себя единым с тобой,, Знает, что он един и со всеми остальными».

Это учение об «*Jesus patibilis*», однако, не следует интерпретировать как натурализм и пантеизм. Оно не означает, что вселенная и природа *есть* чистый и элементарный Бог (за исключением того, в незначительном смысле, что их субстанция есть конечная эманация Божественного Источника). Скорее, Космический Христос, страдающий Человек Изначальный, был ограничен, даже заключен в тюрьме материальности, а его духовный двойник, надмирный Освободитель, который пришел сверху и из-за пределов космоса и природы, продолжает собирать его из физического рассеяния и ограниченности.

В Евангелии от Фомы, писании, неизвестном манихеям, есть высказывание Иисуса, очень легко встраиваемое в ряд с доктриной *Jesus patibilis*:

«81. Иисус сказал: Я - свет, который на всех Я - все: все вышло из меня и все вернулось ко мне. Разруби дерево, я - там; подними камень, и ты найдешь меня там»

Здесь, опять-таки, дается заповедь не кланяться и почитать эти куски дерева и камня, а скорее поднимать их и рубить. Эти слова – не просто фигура речи, они могут быть инструкцией к действию, освобождающему божественный Свет, который рассеян в материальных и природных объектах. То есть, мир природы, подобно природному человеку, нуждается в освящении и преобразовании.

Основы манихейской доктрины

Концептуальная система манихейских учений достаточно проста, хотя мифологические разработки и детали многочисленны и весьма сложны. Утверждается, что манихейское учение более дуалистично, нежели Александрийская и Сирийская гностическая традиция.

Это может быть связано с персидской средой, в которой разрабатывался Манихеизм, где зороастрийский дуализм пропитывал культуру в течение длительного времени. Действительно, в космологии Мани двойственность возникает не только в процессе эманации, но и присуща самим основаниям бытия. В начале, говорит Мани, царства Света и Тьмы сосуществовали в связанном мире. И хотя Свет не ссорился с существом Тьмы и мог бы удовлетвориться существованием бок о бок с ней, Тьму это не устраивало. Тьма пребывала в состоянии волнения и гнева, и решила атаковать реальность Света и вторгнуться в нее.

Как только легионы Тьмы приблизились к реальности Света, изначальный Свет стал нуждаться в защите. Он призвал Матерь Жизни, чтобы она породила Изначального Человека (космическая фигура, не связанная с Адамом или другими человеческими существами, или связанная с ними лишь косвенно). Изначальный Человек, в свою очередь, имел пятерых сыновей, и они вшестером изгнали Темные силы из царства Света и преследовали их на поле боя в нижних зонах. К сожалению, на поле боя предводитель демонов Тьмы одолел Изначального Человека и его пятерых сыновей и поглотил их, вобрав их святящиеся сущности в свою темную форму. Это о том, каким образом произошло первое страшное смешение Света и Тьмы.

Здесь можно заметить постоянно повторяющуюся гностическую тему. Существуют эманации божественного Света, происходящие от Верховного Божества, и часть их пала в нижние миры тьмы, хаоса и зла. Там Свет был захвачен, и произошло смешение с субстанциями, которые несовместимы с ним, даже враждебны ему. Искры Света, которые были поглощены Тьмой, потом должны быть спасены.

В попытках спасения Изначальный Человек освободился и со славой возшел к Богу. Однако, души человеческих существ остались позади вместе с частицами света, которые были производными от пленения Изначального Человека и его сыновей. Только в этот момент материальный мир, как мы его знаем, приходит в бытие. Земля сотворена как алхимический сосуд очищения и трансформации, где Свет может быть извлечен из темной материи. И солнце, и луна есть сосуды Света, которые служат в качестве средства для переноса Света вверх из земной тьмы.

Посланник, который является архетипом всех воплощенных вестников Света, рожден Верховным Божеством. Этот Посланник спускается в творение и путем различных маневров, рассчитанных на обман и поражение архонтов нижней реальности, освобождает все больше и больше Света. Всякий раз, когда Посланник отделяет Свет от Тьмы, темные элементы падают обратно в творение, где большинство из них становятся растительным или животным миром. Животные, главным образом, в значительной степени составляют недоразвитые эфирные формы, выделенные архонтами (заметим, что манихейский гнозис не будет служить разумному объяснению «прав животных», пропагандируемых ныне). Манихейская склонность к вегетарианству базируется на загрязнении большинства животного мяса в силу его архонического происхождения. По сообщениям, манихеи предпочитали употреблять некоторые определенные продукты, такие как дыни, которые, согласно их учению, содержали в себе больше Света, чем другие. Легко посмеяться над такими обычаями, но

разве не правда, что многие культуры и религии рассуждали о духовных качествах определенных продуктов?

Но и люди не свободны от архонической Тьмы и загрязнения. Адам и Ева, подражая похотливым совокуплениям архонтов, рассеяли столько света, что их восстановление стало еще труднее – по этой причине манихеи невысокого мнения о сексуальности.

Спасение частиц Света по-прежнему продолжается. Судна Света – солнце и луна – ежедневно переправляют световые искры в божественные миры. Столб Света, возведенный Посланником и его манифестацией, Иисусом, также переправляет Свет по его восходящему пути. Вдохновленные посланцами Света, просвещенные люди помогают в очищении световых искр и освобождении их из заключения во тьме. В мире проходит великая работа очищения и искупления, и пророк Мани учил людей развитию этой работы.

Почему манихейство так ненавидели?

Вера, основанная пророком Мани, действовала открыто одиннадцать столетий в различных местах, но почти никогда не была свободна от преследования. Чем вызвана эта неустанная ненависть? Без сомнения, мотивы варьируются в зависимости от времени и места. Христиане, а также приверженцы других религий, были, безусловно, в то или иное время мотивированы ревностным опасением соперника, чьей святости, чистоте и доброте они не могли соответствовать. Экономические и политические соображения также поднимали свои уродливые головы. Однако, кажется, есть кое-что еще.

Все гностики всегда отличались от большинства человечества не только деталями своей веры, но также своим фундаментальным представлением о существовании и его целях. Предположение, что мир хорош и что наше участие в нем как-то благотворно является любимой вещью большинства людей большую часть времени. Правда, христианство несколько гностическим путем признало этот мир как долину скорби, и также существуют другие духовные традиции, в частности буддизм, которые имеют своим главным принципом мысль о том, что жизнь эквивалентна страданию. Тем не менее, большинство религий в конечном итоге несколько смягчают свою позицию и идут на уступки по отношению к тьме этого мира. Гностики, однако, не станут этого делать. Хотя гностические школы ранних веков были весьма недолговечны и ограничивались культурной элитой, с манихейством было иначе. Это была мировая религия в течение многих веков, со множеством последователей, тщательно разработанной иерархией, монахами, священниками, литургией и священными писаниями. Нельзя игнорировать манихеев или их бескомпромиссную иномирность, а также строго отрицательное отношение к материальному существованию. Потому христиане и зороастрийцы, мусульмане и конфуцианцы, и даже иногда буддисты смотрели на манихейство как на угрозу для жизни и общества, как они обычно понимались.

С другой стороны, большинство вероисповеданий, которые учили ненависти к манихеям, сами имели монахов и монахинь, которые уподобляясь «избранным» Манихейской Церкви, отказывались от собственности, семьи и мирского участия. Рядовые «слушатели», как их называли, из манихейской общины вели более свободную жизнь, чем средние христиане. Святой Августин некогда был манихеем, как и святой Амвросий; они оба, казалось, оглядывались на свои жизни «слушателей» с чем-то вроде виноватой ностальгии. Враждебность по отношению к «религии Света» Мани, таким образом, не имела под собой реальных оснований. Вставая на гностическую точку зрения, можно предположить, что архонты этого мира ощущали, что их господство находится под угрозой, когда сталкивались со святыми избранниками в белоснежных одеяниях, которые продуктивно занимались

освобождением из оков земного забвения. Духовное зло в вышних обернулось крахом для религии Мани.

Множество мудрых и благочестивых правителей, с другой стороны, благоприветствовали религии Мани или обратились в неё. Среди них были цари Персии, туркменские правители, монгольские князья и по крайней мере один Китайский император. В действительности, в Китае манихейская религия сохранялась дольше всего: последний, роковой приговор вере был подписан в 1374 году одним из императоров династии Минь. Слабые отголоски послания Мани сохранились в таких объединениях, как «Общество Черных и Белых Облаков» и «Общество Белого Лотоса», а также в культе Будды Майтреи. Древняя Тибетская религия Бон может даже иметь манихейское происхождение, ибо её практики утверждают, что она была основана мудрецом, который был принцем Персии. Да и в Европе аромат благородной веры Мани доносится через многие земли на протяжении веков.

Ересь добрых мужчин и женщин

Благородные дворцы, выступающие из крутых склонов горы, долины, усыпанные оливковыми рощами и виноградниками, деревни и города, построенные из камня и населенные древними людьми, предрасположенными к духовным занятиям, и все это освещается мягким светом средиземноморского солнца – таково окружение прекрасной и трагической судьбы религии катаров.

Нет убедительных доказательств того, что религия катаров, которая процветала в Лангедоке в XII-XIII веках, была основана пророком Мани, хотя такая возможность, безусловно, существует. *«Средневековые манихеи»* - этим именем окрестил катаров сэр Стивен Рансиман (1947). И манихейство было наиболее известной гностической религией. Спустя некоторое время, всякая гностическая духовность была отнесена ее оппонентами к манихейству. Испанский епископ четвертого века Присциллан из Аволы, христианин с гностическими склонностями, был сожжен на костре как «манихей». Его епархия включала то, что когда-то называли Аквитанией – там, где расположен Лангедок. Возможно, его наследие как первого «сожженного» сделала что-то для нынешнего возрождения религии, первоначально известной как религия катаров.

Историки рассказывают нам, что катары юго-западной и западной Европы получили свои учения с Востока. В последнем веке первого тысячелетия н.э., болгарский священник по имени Богомил проповедовал на своей родине гностическую веру, которая в одиннадцатом и двенадцатом веках распространилась в другие Балканские страны и Малую Азию. Будучи все-таки объектом для множественных гонений, Богомилы были стойкой религиозной группой, в Боснии, где их система веры стала государственной религией, они продержались до Турецкой оккупации в пятнадцатом веке (многие богомилы Боснии перешли в ислам и затем составили ядро мусульманского населения Боснии). Известные данные о богомилах указывают на них, как на радикальных гностиков, несмотря на то, что их учение несколько более жесткого и тяжелого характера, нежели философский Гнозис их античных предшественников в Александрии.

Болгарские миссионеры были определенно вовлечены в стимуляцию гностического религиозного возрождения в Европе, которое началось в двадцатом веке. Однако, произошел ли большой подъем гностицизма, сконцентрированный в Лангедоке, исключительно из-за балканской евангелизации остается неясным. Область Пиренеев была долгое время известна как место неортодоксальных и эзотерических духовных течений. Вполне возможно, что семена старых традиций проросли благодаря влиянию приезжих богомилов. Нам известно, что около 1172 года множество посвященных катарских *perfecti* (или «совершенных») собрались

в маленьком городке Сен-Фелис-де-Карамане, в тридцати километрах от Тулузы. Под предводительством богомильского епископа из Константинополя по имени Никита, они предприняли широкую реорганизацию уже существующего движения катаров и разработали стратегии для распространения веры. Великое гностическое религиозное движение средневековья отпало в путь.

Слово «*Cathar*», которое переводится как «чистый» (или «очистившийся»), имеет греческое происхождение и использовалось симпатизирующими посторонними для описания последователей религии. Катары же просто называли себя «христианами», или иногда «истинными христианами» (искажение слова «*Cathar*» в ответе за официальный германский термин для еретиков: *Ketzer*). Поскольку некоторые из ранних Катар проживали в городе Альби, имя «альбигойцы» также было обычным явлением. Население же Лангедока просто и решительно называло катар «добрыми мужчинами и женщинами».

Евангелие Чистых

Как и следовало ожидать, гностицизм Катаров был адаптирован к менталитету и мировоззрению средневековых христиан. Гностический Демиург здесь стал просто Люцифером, или Сатаной – злым архангелом. Физический мир, по словам катаров, это в большинстве своем область лукавого, который держит души людей в плену до тех пор, пока они не прислушаются к освободительному сообщению Христа, пришедшему освободить их и забрать с собой в Царство Небесное. Неискупленные души перерождаются, облекаясь в плоть снова и снова, пока не воспользуются освободительной вестью и таинствами спасителя. Верховным средством освобождения, находящемся в ведении Церкви Катаров, было таинство «*Consolamentum*», которое выступало как посвящение, погребальный ритуал, Гностическое Искупление и Брачный Чертог – все в одном. Благодаря этому ритуалу обычный верующий мог стать «совершенным» и получить гарантию окончательного освобождения. Статус «*perfecti*» был открыт и для мужчин, и для женщин, и в самом деле множество выдающихся женщин совершали великие деяния, как духовные, так и материальные, внутри Церкви Катаров. Как в манихейской церкви, так и здесь, большинству сообщества было разрешено вести мирскую жизнь с незначительными ограничениями. Однако не было редкостью для мужчин и женщин пожилого возраста, после взросления их детей и исполнения иных семейных обязанностей, просить разрешения на таинство «*Consolamentum*» и вступить в ряды «*perfecti*».

Катарская Церковь была разделена на географические области, каждая из которых находилась под контролем епископа. Епископы исполняли свой долг при помощи двух сотрудников, известных как старший сын и младший сын. В случае смерти епископа, старший сын занимал его место, а младший сын становился старшим. Диакон, осуществляющие большую часть работы по досмотру и евангелизации, были связаны с каждым епископом. Среди празднеств, Пятидесятница занимала выдающуюся позицию, так как Катары были очень преданы Святому Духу. Катары не строили церквей, но проводили свои собрания в больших домах, часто в знатных дворцах. Стол, покрытый белым полотном и украшенный множеством свечей, служил им алтарем.

Катары считали человеческую душу ангельской по своей природе. Они учили, что полностью духовные людские души были украдены Люцифером и заключены им в человеческие тела, которые порочны по своей природе. Таким образом, как и во всех гностических системах, человеческое существо частично духовно, частично испорчено. Привязанность к земным вещам, включая сексуальное влечение, считались результатом оскверненных условий человеческой жизни. *Perfecti* вели жизнь аскетического отречения, которые включали радикальные модификации их диеты. Некоторые источники показывают,

что perfecti были вегетарианцами, тогда как другие говорят, что они не одобряли выращивание животных для пищи, и потому жили за счет того «что движется в лесу или реке». Дворяне и дамы, привыкшие к большой роскоши, вступали в ряды perfecti в огромных количествах и жили жизнью простоты и дисциплины.

Образ жизни добрых мужчин и женщин пробудил гнев католических церковников, чьи мужские и женские монастыри было общеизвестно развращенными. Таким образом, судьба катаров решилась посредством вражды и зависти церкви. В 1179 году Папа Александр III предал анафеме катаров, которая означала, что он на самом деле передает их на сожжение. Церковники, в частности Арно Амарик, аббат Сито и папский легат Петр из Кастельно, приложили усилия к тому, чтобы обратить катаров в католическую веру. Население Лангедока взидало на гордых и богатых священников с презрением и сравнивало их со скромными perfecti.

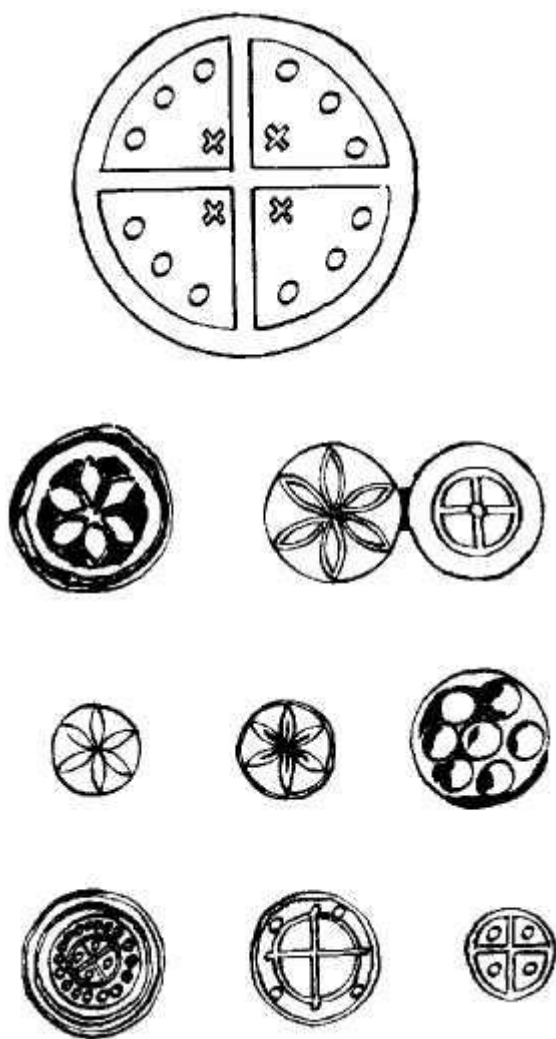

Рис. 13. Символические рисунки катаров, скопированные с резьбы на камнях и амулетах. Большинство из них содержат числа 4 или 6, которые служат признаком баланса и гармонии.

Другим противником был Доминик де Гусман (1172 – 1221), более известный как Святой Доминик. В 1206 году этот фанатичный испанец был уполномочен следующим папой, Иннокентием III, дабы взять на себя ответственность за духовное противостояние против катаров. В 1207 году он столкнулся с грозным катарским мастером, Гильбертом де

Кастресом в известных дебатах в Фанжо. Доминик проиграл в дебатах и, таким образом, лишился шанса обратить катаров. Он ушел сердитым, обещая отомстить.

Возможность для мести не заставила себя долго ждать. В 1208 году, вскоре после того, как Доминик покинул Лангедок, вооруженные сторонники катаров убили папского легата, Петра из Кастельно. Иннокентий III рассмотрел этот инцидент как причину призвания к крестовому походу против катаров - первому и единственному, который когда-либо проводился против христиан. Вскоре была учреждена позорная Святая Инквизиция, в частности, для преследования и уничтожения катаров. Эта отвратительная организация была передана под контроль членам доминиканского ордена, которые, как правило, были ненавистны даже многим католикам и обычно упоминались как «Божьи псы» (*Domini canis*). Тем, кто принимал участие в походе против еретиков, были обещаны как духовные, так и материальные преимущества. Страшный Альбигойский крестовый поход начался.

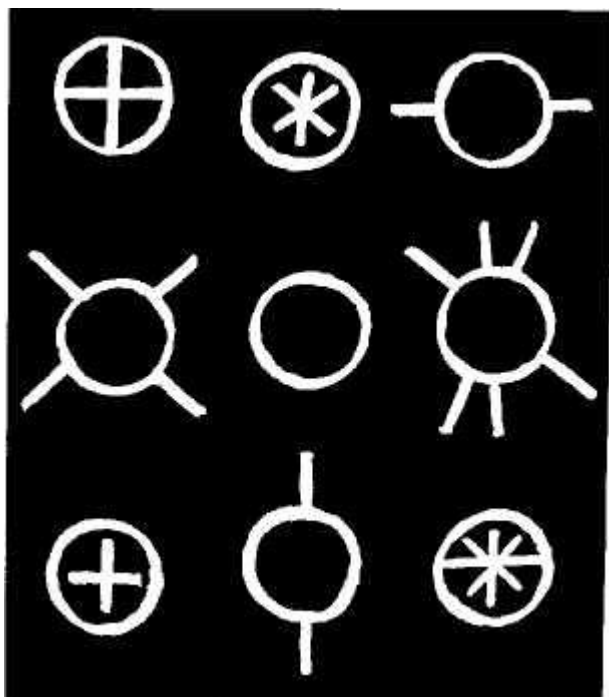

Рис.14. Символические конструкции катаров, показывающие различные вариации круга и креста в круге. Они символизируют вечные и сбалансированные качества Гностической плеромы.

Убийство для катаров, даже в целях самообороны, было нарушением их веры. Жизнь *perfecti* была посвящена исключительно актам религиозной службы и духовной практике. Одетые в длинные черные рясы, добрые мужчины и женщины пересекали земли, проповедуя то, что они считали Евангелием Чистого Христианства. Поселение, напоминающее скромные монастыри, было местом постоянной молитвы и медитации. Высокое дворянство было особенно склонно к катарской вере, но горожане и крестьяне были также привлечены к этой форме гностицизма. Их соотечественники, которые оставались в Католической Церкви, относились к катарам с уважением и любовью. На самом деле, католики Лангедока часто мечом и жизнью выступали в защиту катарских *perfecti*.

Добрая вера уничтожена

С 1209 года и почти до 1250-го волна за волной армий крестовых походов проникают в Лангедок. Правители Тулузы предпринимали отчаянные попытки задержать и предотвратить

убийства своих подданных. Жители страны боролись и героически страдали. Часто католиков убивали вместе с катарами, как и в печально известном случае в Безье, где была дана команда предать каждого мечу, сопровождаемая словами: «Бог узнает своих!». Это замечание, хотя и, может быть, недостоверное, характеризует варварский дух Альбигойского крестового похода.

В Минерве, Безье, Каркассоне, Тулузе, Пуиверте, Пюилоране и во многих других крепостях и городах, селениях и деревнях, происходили кровавые бойни. Осада и разгром каждой крепости или города обычно заканчивался массовым сжиганием еретиков. Прекрасный аромат средиземноморской флоры страны смешивался с едким дымом горящей человеческой плоти. Жестокие солдаты с севера, включая бретонцев, фламандцев и даже прибалтов с англичанами, были рады опустошать одну из самых культурных и красивых земель Европы. Ведомые сначала зловещим и безжалостным Симоном де Монфором, чья ортодоксальность уступала только его жадности, ради которой он копил земли и замки для личного обогащения, крестоносцы оставили за собой столь омерзительное впечатление, что оно сохраняется и по сей день. Монфор был убит при осаде Тулузы катапультой, управляемой героической женщиной, но его место заняли командиры, обладающие такой же жестокостью и бесчеловечностью.

Несомненно, что самым священным местом и одновременно местом самого трагического поражения и смерти катаров был знаменитый замок Монсегюр. Вероятно, из-за священного места глубокой древности, эту крепость стала известна как «западная гора Табор» катаров. Восстановленный лидером катаров, Гильбертом де Кастресом, совместно с великой искусной графиней Эскларкомондой де Фуа, это замечательное строение располагается сверху гигантской скалы (*rog*) в высоких горах Арьежа. В 1243 – 1244 годах он пережил длительную осаду крестоносцами, после которой был захвачен, что писатель Лоренс Даррел называл «Фермопилами гностической души». 16 марта 1244 года сотни катарских *perfecti* обоих полов, цвет оставшейся Церкви Катаров, были приведены захватчиками на участок скалы Монсегюра и массово сожжены. Это место известно ныне как «зона сожженных», и скромный памятник, вознесенный поклонниками катаров, напоминает посетителю об этом событии. За три дня до сожжения двадцать катарских верующих получили «*Consolamentum*», тем самым обрекая себя на верную смерть. Все они встретили пламя радостно, воспевая гимны.

Рис.15. Гора и развалины Монсегюра в Лангедоке. Во времена его падения замок был разрушен со стороны крутых гор. 16 марта, 1244 года, сотни катарских *perfecti* были сожжены на огромном общем костре у подножия горы.

Рис.16. Руины замка Монсегюр. Эта крепость служила укрепленной святыней и была убежищем для многих из последних катарских *perfecti*.

После уничтожения последних катаров в Лангедоке их вера просуществовала некоторое время в Италии. Сокрытые сторонники в других Европейских странах не предавали огласке свою принадлежность по очевидным причинам.

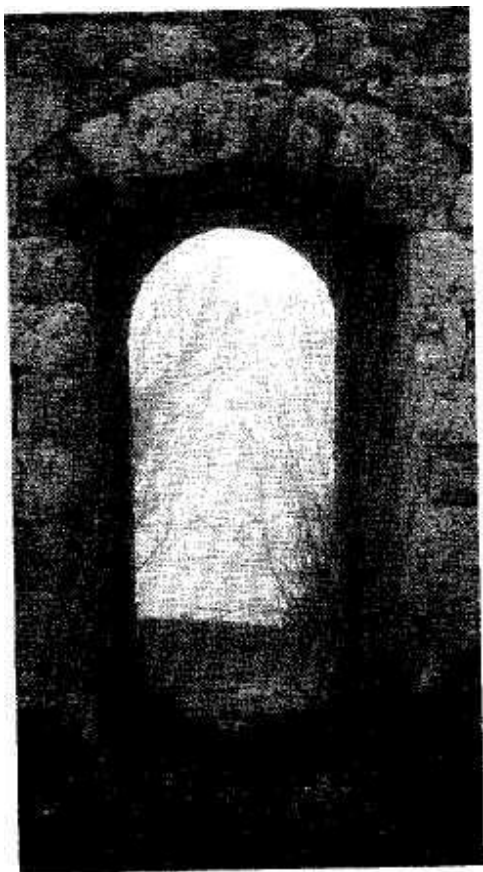

Рис.17. Врата катарской священной крепости Монсегюр. Они являются поздней конструкцией, но, тем не менее, передающей таинственность этого необычного места. Сотни паломников проходят ныне сквозь эти ворота, чтобы отдать почтение памяти катаров.

Рис.18. Памятник катарским мученикам, возведенный в Монсегюре около 1960-го года. Простая стела имитирует древний катарский знак. Верхний, вписанный в окружность крест, традиционен для катаров. Нижний крест - это геральдический крест округа Тулузы.

Предание гласит, что легендарный основатель Розенкрейцеров, Христиан Розенкрейц, был потомком рыцарского дома Гермисхаузен – семьи, которая практиковала катарскую веру тайно в течение нескольких поколений.

В последние десятилетия интерес к традиции и истории Катаров возрастает. Улицы и дороги в Лангедоке названы в их честь, а память о них преисполнена благоговейного уважения со стороны как местного населения, так и многочисленных посетителей, совершающих паломничество в эти святые места. Растущий свод литературы на французском и других языках рассказывает и пересказывает историю катарской славы и мученичества. Подобно другим формам гностической традиции, это благородное воплощение Гнозиса постепенно выходит на свет современного сознания.

Личная знакомая автора, американская изгнанница, проживающая в Безье, однажды упомянула имя «катар» в разговоре с одним из своих местных соседей. Пожилой земляк посмотрел на неё со странным выражением и сказал: «Катары, мадам? Мы всегда были катарами, хотя и не говорим об этом. И мы всегда останемся катарами». Таким образом, длинная тень добрых мужчин и женщин падает даже на наш современный мир и нашу жизнь.

Глава 11. Наследие гностицизма: гностическое возрождение

Можно сказать, что гностическая традиция состоит из двух компонентов. Первый из них – традиция учений и практики. Поскольку по крайней мере в первые столетия нашей эры имела место ясная, четко сформулированная линия передачи гностического характера. Будем ли мы рассматривать учение пророка Мани, или его Александрийскую и Сирийскую духовную родню чуть более раннего времени, или некогда многочисленные ближневосточные гностические движения, от которых происходят современные мандеи, или

богомилов в их балканских крепостях, или катаров в Пиренеях – всюду мы найдем общую весть о спасении через гнозис и определенные сопроводительные учения.

Второй компонент менее определен. Он включает в себя определенный склад ума, психологическую атмосферу. Отцу церкви Тертуллиану приписывают выражение «*anima naturaliter christiana*» (душа по своей природе христианка). Соответственно, определенного рода души по самой своей природе являются гностическими. Вне зависимости от географической, культурной и духовной обстановки, такие души неизбежно тяготеют к гностическому мировоззрению. Когда психологическая предрасположенность встречается с воздействием некоторого элемента гностической вести, гностическое возрождение обязано проявиться. И действительно, гностические возрождения существовали на протяжении всей истории.

С триумфом ортодоксального христианства после Константина, гностическая традиция ушла в подполье. Окончательный удар по раннему гностическому христианству был нанесен в конце четвертого века, когда волна жестокого преследования пала на последователей испанского епископа Присцилиана из Авилы, вопреки возражениям милосердных ортодоксальных христиан, включая святого Мартина Турского. С тех пор, непрестанная охота на гностиков, обычно ошибочно именуемых Манихеями, затруднила переживание Гнозиса. До появления катаров в двенадцатом и тринадцатом веках гностицизм за Западе не выходил из тени.

Несмотря на преимущественно христианский характер, Гностицизм определенным образом повлиял на Ислам, особенно на его мистические школы, такие как Суфизм и секта исмаилитов. Пророк Мухаммед, возможно, даже был знаком с некоторыми аспектами Гностицизма, ибо в то время гностических религиозных групп существовало великое множество, и люди, входящие в них, зачастую переключивались в Ислам. Пророку Ислама приписывают высказывание о том, что христиане уничтожили подлинные евангелия Иисуса и заменили их искаженными. Имел ли он в виду Гностические Евангелия? Возможно и так. Великий суфийский мастер Сухраварди, в «Философии просветления» (1186), открыто признает платонические и гностические источники своего прозрения. На сегодняшний день, гностический элемент суфизма очевиден для всех.

Протестантская Реформация имела некоторую слабую связь с Гностицизмом. Лютер знал, что по существу гностическая связь с персональным духовным опытом в значительной степени исчезла из Католической Церкви его времени, и он захотел восстановить её. Однако его намерение оказалось злополучным. Нечестивый союз жаждущих власти Германских принцев и скучного Лютеранского духовенства вскоре задушил ростки Гностицизма в Протестантской среде. Как только гностические (или даже умеренно мистические) идеи и практики исчезли из модифицированной веры, эзотерические секты, которые в сущности были более чем гностическими, начали прорастать в Германии за пределами государственной церкви.

Важной Германской гностической фигурой того времени был таинственный сапожник из Герлица, Якоб Беме (1575 – 1624). Неустанно преследуемый местным Лютеранским духовенством, этот вдохновенный сельский ученый написал несколько мистических книг, которые обрели популярность среди склонных к эзотерике людей по всей Европе. Философия Беме была вдохновлена его собственным мистическим опытом, хотя его произведения показывают, что он был весьма начитан и в познаниях альтернативной мистической мысли. В то время Ренессанса с его возрождением герметической и каббалистической мудрости особое значение придавалось алхимии. Беме был знаком со всеми этими эзотерическими дисциплинами и включил их в свою собственную систему

Гнозиса. Он учил, что человеческий дух есть божественный огонь, возникший из сущности Бога. Он заключен во тьму и испытывает там большую тоску и уныние, а его предназначение – соединиться с первоначальным Божественным Светом. Пламя любви есть объединяющая сила, посредством которой человеческий дух может достичь своего божественного источника. Бесспорно гностическое, учение Беме оказало влияние на самых разных людей, в том числе на французского Сен-Мартена, квакера Джорджа Фокса и теософа Елену Блаватскую.

Одно из наиболее романтических и таинственных событий пост-реформационного периода связано со сказанием о Розенкрейцерах. В 1614 году в Германском городе Касселе была издана небольшая книга, длинное название которой сокращали до «Fama Fraternitatis» (История Братства) или просто Fama. В этой книге анонимный автор призывал ученых Европы объединяться в сообщество, посвященную реформированию универсального знания на духовных основаниях. Автор предлагал в этой задаче содействие ранее неизвестного братства Розенкрейцеров.

Как основу для данной просьбы, Fama рассказывает романтическую сказку о германском дворянине Христиане Розенкрейце (Розовый Крест), который, как говорят, жил с 1378 года по 1484-й. Будучи молодым человеком, он путешествовал в Марокко, где обнаружил и получил инструкции от выдающихся адептов мистических дисциплин. После возвращения в Европу, он собрал вокруг себя небольшую группу единомышленников и основал Орден Розенкрейцеров. После его смерти Розенкрейцеры существовали тайно на протяжении столетия. Затем, следуя исконным наставлениям основателя, члены ордена посетили его гробницу, где обнаружили не только неповрежденное тело наставника, но также множество загадочных предметов и документов, которые воодушевили их отказаться от скрытности и снова явиться миру как действующее сообщество.

Годом позже за Fama следует другая работа – «Вероисповедание Розенкрейцерского Братства». Но, несмотря на эти и иные публикации, заявленное братство, по-видимому, решило остаться тайным. Люди разыскивали братьев ордена повсюду, но никто никогда не был обнаружен. Одни скептически оценивают весь вопрос как мистификацию, другие же продолжают поиски. В восемнадцатом веке под действием импульса Эпохи Просвещения орден Розенкрейцеров, в то время ассоциировавшийся с новым и популярным масонским движением, стал активным. Возрожденная Розенкрейцерская ассоциация имела среди своих членов элиту Германского совета, включая короля Пруссии. Консервативный политический характер ордена раздражал более революционно настроенных, которые также были привлечены к Розенкрейцерской романтике.

Fama, однако, призывала к универсальной реформации знания, а не к революционному изменению общества.

Вопрос о существовании первоначального Ордена Розенкрейцеров остается без ответа. Но факт того, что Розенкрейцерский миф стал важным архетипическим мотивом в эзотерической мысли, не подлежит сомнению. Именно здесь может обнаружиться связь с гностицизмом. Документы Розенкрейцеров имеют явную алхимическую основу; один из них, «Химическая свадьба Христиана Розенкрейца», описывает процесс алхимического соединения. Алхимия, как показывают исследования Юнга, имеет тесную связь с гностицизмом. Кроме того, загадочный Христиан Розенкрейц вполне может быть германским катаром, который хотел учредить гностическую традицию нового характера. Новаторский Французский исследователь двадцатого века, Морис Магре, исследовавший Катар, пишет в своей работе «Возвращение волхвов» (91):

«Так что от великого альбигойского леса, вырубленного и сожженного до тла, остался только один человек, который увековечил доктрину посредством её трансформации...Из альбигойцев в середине четырнадцатого века появился мудрый человек, который был известен под символическим именем Христиан Розенкрейц и являлся последним потомком немецкой фамилии Гермишаузен (или Гермишузен). Нет ни письменных текстов, ни исторических доказательств. Как это может быть?»

Магре был глубоко вовлечен в эзотерические традиции Франции и, возможно, был посвящен в устные, неизвестные другим, традиции. В любом случае, существует неразрывная связь между различными Розенкрейцерскими возрожденными движениями и гностической традицией, а это уже говорит само за себя.

Рис.19. Катарские медальоны из Монсегюра. Шестилепестковый, цветочно-звездный дизайн очень похож на мотивы, обнаруженные на древних гностических амулетах. Вписанный в круг равносторонний крест символизирует конечную полноту и гармонию.

Гностические истоки Просвещения и Революции.

Просветление, к которому стремятся гностики, несет не те же самые идеалы и задачи Просвещения восемнадцатого века. Гностическое просветление (или Гнозис) понимается как спасительное духовное озарение. Просвещение Вольтера и его товарищей-философов было изгнанием мракобесия и догматизма средневековой церкви. Тем не менее, они были связаны и в своем происхождении, и в основном направлении. Для понимания гностического компонента Просвещения необходимо взглянуть на более раннюю эпоху – позднее Средневековье.

Никто не может путешествовать в любое место прелестной Франции, не встречаясь со следами Тамплиеров. Один из трех величайших рыцарских орденов Крестовых Походов (другие два - это Мальтийские и Тевтонские Рыцари), Тамплиеры всегда были преимущественно французами, и церкви напоминают путешественнику о великой силе и благодати, которыми когда-то обладали рыцари-монахи этого ордена.

Основанный в двенадцатом веке на Святой Земле, орден изначально посвятил себя укрытию и защите паломников в священных местах. Некоторые из видных рыцарей-основателей, кажется, имели склонности к эзотерической духовности, и подобные тенденции продолжались в ордене вплоть до его трагического конца. Гуго де Пейн, первый лидер Тамплиеров, проявил интерес к ереси Катаров, чье учение ему объяснил собрат-тамплиер Жоффруа де Сен-Адемар (иногда ошибочно пишут «Сен-Омер»), который был родом из Лангедока. Также весьма вероятно, что ранние рыцари-тамплиеры были знакомы с доктриной Ордена Ассасинов, исмаилитского военно-мистического сообщества, возглавляемого гуру-мистиком, известным как Старец Горы. Что наиболее важно, ранние тамплиеры, кажется, столкнулись на Святой земле (или в близлежащих местах) с гностической группой, связанной с мистериями святого Иоанна-Крестителя – по всей видимости они принадлежали к мандейскому сообществу. Из этих источников Тамплиеры почерпнули учения, которые тайно привнесли в Европу, в особенности на свою Французскую родину.

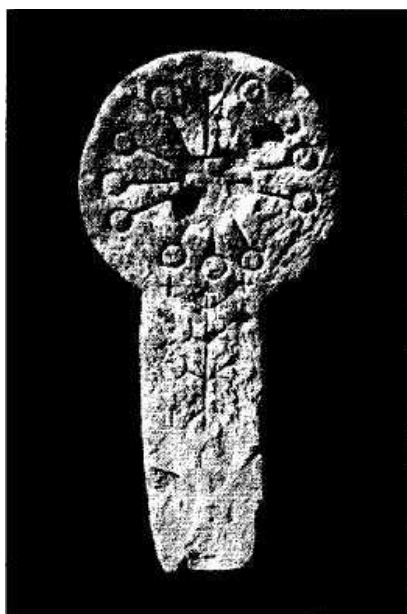

Рис.20. Катарская стела, возможно, мемориальная доска. На рисунке изображено древо, увенчанное двенадцати-лепестковым цветочным узором. Это может быть символикой зодиака.

Основатели Ордена Тамплиеров имели могущественного покровителя из числа ортодоксальных католиков в лице святого Бернарда Клервурского, чье мистическое учение о Госпоже из «Песни Песней» само по себе было не лишено эзотерического подтекста. При помощи Бернарда, Тамплиеры обрели устойчивость и судить их мог только Папа Римский. Их благосостояние росло, равно как и зависть к ним, исходящая от королей Франции.

Отношения рыцарей с Французской монархией не улучшились из-за отказа Тамплиеров участвовать в крестовом походе против катаров. Таким образом, полвека спустя, 13 октября 1307 года, в результате сговора французского короля и Папы (француза, обязанного королю), орден был распущен, а его ведущие рыцари арестованы. Несколько позже великий магистр Жак де Моле вместе с множеством других рыцарей был сожжен на костре за ересь. Страшные преследования рыцарей продолжались, и только в нескольких зарубежных странах уцелела их горстка. Великого Ордена Тамплиеров больше не существовало.

Расформирование Тамплиеров и их мученичество произошло, когда еще жива была память о разрушении Лангедока и холокосте катарских гностиков. Но тогда как ужасные события Лангедока произошли на маленьком участке земли, в те времена практически чуждом большинству Франции, убийство Тамплиеров имеет отношение ко всему французскому народу. Отвращение к королю и Папе стало огромным и устойчивым. Как церковь показала себя в войне против катаров жестокой и варварской организацией, так и король предстал теперь как неблагодарный тиран, казнивший своих прославленных подданных. Таким образом, во Франции были посеяны семена радикального недовольства королевской властью и престолом.

Четыреста лет – это длительное время, но потребовалось именно столько времени, чтобы эти семена проросли. Первой к решимости отобрать назад власть у церкви и Бурбонской монархии пришла французская интеллигенция. Чтобы добиться этого, они использовали перо, а не меч. Их сочинения высвободили волну идей, все из которых критиковали церковь, а некоторые также и монархию. Второй этап произошел во времена начала Французской революции. Когда Людовик XVI был приведен своими палачами на виселицу, он, как говорят, заявил следующее: «Это месть за Жака де Моле».

Эта интерпретация Французской истории, несмотря на то, что она, конечно, неинформативна, твердо вошла в эзотерические круги Франции и других частей Европы. Один из историков, Зои Олденбург, одна из первых написавшая о катарах, делает несколько утверждений в работе «Расправа в Монсегюре», которые практически идентичны с этой теорией.

Гностики Просвещения

К восемнадцатому веку миновало более чем тысячелетие с тех пор, как кто-то отважился сказать что-нибудь благосклонное о манихеях. Первым человеком, сделавшим это, был никто иной, как Вольтер. В своем произведении «Кандид», он изобразил пожилого путешественника-ученого Мартина, который является манихеем и успешно полемизирует с поверхностным оптимизмом поговорки «в этом лучшем из возможных миров все к лучшему». А в своем коротком рассказе «Мечта Платона» Вольтер показывает хорошее знание гностических учений, которые упоминаются в благосклонном тоне.

Одной из возвышающихся фигур эпохи Просвещения был Иоганн Вольфганг фон Гёте, известный по сей день в немецко-говорящих землях как поэт принцев и принц поэтов. В отличие от Вольтера, он открыто практиковал эзотерические дисциплины, в частности алхимию. Он написал знаменитый стих о Катарах, перевод которого гласит: «Были те, кто знал Отца. Что случилось с ними? О, они взяли и сожгли их!». Главный труд Гёте – это, конечно же, «Фауст». Как говорилось в восьмой главе, фигура Фауста была вдохновлена образом раннего гностического учителя Симона Мага, одно из почтительных имен которого было Faustus. Тогда как пьеса шестнадцатого века, созданная Кристофером Марло, была одной из попыток изображения древнего гностического мага с преобладанием обычных христианских богословских взглядов, где Фауст обречен на вечное проклятие, Фауст Гёте не страдает от такой судьбы, но оказывается искуплен Вечной Женственностью – здесь, вероятно, есть намек на Гностическую Софию.

Во всех отношениях, эквивалентом Гёте в английской литературе, является, конечно же, Уильям Блейк. Друг Блейка, Генри Крабб Робинсон, писал, что Блейк часто «повторял учения гностиков». Другие также комментируют гностический характер работ Блейка, и собственные его комментарии, зафиксированные не только Робинсоном, указывают в том же направлении. Блейку была ни к чему ньютоновская модель упорядоченного, как часы,

космоса (можно только гадать, как бы Блейк отреагировал на такие проблемы, как теория хаоса и другие постмодернистские разработки, представленные в классической науке). Однажды Блейк сказал: «Природа есть работа Дьявола». Для него «Природа» означала все творение.

Даже почти детская, популярная поэма Блейка «Тигр» вопрошает в весьма гностическом стиле во втором куплете:

Чьей бессмертной рукой

Создан грозный образ твой?

(в переводе С.Маршака)

Подразумеваемый ответ таков, что это Демииург, который появляется снова и снова в работах Блейка, таких как «Уртона» (Землевладелец), «Ветхий Днями» и других. Тема мира как низшего творения падших существ, которые сами попали в плен собственных деяний, наиболее четко высказывается Блейком: «Создавшие мир и ныне как будто окованные цепями мира Гиганты суть причины жизни и источники действий» (Бракосочетание Рая и Ада). Блейк глубоко соглашался с Карпократианами, а также другими, так называемыми антиномиальными гностиками. В «Пословицах Ада» из работы «Бракосочетание Рая и Ада», он уязвил набожную моральную чувствительность так же, как это могли сделать некоторые Гностики: «Дорога излишеств ведет к дворцу мудрости. Тюрьмы построены из камней закона, публичные дома из кирпичей религии». Блейковское определение «своего великого дела» в «Иерусалиме» может быть самым совершенным поэтическим определением Гнозиса, когда-либо существовавшим: «Открыть Вечные Миры, открыть бессмертные Глаза Человека внутри Миров Мысли, в Вечность, расширяющуюся в Лоне Бога, Человеческую Фантазию».

Гёте и Блейк выиграли от сознательных усилий некоторых величайших светил Просвещения, возрождающих гностиков и избавляющих от неприятного образа, наложенного на них на протяжении веков бесконечной однообразной клеветой святых отцов. Они были знакомы не только с Вольтером, но, что более важно, с ранней работой Пьера Бейля «Исторический и критический словарь», наиболее всеобъемлющей энциклопедической работой восемнадцатого века. В Бейле гностики всех школ могли бы узреть красноречивого и ученого апологета.

Великой литературной фигурой, на которую сильно повлияло Просвещение, был Герман Мелвилл. Гностицизм, представленный в его книге «Моби Дик», комментировался несколькими писателями (к примеру, Стюарт Холройд и Эдвард Эдинггер), и, таким образом, не нуждается в повторении здесь. Капитан Ахаб может выглядеть сумасшедшим в глазах своих рациональных современников, но многие его высказывания воздают хвалу древнему гностическому трактату. К примеру, в последней части романа Мелвилла, Ахаб нападает на Бога-Творца:

«Ты не знаешь, каким образом ты явился на свет, и потому зовешь себя нерожденным; ты даже не подозреваешь, где твои начала, и потому думаешь, что у тебя нет начал. Я знаю о себе то, чего ты о себе не знаешь, о всемогущий. За тобою стоит нечто бесцветное, о ясный дух, и для него вся твоя вечность - это лишь время, и вся твоя творческая сила механистична»

Безусловно, Просвещение способствовало множественным изменениям во взглядах многих ведущих гениев культуры относительно гностиков и их убеждений. Был открыт путь

для гностической романтической мысли, и вслед за этим, для оккультного возрождения девятнадцатого века.

От романтизма к оккультному гнозису

Одним из прямых наследников Просвещения был Романтизм, разнообразное движение, характеризующееся не столько главным мировоззрением, сколько пылкими чувствами, часто направленными на мечты за пределами этого мира. Некоторые романтики вроде Шелли и Байрона не имели никакого интереса к чему-либо, отдающему Богом или религией; другие, как Вордсворт, культивировали мистицизм, который пришелся бы по душе Гностикам. Тем не менее, работы других представителей Романтизма обладают четкими гностическими тонами. Романтики обычно пренебрегали материальным миром и стремились к культу возвышенного. Они воспевали человеческое воображение тем же путем, который привлекал Гностиков, Неоплатоников и Суфиев. Их «божественное недовольство» прозаической жизнью и их намеренные поиски необычных состояний сознания могут также расположить их к некоторым гностикам. Короче говоря, среди романтиков присутствовал некоторый гнозис, хотя и несколько бесформенный.

Девятнадцатый век стал периодом больших изменений и усилий, не только в политической, промышленной и научной жизни Западной культуры, но также и в сфере духовной. Восхваление ньютоновского космоса сменилось озабоченностью более сложными и, порой, более глубокими концепциями. Дарвин и его теория эволюции поставила под вопрос традиционную христианскую доктрину сотворения мира. Существовало много неопределенности, а также возрос энтузиазм исследования ранее неизученных идей и реализаций. В разгар всего этого о гностиках не забывали. В Германии эпическая работа Николауса Ленау «Die Albigenser» (Альбигойцы) напоминала о романтике мученичества катаров, тогда как ученые-библеисты Германии и Франции начали обращаться к многочисленным гностическим манускриптам, которые практически необъяснимым образом появились в Европейских и Английских библиотеках и архивах.

В числе того, что может быть названо эмпирической стороной духовности, проявился популярный «неошаманский» феномен спиритизма. Сеансы проводились в Белом Доме, во дворце Наполеона III, и во многих цитаделях высшего общества, тогда как широкая публика зачастую посещала медиумов в скромных помещениях. Множество людей убедилось, что они не нуждаются в благочестивых утверждениях религии о жизни после смерти. Они ощущали, что могут познать это напрямую – эта убежденность резонирует с основным мотивом Гностицизма.

Важной фигурой середины девятнадцатого века был Французский каббалист и исследователь церемониальной магии Элифас Леви, чьи книги стали любимым чтением тех людей, которые все чаще называли себя оккультистами. Леви не был гностиком, или, по крайней мере, он не придерживался гностицизма открыто. В то же время, он привел практически весь спектр вопросов, ясно связанных с гностицизмом. Еврейский гностицизм Каббалы сейчас стал предметом ревностного интереса среди нееврейских оккультистов. Как раз на заре исследовательских работ Леви на этой сцене появилась величайшая фигура оккультного возрождения Елена Петровна Блаватская (или Е.П.Б., как ее называли друзья). Она зародила альтернативное духовное движение не только девятнадцатого века, но также и большей части двадцатого века.

Блаватская как гностик

Рожденная в России в 1831 году, Е.П. Блаватская внесла огромный вклад в возрождение Гностицизма, которое мы переживаем сегодня. Интересы этой выдающейся женщины были весьма широкими. Она назвала свою систему учений «Теософия», воскрешая древний термин, используемый неоплатоником Аммонием Саккасом. А где неоплатоники, там и гностики неподалеку. Блаватская имела глубокий интерес к гностицизму и написала объемные комментарии традиции (сборник написанного ей по поводу гностицизма издан занимает больше 270 страниц). Современный исследователь гностицизма, имеющий доступ к писаниям Наг-Хаммади, будет сильно впечатлен, если не совершенно очарован, невообразимым пониманием Блаватской гностицизма.

Блаватская не касается возрождения древнего гностицизма. Её система Теософии стремится к универсальности, где буддийский и индуистский эзотеризм соединяется с их аналогами в Западной альтернативной духовности. Большая часть её терминологии является производной от санскрита, как и её более популярные, практические концепции кармы и реинкарнации. К тому же, гностицизм занимает почетное место среди традиций, которые она пыталась синтезировать в своих книгах, в частности, в «Тайной Доктрине». Никто из тех, кто знаком и благосклонно настроен к собранию учений Блаватской, не может игнорировать гностицизм или дурно думать о нем.

Теософическая система Блаватской непременно несет некоторый отпечаток конца девятнадцатого века и его духа, также как Гностицизм имеет печать своего времени. Конец девятнадцатого века был, несомненно, периодом оптимистичного духа. Хотя так называемый миро-отрицающий гностический пессимизм всегда смягчается видом конечного оптимизма, который указывает на славное возвращение души к лучшей реальности, это было еще не слишком совместимо с оптимистичным, предприимчивым, прогрессивным тоном девятнадцатого века. Таким образом, Блаватская не уделяла большого внимания этой особенности Гностицизма, хотя она, безусловно, заявляла о своем согласии со многими гностическими учениями.

Рис.21. Елена Петровна Блаватская (1831 – 1891), рожденная в России путешественница, возродившая альтернативную духовную традицию на Западе.

Она во многом поддерживала гностицизм, которому посвятила почти три сотни страниц в своих работах. Блаватская была одним из основателей Теософического Общества в 1875 году.

Блаватская, несомненно, была истинным гностиком, когда пришла к гностической концепции Бога. В своих работах она яростно атакует условную концепцию монотеистического Бога и поддерживает веру в тотально трансцендентного и безличного Божества – сродни гностическому «*alethes theos*», или Истинному Богу. Гностическое представление, что Бог Ветхого Завета есть Демиург, подтверждается Блаватской. В некоторых утверждениях, она «превосходит» самих гностиков в своем гностицизме, например, когда утверждает, что Иегова есть Сатана! В другом месте она заявляет, что Вселенная была сотворена несовершенными духовными существами. Короче говоря, Блаватская всегда хорошо отзывалась о гностиках, и где можно благополучно сделать это, она смело утверждает свое согласие с гностическими учениями. На самом деле, в некоторых отношениях она учит о том, что может быть названо несколько тайным или неявным видом гностицизма. К.Г.Юнг говорил о том, что Теософия Блаватской, также как и Антропософия Рудольфа Штайнера (разновидность Теософии) были чистейшим гностицизмом в индуистских одеждах, содержащим огромные зерна истины.

Проницательное и сочувственное отношение Блаватской к гностикам долгое время подталкивало творческих и духовно-отважных людей в направлении гностицизма. Её преданный ученик, Д.Р.С. Мид, который был её личным секретарем и произнес речь на её похоронах в Брайтоне в 1891 году, под её вдохновляющей силой стал экспертом-переводчиком гностических, а также герметических писаний. Польза работ Мида с гностической точки зрения состоит в том, что он написал о гностиках, как друг, который знал их и понимал значение их писаний. Мид сделал гностицизм доступным для интеллектуальной общественности за пределами академических кругов, которые подготовили почву для нескольких волн гностического возрождения.

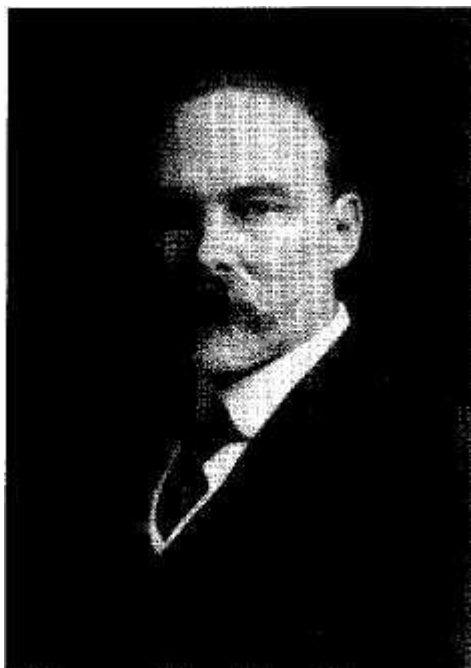

Рис.22. Д.Р.С. (Джордж Роберт Стоу) Мид, великий переводчик гностических писаний, чьи работы остались наиболее полными и доступными источниками гностических учений до публикации писаний Наг-Хаммади в 1977 году. Работа Мида высоко оценивалась многими исследователями гностицизма, включая К.Г.Юнга, который совершил специальное путешествие в Лондон для посещения Мида и поблагодарил его за вклад в гностическое возрождение.

К.Г.Юнг и его гностическая психология

Блаватская основала Теософическое Сообщество в 1875 году. Карл Густав Юнг, чья работа продвигала гностическое возрождение путем, несколько отличным от Блаватской, родился в этом же году. Юнг был одним из величайшей тройки психологов, которая включает Зигмунда Фрейда, Альфреда Адлера и его самого. Его вклад, однако, выходит за пределы психологической области и устремляется к таким дисциплинам, как мифология, культурная антропология, литература и исследование религии. Его углубление понимания и признания гностицизма, хотя и осознанное недавно, играет важнейшую роль.

С детства Юнг был жизненно заинтересован в религии. Его отец, протестантский священник, познакомил своего сына с христианством, но Юнг всегда был крайне неудовлетворен обычной христианской традицией. В конце концов, он обратился к гностическим писаниям, которые в конце девятнадцатого века были доступны в писаниях церковных отцов с их явной необъективностью. Похвально, что из этих отрывочных и зачастую враждебных писаний, Юнг смог развить достаточно точную картину того, что представлял собой гностицизм. Он также испытывал близкое, сочувственное чувство к гностикам. Как пишет ученица Юнга Барбара Ханна, он рассказывал ей, что при первой встрече с гностиками он почувствовал себя словно среди старых друзей.

Юнг стал психологом и коллегой Фрейда, первооткрывателя глубинной психологии. Даже в своей ранней переписке с Фрейдом Юнг часто ссылается на гностиков. К примеру, в письме Фрейду, датированном 12 августа 1912 года, он пишет, что чувствует, что гностическая концепция Софии почти повторно вошла в Западную мысль путем психоанализа. Его преданность гностической мысли нашла мало поддержки в мышлении Фрейда. На самом деле, можно считать, что Юнг пошел собственным путем и основал отличную от Фрейда психологическую школу под действием гностического вдохновения. Юнг пережил серию видений, в которых проявлялась духовная сущность с именем Филемон, которую он называл гностиком. Учение Филемона касательно значений символов, переданное Юнгу, было включено им в книгу, и это была книга, послужившая причиной крайнего недовольства Фрейда по отношению к Юнгу.

Рис.23. Карл Густав Юнг (1875 – 1961), один из главных основателей глубинной психологии, видевший гностиков как духовных предшественников своего собственного учения. Этот пожизненный, сочувственный интерес к гностицизму описан во всех его произведениях. Что касается его первого столкновения с гностической литературой, то по этому поводу он заметил: «Я ощутил, будто я наконец-то оказался в кругу друзей, которые понимают меня».

Довольно рано в своей карьере, вскоре после расставания с Фрейдом, Юнг стал автором своего рода гностического «евангелия». Подобно Валентинианским гностикам – которые, впрочем, были обречены на суровую критику со стороны Иринея за написание собственных евангелий – Юнг был вдохновлен на написание трактата в стиле древнего гностицизма. Юнг назвал его «*Septem Sermones ad Mortuos*» и описал его как «Семь наставлений мертвым, написанные Василидом в Александрии, городе, где Восток встречается с Западом». В работе «Воспоминания, сновидения, размышления» Юнг сам признает, что большинство из его психологических теорий и прозрений были представлены в зачаточной форме в «первоначальных фантазиях», содержащихся в этом тексте. Присутствие гностического вдохновения, стоящего за научной работой Юнга, таким образом, весьма очевидно (Хеллер «Гностический Юнг и Семь наставлений мертвым»).

Конечно, Юнг воскресил многое из древней Гностической Мудрости, и умело применил гностические концепции, мифы и образы в аналитической психологии. Итальянский ученый Джованни Филорамо в своей работе «История гностицизма» (14) кратко резюмировал связь Юнга и Гностицизма:

«Размышления Юнга длительное время были погружены в идеи древних Гностиков до такой степени, что он считал их фактическими первооткрывателями «глубинной психологии»... Так как она включает в себя онтологическое самоисследование, когнитивные техники, которые превосходят современный процесс индивидуации, то древний Гнозис, хотя и в форме универсальной религии, в некотором смысле служит ей прообразом, и в тоже время помогает прояснить характер Юнгианской духовной терапии»

Юнг неоднократно подвергался критике за свой интерес к Гностицизму. В «Затмение Бога» Мартин Бубер обвиняет Юнга в том, что он гностик, тем самым подразумевая, что он заслуживающий порицания еретик. В современности Ричард Нолл в своей чрезвычайно суровой критике Юнга использует его эзотерические и в особенности гностические интересы для доказательства того, что Юнг не был ни хорошим ученым, ни хорошим человеком. Религиозный ученый Роберт Сигал, в свою очередь, обвинил Юнга в «присвоении» гностицизма ненадлежащим образом посредством переворачивания цели гностических усилий с ног на голову. Гностики, по утверждению Сигала, были озабочены исключительно побегом из этого мира и, таким образом, психологическая теория Юнга о примирении противоположностей, интеграции Тени и подобное, не имеют связи с гностической мыслью.

Подобная критика по большей части опровергается собственными высказываниями Юнга и содержаниями Гностических Писаний. Юнг не присваивал гностицизм с намерением превратить его в психологию. Из писаний Юнга ясно видно, что он чувствовал, что в дополнение к каким-либо смыслам, изложенным в Гностицизме, он как психолог может отчетливо увидеть там психологические смыслы. Кроме того, писания Наг-Хаммади содержат множество ссылок к самопознанию и необходимости целостности, так что тезис о ненужности Юнгианской индивидуации в гностических проблемах теряет почву. Напротив, подключив свое воображение, можно представить себе Юнга как современного гностического учителя, который предлагает современные перспективы применительно к древним мифам и учениям, и который делает свой собственный значительный вклад в Гностицизм. В частности, миф, содержащийся в книге Юнга «Ответ Иову», расширяет и развивает гностические учения касательно Демиурга оригинальным и творческим путем.

Юнг был назван последним из гностиков. Этот вердикт намекает на то, что гностическая традиция подошла к концу. Тем не менее, хотя гностицизм был объявлен исчезнувшим множество раз, все эти заявления всегда оказывались преждевременными. И одним из людей, научивших нас этому, в действительности, и является сам Юнг.

Глава 12. Гностицизм Запада и Востока: настоящий гностик, пожалуйста, встаньте

В своем постскрипуме к переводу Марвина Майера «Евангелия от Фомы» Харольд Блум («Reading», 120) пишет: «Никто не станет учреждать гностическую церковь в Америке, я имею в виду явную гностическую церковь, которой освобождение от налогов не будет дарована в любом случае». Со всем почтением, позволю себе не согласиться. Гностические церкви существуют в Европе с конца девятнадцатого века, а в двадцатом веке они также появились в Америке.

На самом деле в гностической церкви нет ничего невероятного. Как мы видели, значительные гностические институты, с церковным помещением, таинствами, и линиями преемственности и власти, процветали во времена манихеев, богомилов и катаров, а также все еще существуют в мандейской вере. Обычные верующие могут посчитать их еретическими вражескими церквями, но это, конечно, уже другой вопрос. Несмотря на ряд уникальных особенностей, гностическая традиция может быть образована в виде некоей организации, и при благоприятных условиях нет никаких причин, этого не допускающих.

Возрождение гностической церкви

История современного церковного гностицизма вновь возвращает нас во Францию, где на протяжении многих веков различные гностические традиции сохранялись преимущественно в среде Римского Католицизма. Еще около 180 н.э. множество гностиков существовало в Галлии – римской провинции, ныне известной как Франция. Ириней, который был Епископом Лионским, горько жаловался на последователей Валентина в своей епархии. Франция, казалось бы, практически всегда имела с Католической Церковью отношения по принципу любовь-ненависть. Каждый раз, когда церковная власть над правительством ослабевала, гностические религиозные организации появлялись из укрытия, но только чтобы в конечном итоге быть снова подавленными другим влиятельным церковным руководством. Мы видели, как религия катаров возникла на тогдашней границе Франции, как тайный гнозис расцвел внутри Ордена Тамплиеров, этой якобы Католической организации. С восемнадцатого века масонские и другие посвятительные братства, многие из которых были посвящены в эзотерические, и даже гностические учения, сыграли важную роль в стране.

Именно в этой среде древняя гностическая традиция возродилась во Франции в конце девятнадцатого века. Жюль-Бенуа Дуанель дю Валь Мишель, ученый эзотерик, который был посвященным исследователем свидетельств катарской веры, имел мистическое переживание в 1890 году, которое даровало ему расширенные духовные возможности для восстановления гностической церкви прошлого. Это переживание произошло в прекрасной часовне, в резиденции Герцогини де Помар, графини Кейтнесса, в Париже. Эта выдающаяся дворянка была другом мадам Блаватской, а также ранним теософом и покровительницей эзотерических движений (из-за путаницы в общественных мыслях в связи с теософией и связанных со спиритизмом движений, существовало ошибочное мнение, что переживания Дуанеля произошли на спиритическом сеансе).

Жюль Дуанель собрал последователей и учредил «Eglise Cnostique», которая была организована по посвятительному принципу. Учения новой церкви были строго гностическими, и в память о Валентине, Дуанель принял на себя церковный титул патриарха Тау Валентина II. Его следующим прогрессивным шагом стало рукоположение женщин на пост священника и полномочия епископа. Он также возродил таинство «Consolamentum», напоминающее о катарах.

Новая Гностическая Церковь вскоре стала ассоциироваться с Орденом Мартинистов, реорганизованным ранее известным французским эзотериком Папюсом (доктором Жераром Анкоссом), который был посвящен в гностические епископы Дуанелем. Несколько позднее, один из приемников Дуанеля, Жан Брико, добился для Гностической Церкви признанной линии апостольского преемства, так как Дуанель обладал только духовным посвящением.

Учреждение Гностической Церкви со своим собственным духовенством, епархией, таинствами и апостольским преемством, стало благодеянием для множества французских эзотериков и масонов, которые были отлучены от Римской Католической Церкви. Эти люди могли теперь приобщиться к таинствам в традиционной манере на службах Гностической Церкви, которые часто проводились внутри масонских храмов. Таким образом, Гностическая Церковь стала известна как «церковь посвященных».

Рис. 24. Одежды духовенства Французской Гностической Церкви около 1890 года. На рисунках изображены мужчина-дьякон, епископ, священник и попадья Гностической Церкви, возрожденной епископом Дуанелем во Франции в конце девятнадцатого века.

К началу двадцатого века, гностические церкви существовали по Франции, Германии, Бельгии, Англии и других европейских странах. Гностическая Церковь проникла в Соединенные Штаты во второй половине того же столетия, как результат гаитянской иммиграции. Благодаря культурным связям с Францией, на Гаити уже некоторое время существовали гностические церкви. В настоящее время есть две гностические линии преемственности, действующие в Соединенных Штатах: французская и английская. Они состоят в дружественной связи друг с другом.

Гностицизм и восточные религии

Издавна известно о сходстве Гностицизма с некоторыми великими религиями Востока. Слово *gnosis* близко к санскритскому *jñāna*, что означает «знание» - в первую очередь, духовное знание. Одна из великих классических школ Йоги фактически называется *jñāna yoga*, что значит «путь к единению через знание». Посвящение в непосредственное знание духовных реальностей является стандартной практикой высших форм Йоги и, таким образом, хорошо известно в Индии. На самом деле, в этом отношении Гностицизм сильнее всего напоминает древнюю религию Индии, называемую западными людьми индуизмом.

Индуизм не столько религия, в том смысле, как это понимают на Западе, как семейство религий. Существует большое многообразие в этом семействе, и такое, что некоторые элементы с трудом напоминают другие. Таким образом, философский адвайтин, кажется, имеет мало чего общего с религиозным вайшнавом или магическим тантриком. И все же они разделяют общую традицию. Аналогично существует разнообразие гностических традиций.

Есть несколько особенностей, объединяющих гностицизм и индуизм. Одно из них – это учение о присутствии Божественного в человеческом духе. Атман идентичен Брахману, и это означает, что универсальная Божественность представлена в миниатюре внутри каждой личности. Аналогично, в гностицизме рпеута является искрой, возникшей из божественного пламени, и посредством познания рпеута, гностик автоматически познает духовный источник, из которого он произошел. И индуист и гностик будут солидарны в том, что познание собственных глубин равносильно познанию Бога.

Во-вторых, и гностицизм, и индуизм признают существование множества духовных существ в реальностях между конечным и материальным измерениями. Индуизм является первостепенной политеистической религией в нынешнем мире, тогда как гностицизм функционирует внутри монотеистической матрицы. Но гностицизм вряд ли можно назвать монотеистической религией безупречности и простоты. Кроме того, некоторые из Ведических существ Индуизма, такие как Индра и Праджапати, обладают качествами, сходными с гностическим Демиургом.

В-третьих, индуистские учения много говорят о том, что является собой двойственность (двайта) и недвойственность (адвайта). Хотя гностицизм часто называют дуалистическим, его видение этих двух категорий, на самом деле, сопоставимо с индуистским. Таким образом, в реальности того, что в Индуизме называется *майя* (иллюзорная манифестация), преобладает двойственность, и происходит борьба света и тьмы, тогда как на плане конечной реальности существует полнота бытия, которая сопоставима с гностической Плеромой.

Гностицизм также имеет сходства с буддизмом, другой великой религией Востока. Прежде всего, высшая цель буддизма идентична с конечной задачей гностицизма – это освобождение, означающее свободу от телесного существования и, в силу этого, от всех будущих страданий (идеал бодхисатвы и другие многообразные учения являются только разработками этого простого учения). Следующий перечень точек соприкосновения между гностицизмом и буддизмом (особенно буддизмом Махаяны) основан на утверждениях покойного известного Буддийского ученого, Эдварда Конзе:

- Спасение достигает через гнозис (*jnana*). Озарение в зависимом порождении проявленного существования есть то, что освобождает.
- Неведение есть истинный корень зла. В Гностицизме это называется *agnosis*, а в Буддизме *avidya*.
- И Гностическое и Буддийское знание приходит не обычными способами, но как результат внутреннего откровения.
- Существуют различные уровни духовного достижения, начиная с состояния глупого материалиста (гилика) и заканчивая озаренным святым (пневматик).
- И в Гностицизме и в Буддизме, женский принцип мудрости (София и Праджня соответственно) играет важную роль. Конзе цитирует *Хеваджра-Тантру*: «Праджа

называется матерью, потому что она дает рождение миру». Есть и другие буддийские божества, которые могут быть близки к Софии – такие как Тара и Гуань Инь.

- И гностицизм, и буддизм отдают предпочтение мифам, а не данным. Христос, как и Будда, предстают как архетипические существа, а не просто исторические фигуры.

- Тенденция к антиноминализму (игнорированию правил и заповедей) присуща обеим системам. Хотя на низших ступенях духовной лестницы правила поведения считаются важными и даже решающими, в высших духовных состояниях важность этих правил становится относительной.

- Обе системы презрительно относятся к легкой популярности и ориентируют свои учения на духовную элиту. Скрытые значения и тайные учения распространены в обеих традициях.

- И гностицизм, и буддизм метафизически монистичны, что означает их стремление к преодолению многообразия проявленных вещей и достижению условий окончательного единения.

Все эти сходства могут быть особенно интересны в связи с нынешней популярностью Тибетской (Варджаяна) формы Буддизма Махаяны на Западе.

Сложность определения Гностицизма

Гностицизму всегда было трудно дать определение, в основном из-за того, что он является системой, основанной на переживаниях неординарных состояний сознания и часто ими корректируемой, и, таким образом, она чужда богословской строгости. Большинство ученых, изучающих гностицизм, были людьми религии, и они, понятное дело, расценивали этот предмет посредством стандартов их собственной системы верований. Но гностицизм никогда не был религиозной конструкцией, которая могла бы сопоставляться с западной, особенно христианской, теологией. Он всегда был птицей иного полета - или, пожалуй, отличной формой жизни вообще.

Сегодня мы имеем множество своеобразных определений гностицизма, сосуществующих с несколькими весьма корректными. Одно частное мнение (Майкл Уильямс, «Переосмысление гностицизма») даже предполагает, что ввиду гностического разнообразия, в реальности нет никакого гностицизма! Однако большее беспокойство вызывает разнообразие современных интерпретаций гностицизма, что способствует путанице определений, в которой растворяются вся ясность и весь смысл. Покойный Иоанн Цилиани (который был одним из наиболее перспективных ученых в этой области) писал в европейской публикации:

«Когда-то я верил, что Гностицизм представляет собой четко-определенный феномен, принадлежащий к религиозной истории Поздней Античности. Конечно, я был готов согласиться с идеей о различных продолжениях античного Гностицизма, и даже что из спонтанного формирования взглядов на мир, в различных времена, отличительные гностические черты проявлялись снова.

Однако вскоре я понял, что был, на самом деле, наивен. Не только Гнозис был гностическим, но католические авторы также были гностическими и Неоплатоники тоже, Реформация была гностической, Коммунизм был гностическим, Нацизм был гностическим, либерализм, экзистенциализм и психоанализ тоже были гностическими, современная биология гностична, Блейк, Кафка, Йейтс были гностиками... Я также познал, что наука является

гностической и суеверия тоже... Гегель – гностик, Маркс – гностик. Все вещи и их противоположности в равной степени гностичны» (Jacob Taubes, ed., «Gnosis und Politik» 290)

Одно важное обстоятельство, связанное с этим заявлением, сильно упускается из виду в Америке. В Европе термины «гнозис» и «гностицизм» почти всегда используются как синонимы. Предположение о том, что термин «гнозис» должен описывать состояние сознания, а «гностицизм» указывать на гностическую систему, никогда не возникало. Использование классического определения Гностицизма сохраняется в европейской литературе, включая работы современных ученых, таких как Жиль Киспель, Курт Рудольф и Джованни Филорамо. Покойный Роберт МакЛахлан выдвинул предложение делать различие между этими терминами, но нынешнее словоупотребление в Европе осталось прежним. Слово, используемое в таких противоречивых случаях, может потерять свой смысл. Неудивительно, что проницательный писатель Чарльз Коломб выразил свое отчаяние по поводу этой ситуации:

«В реальности, «гностицизм», как и «протестантизм» - это слово, которое потеряло большую часть своего смысла. Как мы нуждаемся в точности относительно того, кем именно был «протестантский» автор – кальвинистом, лютеранином, анабаптистом или кем-то еще, - та же определенность требуется нам в отношении «гностиков» (New Oxford Review, 1991, 28-29)

Политическая путаница, традиционалистские фантазии и академические неясности

Одно из самых запутанных мнений о гностицизме пришло из области политической науки. В своих лекциях для фонда Уолгрин в Чикагском Университете в 1951 году, ученый-эмигрант Эрик Вогелин встал на защиту того, что он называл «классической и христианской традицией», и против того, что он воспринимал как «рост гностицизма». Он продолжил этот начальный залп в нескольких книгах («The New Science of Politics», многотомной «Order and History», и «Science, Politics, and Gnosticism») и стал пророком новой теории истории, в которой гностицизм играл скверную роль. По словам Вогелина, все современные тоталитарные идеологии в некотором смысле духовно связаны с гностицизмом. Марксисты, нацисты и все остальные, кого славный профессор нашел достойными порицания, на самом деле являются гностиками, вовлеченные в «воплощение эсхатона» посредством преобразования общества в рай на земле. Так как гностики не признавали обычный христианский эсхатон рая и ада, Вогелин заключает, что они должны были быть вовлечены в миллениаристский переворот земного существования. В тоже время, Вогелин признает, что гностики считали земную реальность безысходно дефектной. Можно только гадать, как такая реальность может быть преобразована в условиях земной Утопии. То, что предполагаемые гностики Вогелина ничего не знают об историческом гностицизме и ему не симпатизируют, несколько не тревожит автора. Они гностики, и все тут.

Путаница, созданная Вогелином, только усугубилась благодаря многочисленным консервативным политическим мыслителям, большая часть которых была связана с католицизмом. Томас Молнар, Тило Шаберт и Стиван МакНайт были последователями теорий Вогелина, несмотря на очевидные противоречия. С точки зрения Молнара, гностики несут ответственность не только за весь современный утопизм, но также за современную чрезмерную людскую привязанность к науке и технике. Научный мир, говорят эти люди, по сути гностическое мировоззрение, из-за которого людей считают за машин, а общества превратились в механистические коллективы.

Политизированный взгляд на Гностицизм продолжает иметь своих приверженцев, хотя они все чаще набираются из рядов фанатичных экстремистов. Гностики по-прежнему предстают как опасные подрывные элементы в желтой прессе и запутанных конспирологических памфлетах, «разоблачающих» масонов, сатанистов и прочих вредителей. Между тем, уважаемые консервативные мыслители отбросили гностическую проблему. Некоторые, подобно ученому и бывшему американскому сенатору С.И. Хаякава, подвергли Вогелина и его теории жесткой критике и насмешке.

Другие мнения, которые вызывают путаницу, принадлежат писателям, стремящимся доказать, что внутри имеющегося множества религий существуют тайные традиции гнозиса, которые не тождественны «еретическому» гностицизму ранних христианских веков. Олдос Хаксли в своей работе «Вечная философия», выпущенной в 1947 году, пропагандирует вид гнозиса, который является, в сущности, тайным, отведенным для элиты, обнаруженным на рассвете истории и переданным через различные религиозные традиции, где он по-прежнему присутствует, несмотря на его якобы несовместимость с официальными догмами этих традиций. Точка зрения Хаксли почти соответствует более радикальной позиции, разделяемой традиционалистами, такими как Рене Генон и Фритьоф Шуон (той частью биографии Генона, которую его последователи, как правило, склонны скрывать, является период, когда он был епископом в Гностической Церкви Франции, а также видным масоном и эзотериком. Он повернулся спиной не только к гностицизму, но также и к христианству, когда обратился в суннитский ислам).

Хаксли никогда не осуждал никого, кто называл себя гностиком. Остается только пожелать, чтобы подобное можно было бы сказать и о традиционалистами. Последователи Генона часто жестко критиковали ранних гностических учителей в манере, напоминающей древних полемистов подобных Иринее. Традиционалистское разделение ранних гностиков на «ложных» и «подлинных» отражает критерии, которые нереальны, если вообще не своевольны. Современные исследования показывают, что в течение первых трех или четырех столетий после Рождества Христова, еще не существовало никакой подлинной ортодоксии и, таким образом, также не было и ереси. Вместо этого, многие религиозные учения, включая гностицизм, процветали бок обок. Конечно, существовали разногласия, но произвольное экстраполирование критериев ложности и достоверности из этих полемик не представляется оправданным.

Редакция 1988 года библиотеки текстов Наг-Хаммади содержит длинное послесловие, озаглавленное «Современная обоснованность гностицизма». Его автор, Ричард Смит, делает обзор множественных изменений западной культуры, которые проявляют связь с гностицизмом. Мы могли бы надеяться, что именно здесь, наконец-то, нам удалось бы отыскать правильное определение гностицизма и перечень современных писателей и мыслителей, которых можно рассматривать как его представителей. К сожалению, это не так.

Смит перечисляет множество важных фигур восемнадцатого века и далее, которые сочувствовали Гностицизму. Однако, он, кажется, предполагает, что мало у кого из этих мыслителей было адекватное понимание гностицизма, и поэтому они скорее злоупотребляли этим термином. Смит обвиняет историка восемнадцатого века, Эдварда Гиббона, к примеру, в «злонамеренной лжи» из-за ссылки на гностиков в лестных терминах (очевидно, что Гиббон не был согласен с презрением, которым гностицизм одаряли церковные отцы, но разве это делает его лжецом?). И гностические, и манихейские симпатии Вольтера представлены как мотивированные исключительно его противостоянием церковной власти. Но, может быть, великий философ имел и другие причины для своих взглядов? Хорошо известно, что Вольтер был ярким масоном; он мог почерпнуть подходящую информацию о

гностиках из эзотерических течений тайных братств его времени. Может быть, он был причастен к знаниям, неизвестным Смит. В том же ключе, Смит предполагает, что Юнг присвоил гностицизм, превратив его в психологическую теорию: «Юнг взял дуалистический миф целиком и поместил его внутрь психики», пишет Смит.

Подобные обвинения критикуются в первой главе. Как ни странно, среди критики, направленной против Вольтера, Юнга и других, Смит не предоставляет нам то, что он считает подлинным определением гностицизма. Гиббон неправ, Вольтер и Юнг неправы, но кто же тогда прав? Мы не находим ответа на этот вопрос.

К счастью, существует также множество информированных и справедливых мнений о гностицизме среди писателей. Итальянский ученый Джованни Филорамо в «Истории гностицизма» обращает внимание на тот факт, что писания Наг-Хаммади были положительно восприняты широкой общественностью, в частности потому, что «определенные области культурной панорамы продемонстрировали склонность и определенную чувствительность к текстам, рассматривающим феномен, который они и сами некоторым образом помогали сохранить».

Одним из людей, сохранивших жизнь гностицизму, был близкий товарищ Юнга, гностический исследователь Жиль Киспель, который долго и упорно работал над связью между древним валентинианским гнозисом и другими учителями современного гнозиса современной аналитической психологии. Он видел, что гностические усилия были направлены на постижение онтологической самости, идеально в этом соответствуя глубинной психологии. Основная работа Киспеля по этой теме называется «Gnosis als Weltreligion» (1972), и в ней детально объясняется взаимосвязь юнгианской модели с гностическими учениями. Киспель, подобно самому Юнгу, не сводит гностические учения к глубинной психологии, но скорее указывает на глубинную психологию как на ключ к пониманию гностицизма.

Другой ключевой фигурой в переоценке античного гностицизма является Ганс Йонас. Будучи учеником философа-экзистенциалиста Мартина Хайдеггера в 1930-е годы, Йонас обратил свое внимание на мудрость гностиков и увидел в них древнее родство с экзистенциалистской философией. Экзистенциалистский пессимизм земного существования и его высокая оценка опыта в противовес теориям, таким образом, нашли своего предка и аналога. Несмотря на критику гностического «нигилизма», Йонас был одной из наиболее значимых фигур, наряду с Юнгом, привнесших гностические учения в современные перспективы. Его книга «Гностическая религия» остается одной из классических работ в этой области.

Связь, осуществляемая Киспелем и Йонасом между гностицизмом прошлого и живой философией настоящего, имела критическую важность и вплотную подошла к тому, чтобы обеспечить гнозис и Гностицизм жизненно-необходимыми определениями. Вопросы, которые ставили древние гностики (и на которые давали ответы), оказались вовсе не нелепыми и странными, скорее это были ранние рассуждения на темы, которые в нашей современности поднимали Фрейд, Юнг, Кьеркегор, Хайдеггер и многие другие.

В поисках определения

Поиск определений никогда не был легок, особенно в области социальных наук. В этих дисциплинах большое внимание должно быть уделено тому историческому контексту, в котором развивались убеждения и деятельность. Решающие различия и сходства в нюансах, тоне и тонкостях настроения представляются более важными, чем суровые и жесткие

определения. Дискуссии о гностицизме, казалось бы, включают в себя такие тонкости, и вполне возможно, что не так-то много может быть решено посредством определения. Тем не менее, существующий хаос вокруг определений гностицизма служит основанием для попытки сделать это.

Для понимания гностицизма, пишет Ганс Йонас, необходимо иметь нечто подобное музыкальному слуху. Этот вид внутренней чувствительности действительно является более важным, чем любой набор определений. Тем не менее, природа мыслящего ума требует определений, а когда их нет, появляется тревожность. Настоящий гнозис, конечно же, не имеет отношения к ним. Осмыслить задачу можно только тогда, когда воздействие гностического опыта угасает. Великий переводчик Д.Р.С. Мид очень хорошо выразил это, когда написал: «Просветленная душа, покидающая свою тюрьму, чтобы погрузиться в свет бесконечности, может вспомнить проблески Видения Славы, только когда снова вернется на землю» («*Simon Magus*», 49). Следующее краткое изложение гностических представлений следует рассматривать как сборник таких «проблесков Видения Славы», а не как перечень религиозных догматов в обычном смысле:

1. Существует первоначальное и трансцендентное духовное единство, из которого исходит бесконечная манифестация множественности.
2. Проявленная вселенная материи и разума создана не первоначальным единством, но духовными существами, владеющими низшими силами.
3. Одной из целей этих создателей является вечное отделение человека от единства (Бога).
4. Человек состоит из смешанных элементов: внешний его аспект – творение рук низших создателей, тогда как высший аспект есть падшая искра конечного божественного единства.
5. Искры трансцендентной святости спят в своих материальных и ментальных тюрьмах, их самосознание притуплено силами материи и ума.
6. Дремлющие искры не были оставлены конечным единством; наоборот, к их пробуждению и освобождению, прилагаются постоянные усилия, исходящие из этого единства.
7. Пробуждение сокровенной божественной сущности в человеке происходит через спасительное знание, называемое «гнозис».
8. Гнозис не обретается благодаря вере, или выполнению добродетельных поступков, или послушанию заповедям. Все это в лучшем случае служит лишь подготовкой для получения освободительного знания.
9. Среди тех, кто осуществляет пособничество дремлющим искрам, особо почетную и важную позицию занимает женская эманация единства, София (Мудрость). Она принимала участие в сотворении мира и с тех пор остается проводником сирот человеческих.
10. С древнейших времен истории посланники Света отправляются из конечного единства с целью продвижения гнозиса в людских душах.
11. Величайшим из этих посланников в нашей исторической и географической матрице был нисходящий Логос Божий, проявленный в Иисусе Христе.

12. Иисус осуществлял двойное служение: он был учителем, сообщая инструкции касательно пути гнозиса, а также иерофантом, передающим мистерии.
13. Мистерии, дарованные Иисусом (которые также известны как таинства) являются могучими средствами постижения гнозиса и были возложены им на его апостолов и их преемников.
14. Через духовную практику мистерий (таинств), а также неустанное и стойкое стремление к гнозису люди постепенно могут продвигаться к освобождению от всех ограничений, материальных и других. Конечной целью этого процесса освобождения является достижение спасительного знания и, вместе с этим, свободы от воплощенного существования, а также возвращение в конечное единство.

Знаменитый социолог Макс Вебер писал в *«Протестантской этике и духе капитализма»*, что «идеальное концептуальное определение не может появиться в начале, оно не должно появиться до конца исследования». Поэтому уместно, что мы рассматриваем это определение близко к окончанию нашего исследования. Претендуют ли эти положения на то, чтобы быть «совершенным концептуальным определением» Вебера, остается вопросом. Тем не менее, в целом, они исторически более верны и терминологически точнее, чем может предложить большинство современной литературы, академической или широкодоступной. Здесь была предпринята попытка избежать таких различий, как «ортодоксальный гнозис» и «апостольский гнозис», а также категорий вроде «ложные гностики» и «подлинные гностики». Подобные разделения возникают на основе ортодоксии и не имеют никакого отношения к гнозису или гностицизму.

Безусловно, что четырнадцать пунктов, представленные здесь, были частью гностической традиции и признавались гностиками в тот или иной момент времени. По крайней мере, первые десять из них можно считать вполне авторитетными, даже в нехристианском гностическом смысле, и, таким образом, исключение любого из них из мировоззрения человека может дисквалифицировать его как гностика. Гностикам, предпринявшим попытку понять себя, следует согласиться с большинством из этих принципов, но будет ли их интерпретация буквальной, психологической, философской или другой – это следует решить индивидуально.

Во всяком случае, нам больше не придется пользоваться цитатой «Алисы в Зазеркалье» (глава 6) в отношении определения Гностицизма:

- Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше, - сказал Шалтай презрительно.

- Вопрос в том, подчинится ли оно вам, - сказала Алиса.

Глава 13. Гностическая литература: миф, истина и повествование

Религия всегда была источником творчества и воображения. Психологические и/или метафизические силы, которым приписывается религиозный опыт и откровения, тесно взаимосвязаны с источником поэзии, драмы и других форм светской литературы. Христианская Библия часто вдохновляла искусство, но в то же время христианская ортодоксия с её настойчивостью на буквальности и фактичности священных писаний, служит помехой религиозным связям и художественному творчеству.

События, во многом сдерживающие поэтическое творчество внутри Христианства были в значительной степени связаны с подавлением гностицизма. Гностики в своих литературных произведениях были практиками символизма, аллегории, метафоры, мифа и творческой многозначительности *par excellence*. Как отмечалось ранее, эти работы чаще всего появлялись в результате необычных состояний сознания, переживаемых гностическими мудрецами. Многие исследователи отмечали, что опыт, накопленный в этих состояниях, сходен с мифом, поэзией и символом. Напротив, с точки зрения ортодоксального христианства, которая более прозаична, хороший христианин должен доверять догматам, а также соблюдать заповеди, и не более того. Сложные литературные приемы, используемые гностиками, не подходили ортодоксальным целям - никакой художественной литературы. Примечательно, что протестантские реформаторы превзошли ранних ортодоксальных церковных отцов в этой связи. Они вырезали наиболее поэтичные отрывки из Библии и объявляли их апокрифическими (Лютер даже хотел удалить Книгу Откровения из Библии из-за её символического и фантастического характера).

Мифы и метафоры, конечно, присутствовали в языческой литературе Греции и Рима (соответственно, враждебное отношение многих ортодоксальных христиан к мифам по большей части происходит из-за их неприятия языческого мышления). Тем не менее, несмотря на их великолепие, мифологической литературе Гомера чего-то не достает из того, что присутствует в гностических писаниях. Джулиан Джеймс отмечает, что многочисленной мифологической литературе древних греков не хватает субъективного сознания и саморефлексии. Карл Кереньи - пожалуй, один из самых проникательных современных ученых-мифологов, утверждал, что мифы неоплатоников и гностиков гораздо ближе к мистическому опыту (из которого они и проистекают), чем мифы Гомера (*«Essays on a Science of Mythology»*). Эти утверждения показывают нам, что не все мифы эквивалентны: некоторые несут большее откровение, нежели другие.

Кроме того, в своей мистической подлинности гностическая литература привносит определенные темы в западную мысль. Некоторыми из них являются человеческая осиротелость, тоска по дому, отчужденность, заточение внутри тиранической космической системы, и возможность полной свободы – не только от политического, экономического или идеологического угнетения, но и от человеческого экзистенциального состояния вообще. Как только эти темы появились в Западной мысли и литературе, они стали неотъемлемой частью её наследия, чтобы никогда более не быть преданными забвению.

Крохи с гностического стола

«Гнозис, согласно его врагам» - такое заглавие Д.Р.С.Мид дал писаниям церковных отцов-ересиологов о Гностицизме (во *«Fragments of the Faith Forgotten»*). Эти сочинения бросают читателю множество вызовов, главным образом раздражающих. Тем не менее, многие века это была единственная литература, связанная с гностицизмом. Трое писателей были особо известны своими яростными анти-гностическими взглядами: Ириней Лионский, Ипполит Римский и Епифаний из Саламиса. Все они были возведены в ранг святых, а их работы никогда не были свободны ото лжи и богословского гнева. Их сочинения следует читать со скептической осторожностью, особенно когда их полемическое намерение становится очевидным.

С другой стороны, эти работы являются ценными из-за цитат и краткого изложения гностических учений. Существует относительно мало сомнений по поводу точности этих цитат и краткого изложения. В тоже время, нам следует помнить, что это записано общепризнанными противниками гностицизма. Трудно доверять честности писателей, которые открыто считают предмет рассмотрения неправильным и лживым, порожденным

Сатаной. Двое других писателей гораздо более благородны, и, по сути, довольно близки к гностикам в некоторых мыслях – это Климент Александрийский и Ориген Александрийский. Климент, например, часто использовал слово «гнозис» и рассматривал его как подход к религии, который превосходит простую веру.

К другой категории литературы принадлежат так называемые Деяния Апостолов, большинство из которых, вероятно, написаны гностическими авторами, особенно Левкием Харием, о чем шла речь в восьмой главе. Эти книги пользовались большой популярностью на всем протяжении ранних Христианских веков и вряд ли могли рассматриваться как совершенная ересь. Наиболее важными с гностической точки зрения являются «Деяния Иоанна» и «Деяния Фомы», так как гностический элемент в них все-таки весьма очевиден.

Одним из лучших примеров гностической символической аллегории является отрывок из «Деяния Фомы», называемый «Гимн Жемчужине» (или «Гимн Одежания Славы»). Это поэтическое повествование от первого лица, говорят, было сочинено апостолом Фомой. Поэма была мастерски переведена Мидом, а также доступна в других переводах. Эта поэма описывает в аллегорической форме мономиф Гностицизма: путешествие человеческого духа из Полноты в воплощение на земле и обратное возвращение в Полноту. Произведение в некотором смысле напоминает историю блудного сына, хотя его стиль более поэтичный, а содержание более архетипическое. Смыслы кажутся многоуровневыми, что позволяет людям с различным уровнем постижения гнозиса получать пользу от чтения. Главный герой подходит под категорию, которую некоторые современные мифологи называют «искупленный искупитель», ибо он приходит на эту землю для освобождения и извлечения жемчужины (очевидный символ Сокровища Гностического Света – возможно, божественной искры в земном заточении), и в своей попытке он становится жертвой забвения и отчуждения от себя. Пробужденный посланием Полноты, он приступает к своей искупительной работе и, в конечном итоге, возвращается в обитель своих небесных родителей.

«Деяния Иоанна» содержит несколько замечательных глав, посвященных деяниям Иисуса незадолго до его распятия, а также самому распятию. Часть, часто переводимая как «Гимн Иисусу», особенно увлекательна. Этот гимн, несомненно, является поэмой гностического характера, и, как это уже отмечалось в седьмой главе, он поется Иисусом и апостолами, когда они исполняли мистический танец в Чистый Четверг. Священные танцы очевидно не являются христианским ритуалом, и ортодоксальному уму идея танца Иисуса может показаться кощунственной даже сегодня. Эфиопская Коптская Церковь, однако, включила священный танец в свою Евхаристию. Как знать, не остаток ли это гностической коптской практики, похожей на описанную в «Гимне Иисусу»?

Начиная с конца восемнадцатого века, три коллекции оригинальных гностических писаний появились в различных учреждениях Англии и Европы. Как им удавалось оставаться скрытыми в течение приблизительно шестнадцати столетий, а затем вдруг проявиться – это одна из исторических загадок. В 1784 году среди владений британского врача Аскью была обнаружена архаичная книга из 346-ти страниц. Она была приобретена Британским Музеем и именовалась Кодексом Аскью. Его содержание было написано на сахидском диалекте коптского, что могло указывать на то, что оно пришло из Верхнего Египта, где в двадцатом веке были обнаружены важнейшие писания Наг-Хаммади. Главный текст Кодекса Аскью, «Пистис София», рассказывает историю гностического женского персонажа. Рассказчиком является сам Иисус. На сегодняшний день эта история является нашим главным источником истории падения и искупления Софии (смотрите четвертую главу).

Кодекс медленно переводился или комментировался, но в конце девятнадцатого века он привлек внимание Мида, который подготовил первый перевод «Пистис София» в изящной английской прозе. Доблестная мадам Блаватская, наставница Мида, предложила ему эту задачу, и незадолго до смерти написала некоторые комментарии к этому тексту, включая поясняющие диаграммы, которые иллюстрировали содержание. Перевод Мида остается наиболее общедоступной и проникательно выполненной работой, которую с восхищением комментировали многие, в том числе и Юнг.

Также большой интерес представляет Кодекс Брюса, обладающий более сложным содержанием, который был обнаружен на Ближнем Востоке шотландским путешественником Джеймсом Брюсом и сдан на хранение в Бодлеанскую библиотеку в Оксфорде. Эта книга состоит из двух частей: первой и большей – «Гнозис Незримого Бога или Книги Иеу», и второй меньшей – «Безымянный Апокалипсис». Как отмечалось в седьмой главе, составитель рассказывает о фантастических путешествиях, в которых Иисус берет с собой учеников в духовные миры и дарует им духовные посвящения. Текст наполнен схемами и магическими сигилами, сопровождаемыми словесными формулами, которые либо представлены на незнакомом языке, либо являются примерами «глоссолалии» (говорение на языках). Трактат оказался загадочным для ранних ученых и временами насмешливо назывался магическим. К счастью, последнее время ему уделяется более позитивное внимание. Однако, к сожалению, ни в одной из английских редакций перевода репродукция изначальных изображений не является точной.

«Безымянный Апокалипсис» переводился и комментировался учеными чаще, чем «Книги Иеу». Этот трактат, который также называют «Гнозисом Света», является мистическим произведением возвышенного величия и красоты, описывающий поэтапное раскрытие проявления Божественности, а также миссию искры божественного Света в мире.

Третьим из тройки гностических Кодексов, которые всплыли на поверхность в девятнадцатом веке, является Берлинский Кодекс, также известный, из-за своего первоначального местонахождения в Египте как Ахмимский Кодекс. Хотя знаменитый немецкий ученый Карл Шмидт подготовил перевод отрывков из этого кодекса, их содержимое не было опубликовано в течение длительного времени. Кодекс состоит из трех трактатов, наиболее известным из которых является «Евангелие от Марии», касающийся описания мистических действий и учений Иисуса в пересказе Марии Магдалины. Этот трактат был опубликован на английском языке в последней части «*The Nag Hammadi Library in English*» и, таким образом, стал широкодоступным. Это одно из главных гностических произведений, связанных с Марией Магдалиной; его мистический тон и любопытный, местами сексуальный символизм должен был сделать эту работу интересной для современных исследований и комментариев. Другие трактаты, «Деяния Петра» и «Мудрость Иисуса Христа» (как его когда-то называли) также нуждаются в дальнейшем изучении.

Появление оригинальных гностических писаний преобразовало и академические гностические исследования, и популярный интерес к иностицизму в конце девятнадцатого века и первой половине двадцатого. «Пистис София», в частности, произвела сенсацию в кругах эзотерической духовности. Возникающее гностическое возрождение того периода было бы немыслимо, если бы не эти открытия. С начала двадцатого века, гностицизм был, по крайней мере, время от времени, объектом умеренных общественных интересов. Новеллы, поэмы, а также, в частности теософическая и другая эзотерическая литература, содержали все больше и больше ссылок на гностицизм. Эзотерические учителя, такие как Рудольф Штайнер, Георгий Гурджиев и П.Д. Успенский, находили полезной гностическую мысль. Мир стал готов к основному вторжению гностической мудрости, которое произошло на

переломе века в форме важнейшего за все время открытия гностических писаний: библиотеки Наг-Хаммади.

Новый свет из древней пещеры: писания Наг-Хаммади

До конца Второй Мировой Войны все доступные гностические тексты были ограничены обзорами и рецензиями отцов церкви, упомянутых ранее, и тремя оригинальными гностическими текстами, о которых мы только что говорили. Только благодаря им многие проницательные исследователи гностической традиции, включая Мида и Юнга, смогли сформировать достаточно точную картину гностицизма на основе столь скудных свидетельств. Дополняя это чтение своим собственным гнозисом, многих из этих современных гностиков поняли значение таких запутанных текстов очень хорошо. Это доказывает, что для понимания гностического текста читатель должен быть гностиком. Как бы то ни было, писатели подобные Миду и Юнгу, писали о Гностицизме изнутри себя, и это объясняет их замечательное понимание этого предмета.

1945-й год принес поразительные события, которые изменили взгляд на гностические исследования навсегда. В декабре этого года арабский крестьянин обнаружил глиняный сосуд с писаниями во время земляных удобрительных работ в долине Верхнего Египта. Точное место находки остается предметом спекуляций. Некоторые подозревают, что в действительности открытие было сделано в одной из множества пещер, обнаруженных в горной цепи, которая смотрит сверху на долину Наг-Хаммади, ибо в этой местности основатель христианского монашества, преподобный Пахомий Коптский, учредил свою большую монашескую общину. Весьма вероятно, что тринадцать папирусных кодексов, которые составляют то, что было названо библиотекой Наг-Хаммади, являлись немного неортодоксальным материалом для чтения монахов этого монастыря. Когда в четвертом веке волна религиозных преследований прокатилась по Египту, встревоженные монахи, возможно, решили захоронить свои еретические книги. Вряд ли они могли догадываться, что их библиотека не будет обнаружена в течение шестнадцати сотен лет.

Спустя годы после открытия, обнаружитель заявил, что некоторое время он опасался открывать большой глиняный сосуд, опасаясь, что там содержится *zjinn* (дух). Когда он в конце концов разбил красную банку молотком, облако золотой пыли поднялось и рассеялось в пустынном воздухе. Возможно, некий «джинн» и в самом деле вышел из бутылки и в грядущие годы вызовет странные события.

Многие академические и политические споры сопровождали перевод и публикацию библиотеки Наг-Хаммади. Политические потрясения в Египте привели к высылке западных ученых, и находка томила в мраке неизвестности. Один кодекс – содержащий среди других трактатов «Евангелие Истины», автором которого, возможно, был Валентин – был тайно вывезен из Египта и обнаружен в книжной лавке юнгианским специалистом по гностицизму, Киспелем. Друзья Юнга добились доступной цены и подарили его Юнгу на восьмидесятилетие. Пожилой гностический мастер Цюриха, весьма тронутый подарком, был очень заинтересован в переводе и публикации оставшейся части библиотеки.

Настоящий автор был обвинен в преувеличении роли Юнга в публикации библиотеки Наг-Хаммади. Дело в том, что в то время как практический проект по спасению находки и перевода её текстов был в основном работой доктора Джеймса Робинсона из Института Античности и Христианства в Клермонте, штат Калифорния, энергичный интерес Юнга к гностическим документам способствовал публикации психологически. Подтверждение Юнгом важности этих писаний способствовало широко распространенному положительному

ответу по поводу публикации проекта. Влияние кого-либо, подобного фигуре Юнга, который знал Гностицизм изнутри, не может быть преувеличено.

Библиотека Наг-Хаммади являет собой именно то, что заявляет её название: библиотеку. Это не каноническая коллекция священных текстов, но библиотека, содержащая разнообразные материалы гностического характера. Некоторые трактаты содержат писания, которые, строго говоря, не являются гностическими – к примеру, *Зостриа*, отрывок из «Республики» Платона, и замечательное герметическое повествование – «Рассуждения о восьмерке и девятке». Остальной немаловажный материал может быть классифицирован по шести разделам. Первый из них касается творческой и искупительной мифологии, объясняя сотворение мира, Адама и Евы, и снисхождение искупительного Логоса как Иисуса. Многие из отрывков, процитированных в третьей главе, предоставлены из этого источника. Второй раздел содержит комментарии и замечания на различные гностические темы, такие как природа души, духовное спасение, и взаимоотношение души с миром. Наиболее примечательным из этих трактатов является «Евангелие Истины», содержащееся в Кодексе Юнга, который состоит из красивых рассуждений о миссии спасителя и его духовного послания. Третий раздел содержит литургические и посвятельные тексты, из которых «Рассуждения о восьмерке и девятке» является самым пленительным. Четвертый раздел содержит писания о божественной женственности, в частности, Софии. Пятый раздел включает в себя тексты о некоторых апостолах. И шестой содержит высказывания Иисуса, а также различные эпизоды из его жизни.

Есть только четыре писания в Библиотеке Наг-Хаммади, которые озаглавлены как «евангелия»: Евангелие от Фомы, Евангелие от Филиппа, Евангелие Истины и Евангелие Египтян. Из них, конечно же, «Евангелие от Фомы» является самым доступным и, следовательно, самым популярным. В отличие от четырех канонических Евангелий, это не есть описание жизни Иисуса. Скорее, это сборник высказываний Иисуса. Некоторые из них практически идентичны тем, которые можно обнаружить в четырех канонических источниках, тогда как многие другие отчетливо гностического характера. Непременно гностическое замечание поражает во вступительных высказываниях:

Это тайные слова, которые сказал Иисус живой и которые записал Дидим Иуда Фома. И он сказал: Тот, кто обретает истолкование этих слов, не вкусит смерти.

1. Иисус сказал: Пусть тот, кто ищет, не перестает искать до тех пор, пока не найдет, и, когда он найдет, он будет потрясен, и, если он потрясен, он будет удивлен, и он будет царствовать над всем.

Обратите внимание, что здесь нет ни призыва к вере, ни утверждения о том, что человек будет спасен через веру. Вместо этого, читателю предписывается толковать, понимать, искать и стать господином всего. Эти рецепты гностического, а не ортодоксального спасения. Четко делается ударение на Гнозисе, как самопознании:

3. Когда вы познаете себя, тогда вы будете познаны и вы узнаете, что вы - дети Отца живого. Если же вы не познаете себя, тогда вы в бедности и вы - бедность.

Кто из современных глубинных психологов не согласится со следующим?

74. Иисус сказал: Когда вы рождаете это в себе, то, что вы имеете, спасет вас. Если вы не имеете этого в себе, то, чего вы не имеете в себе, умертвит вас.

Некоторые из писаний Наг-Хаммади имеют четкие указания на широко критикуемую «элитарность» гностиков. Трактат «Апокалипсис Петра» содержит интересный отрывок, в котором Иисус смеется и радуется (как и в Деяниях Иоанна), будучи распятым. Петр встревожен тем, что толпа не может видеть истинной природы распятия Иисуса и говорит Христу: «Господи, никто не смотрит на тебя», на что Иисус ему отвечает: «Я сказал тебе: "Оставь слепых!"». То есть, большинство всегда слепо. Пытаться объяснить слепому, который по своей сути неспособен видеть – это пустая трата времени и усилий. Скрытый смысл событий, учений и действительной жизни известен только немногим. Хенрик Ибсен в своей замечательной драме «Враг народа» заставляет своего героя воскликнуть: «Большинство? Большинство никогда не бывает право!». Гностики бы согласились с этим.

Один профессор религиоведения сообщал в 1970-е годы, что после того, как порекомендовал одному из студентов прочитать «Евангелие от Фомы», этот студент радостно сообщил своему классу: «Иисус был дзен-буддистом». Действительно, цель многих высказываний Иисуса в гностических писаниях кажется аналогичной цели дзенских коанов. Они предназначены не столько для передачи информации, сколько рассчитаны на духовную трансформацию учеников.

Иногда утверждается, что в Гностических Евангелиях отсутствует тот акцент на любовь, который может быть обнаружен в канонических посланиях. Критики полагают, что Иисус из этих евангелий не заинтересован в чудотворных делах, таких как сострадание к людям, воскрешение из мертвых, исцеление больных и дарование зрения слепому. Но такие предположения неверны. Иисус, который описан в «Евангелии от Фомы» и аналогичных писаниях, является духовным учителем, проводником душ, который посвящает подходящих избранников в Гнозис. Подобно Гаутаме Будде, который жил до него, Иисус признает, что физического облегчения страдания недостаточно, ибо конечные корни страдания прорастают в уме и сердце. Как в канонических евангелиях, так и в Гностических, он советует своим ученикам любить друг друга:

30. Иисус сказал: Люби брата твоего, как душу твою. Охраняй его как зеницу ока твоего.

Но как для каждого Гностика, так и для Иисуса верно следующее: наиболее эффективным актом любви является духовное освобождение, которое приводит к прекращению всех физических и психических страданий. По этой причине, Иисус этих евангелий никогда не будет подходящей фигурой для освобождения теологов. Освобождение, приносимое им, не является политическим или экономическим, но духовным. Однако – и нам определенно стоит помнить об этом – так как это освобождение *от* мира, а не *в* мире, это также и окончательное освобождение. И это, безусловно, многого стоит.

Всегда и везде в коллекции писаний Наг-Хаммади мы находим типичную гностическую связь между собственным «Я» и трансцендентной безликостью – пребывающим духом и Божественностью за пределами зон. Путь к Божественности лежит через нас. Трактат из коллекции Наг-Хаммади под названием «Поучение Силуана» ясно выражает это:

«Просвети свой ум светом неба, чтобы ты смог отправиться к свету неба. Не уставай стучать в дверь разума и не прекращай ходить по пути Христа. Ходи по нему для того, чтобы ты смог получить отдых от своих мучений».

Кодексы Наг-Хаммади являются величайшим хранилищем гностической мудрости. Это не только самая большая коллекция гностических писаний из когда-либо обнаруженных, но будучи открытой, она заметно умножила объем имеющихся гностических знаний. Впервые за две тысячи лет имеется достаточно гностического материала, чтобы убедить растущее

множество достойных людей нашей культуры в том, что вполне возможна переоценка христианских суждений о гностиках. Мы можем увидеть, что картина о ранних истоках христианства, нарисованная для нас очень давно, оказалась небезупречной. Не существовало ни единой «великой церкви», ни первоначального ортодоксального религиозного учреждения, от которого «гностическая ересь» преднамеренно и своенравно откололась. Напротив, христианский мир был расщеплен с самого начала; он был собранием множественных видов веры и интерпретаций, а также различных видов гнозиса. Сегодня, когда не-Гностическое Христианство снова разделено на сотни ветвей, снова возникает возможность для появления ложно обвиненных и осужденных «еретиков», гностиков. Картина изменяется, и средство ее изменения пришло к нам из песков пустыни, из красного керамического сосуда, которые выпустил в свет нечто большее, чем маленькое облачко золотой пыли в 1945 году.

Благодаря усердной и преданной работе многих ученых, вся библиотека Наг-Хаммади стала доступна в простом английском переводе по доступным ценам с 1977 года. В истории еще не было такой замечательной возможности для знакомства с этими учениями. В нашем запутанном и болезненно разделенном мире это действительно хорошие знамения.

Мид, один из величайших ранних работников в винограднике Гностических писаний, писал всего около ста лет назад, но с ясным ощущением вневременности:

«Это верно, что сегодня мы можем открыто говорить о многих вещах, которые гностик облачил в символ и миф; в любом случае, наши реальные знания об этих вещах не так уж далеки от знаний великих учителей гнозиса, как нам хочется думать; сейчас, как и тогда, существуют лишь немногие, кто реально знает, о чем они пишут, тогда как остальные копируют, сравнивают, адаптируют и спекулируют...»

Кто знает достаточно, чтобы решать за других в столь возвышенных вопросах? Пусть каждый следует за Светом так, как он его видит – его достаточно для всех; чтобы в конце «все стало Светом, мягким и приятным» («Fragments of a Faith Forgotten» 592, 606-7)

Глава 14. Гностицизм и постмодернистская мысль

Гностицизм одновременно поражает нас своей древностью и жизненной современностью. Это быть может отчасти из-за определенного сходства в исторических характерных чертах Гностицизма с одной стороны и постмодернистской мыслью в мире с другой. Обстановка ранних веков христианской эры и двадцатого (и, возможно, двадцать первого) века не столь различны, как этого можно было бы ожидать. Обе эпохи могут похвастаться данными неумолимого материального прогресса. «Pax Americana», как и «Pax Romana», принес определенную стабильность, безопасность и процветание на своем пути (рынки второго века в Александрии служили тем же целям, что и наши торговые центры). Тем не менее, оба периода также изобилуют жестокостью, тревогой и печалью. Рим был построен на труде рабов и крови покоренных народов; нынешний модернистский и постмодернистский мир – это мир, в котором стали процветать лагеря уничтожения, тоталитарная тирания и террористические акты. Гностики и их духовные родственники в обоих периодах являются теми, кто пришел к выводу, что великий секрет жизни не может быть обнаружен в мире, и, таким образом, его надо искать в более глубоких и менее мирских источниках.

Простая и добродетельная культурная атмосфера Римской республики создала путь для многокультурного, грандиозно нигилистического духа Римской Империи; таким же образом оптимистичные, рационалистские и прогрессивные основы современного Западного общества в настоящее время распадаются. Не так давно мы в целом предполагали, что через

разум сможем обнаружить «законы природы», и посредством использования этих законов вещи будут становиться все лучше и лучше. Сегодня же это предположение весьма сомнительно. Надежда на прогресс средствами разума многими уже не воспринимается серьезно.

Во времена гностиков существовало множество олимпийских классических богов, которые потерпели неудачу. В наше время мы видим период упадка современных богов – политических идеологий, науки, социологии, медицинской психологии и в последнее время, пожалуй, охраны окружающей среды. Наша культура все еще функционирует, словно будучи основана на рационалистическом гуманизме Просвещения восемнадцатого века, доверяет его философии все меньше и меньше. Новые сомнения подрывают светскую веру последние три сотни лет. Природа, которую когда-то рассматривали по своей сути как упорядоченную, оказалась с точки зрения некоторых ученых как нечто гораздо более беспорядочное, что можно себе представить. Человеческая история также, больше не рассматривается как то, что рациональное человечество может подчинять собственным желаниям. Все чаще исторический процесс рассматривается как сила, существующая сама по себе, которая не поддается диктату человеческого разума и его целям. И, что самое главное, сама Вселенная часто рассматривается не как гармоничный космос древних, а с появлением теории хаоса как феномен неизменного потока и движения, где большинство зловещих явлений по своей природе непредсказуемы. Дональд Уорстер, научный аналитик новых теорий и всемирно признанный историк окружающей среды, писал: «Мы живем в постмодернистскую пост-структуралистическую эпоху, когда все что казалось твердым, развеивается по ветру» (интервью Wall Street Journal, 11 июля, 1994).

Проиллюстрируем ситуацию в более приземленных терминах: рассмотрим изменения в таких культурных отличительных признаках, как темы, отыгрываемые на экране кинофильмов. Фильмы 1950-х, за редкими исключениями, показывают нам мир радостного прогресса, созданный благодаря усилиям науки. Четыре десятилетия спустя, «Парк Юрского Периода» представляет нам страшный природный мир, захваченный силами, выпущенными на волю безответственной и продажной наукой. Являются ли различия в этих двух описаниях случайными? Более проницательные наблюдатели так не считают. Они находят, что эти отличия означают повышение важности тревожных вопросов поведения человека и нравственных ценностей.

Постмодернистская тенденция, которая оказалась столь разрушительной для старой самоуверенной веры в упорядоченный прогресс, сама имеет происхождение в научной мысли. Теория хаоса расширяет далее некоторые давние идеи ученых относительно непредсказуемости вселенной и природы – начиная с «принципа неопределенности» Гейзенберга, провозглашенного в 1920 году. Коротко говоря, эта теория утверждает, что долгосрочное поведение системы (такой как погода, или сама вселенная) не может быть предсказано с полной определенностью. Чтобы сделать определенный прогноз, требуется знать начальные условия системы с абсолютной степенью точности. Очевидно, что это невозможно, поэтому принцип случайных событий, как представляется, более распространен, чем принцип предсказуемости. Эти драматические изменения в научной мысли, в конечном счете, отражают фундаментальные изменения в большой культуре. Это не только цитадель науки, но также и литературы, театры, изобразительного искусства и социальных наук, которые вторглись центроостремительной силе деконструкции. Литература деконструируется по политическим и социологическим траекториям, и результатом оказывается эрозия уважения, с которым относились к литературному наследию культуры.

Древний гностик, вероятно, нашел бы теорию хаоса волнующей новостью, так как она предлагает смотреть на реальность сходным с гностическим мировоззрением образом.

Космос, будучи созданием Демиурга, оказывается подозрительным по многим причинам – не в последнюю очередь из-за этого существа, которое в целом враждебно. К примеру, гностические писания говорят, что Демиург разработал временные циклы как жалкую имитацию безвременной вечности. Упорядоченность, величие и законность космоса в основном поддельные; и более чем вероятно, что под обшивкой неизменного порядка и причинной прогрессии космос является хаотичным и случайным. На знаменитое выражение Эйнштейна «Бог не играет в кости», гностик может иронично ответить: «Что, и сейчас тоже?». Иалдабаоф, одно из распространенных имен Демиурга, означает «ребячливый бог», и это определенно соответствует характеру этого существа, играющего в кости с насмешкой слепленной им вселенной.

Гностики, конечно же, делают различие между Богом, который сфабриковал космос (и который очень хорошо играет в кости) и трансцендентной Божественностью, существующей за пределами всех миров и систем. Маловероятно, что Трансцендентный Бог играет в кости. Кроме того, в гностическом подходе к мышлению, категорические утверждения редко необходимы. Некоторые гностические писания ясно показывают, что аспекты Верховного Божества тайно проникли внутрь реальности Демиурга. Скрытый трансцендентный элемент лежит в основе ложного порядка космоса – и, таким образом, лежит также в основе хаоса. Основная концепция здесь имеет отношение к сознанию, или, точнее, к гнозису. Когда космос деконструирован, он проявляет себя как хаос. Но когда в хаос проникает природа измененного сознания, известная как Гнозис, хаос раскрывает скрытую реальность, которая является его собственным порядком. Этот порядок отличается от иллюзорной упорядоченности мира Демиурга. Таким образом, восприятие хаоса под поверхностью космоса может быть первым шагом по направлению к гнозису, но нужно шагать дальше. Теория хаоса исследуется рациональными, научными средствами, тогда как трансцендентный порядок может быть исследован только посредством гнозиса. Этот порядок по ту сторону порядка всплывает на поверхность только в возвышенных, неординарных состояниях сознания. Математические вычисления и литературные деконструкции не помогут раскрыть эту реальность, на это способен лишь гнозис.

Гнозис и нигилизм

Теория хаоса и её последствия посеяли ужас в сердца многих наблюдателей. Дональд Уорстер говорил в своем интервью: «Что здесь любить и оберегать, в этой вселенной хаоса? Как людям следует вести себя в ней? Если это и есть место нашего обитания, почему бы не пойти напролом с нашими скрытыми амбициями, без каких-либо опасений, что мы можем нанести определенный ущерб?» (*Wall Street Journal*, 11 июля, 1994).

Почти две тысячи лет назад критики задавали подобные вопросы гностикам. Яблоком раздора в то время был отказ гностиков рассматривать закон Моисея и другие религиозные правила как необходимое условие спасения (или, более правильно, гнозиса). Надо отметить, что гностики не считали законы, религиозно утвержденные или другие, бесполезными для общества. Протестовали они против представлений о том, что «хорошим поведением» в мире можно купить пропуск к спасению и небесному блаженству. Тем не менее, обвинения в антиномизме (оппозиции к закону) постоянно сыпались в их адрес. В более поздние времена критика преобразовалась в обвинения в нигилизме, подразумевающие, главным образом, моральный нигилизм.

С течением времени западная культура в целом стала меньше связана с законом Моисея и озабочилась порядком и законностью космоса. Критика заповедей Моисея перестала быть предосудительной, но предположительная законность вселенной обязывала людей вести себя законопослушным образом. С бесспорным близким крахом светской, рационалистской веры

культуры, страх морального нигилизма, конечно, возник не без основания. Когда в культуре зияет философский вакуум, люди будут пытаться заполнить его различными путями. Эгоистичные, жадные и похотливые – гилики гностической традиции – будут использовать это как благоприятную возможность для достижения своих собственных целей. Другие – кого гностики могли бы назвать психиками – будут искать убежище в «старых религиях» фундаментализма и отступать в крепость религиозного закона. И остальные, которых обычно меньшинство – пневматики (или люди духа) – будут реагировать обращением вовнутрь, в сторону освободительного гнозиса. Таким образом, сегодня может происходить то же самое, что и во времена Римской Империи.

Но что же насчет обвинений в нигилизме, выдвигаемых против гностиков? Эти обвинения впервые были возрождены Гансом Йонасом, ученым, в других отношениях симпатизирующим гностицизму, чья работа на эту тему совершила революцию в гностических исследованиях с 1950-х годов. Этический монотеизм, который был ядром учения иудаизма, и, в меньшей степени, зороастризма, ислама и христианства, всегда славился неумеренным представлением о введении социальных правил божественным авторитетом. Закон должен исполняться, поскольку дарован Богом, и если мы не будем повиноваться, он будет карать нас различными способами.

Античные гностики, как и нынешние, не могут и не будут соглашаться с заявлением этического монотеизма. На это есть множество причин. Мифологически говоря, источником закона является Демиург – этот факт, по меньшей мере, снижает авторитетность закона. Говоря исторически, очевидно, что Иисус, последний и величайший посланник, отменил старый закон Моисея и заменил его своим собственным, который гностики называют законом любви (утверждение, что он пришел «исполнить закон» трактуется гностиками как «завершение» и «окончание» закона). Наконец, законы общества рассматриваются гностиками как своего рода вторичная реальность, подделка реальности духовной. Люди, не желающие подняться на уровень духовного видения объекта трансцендентной реальности над институтами и их правилами, освящают и уполномочивают социальные законы как «божественную справедливость». Когда люди позволяют закону стать их основным религиозным средоточием, они отрезают себя от возможности гнозиса. Гностики, с другой стороны, стремятся к духу, о котором было написано, что он «дышит, где хочет». Отношение большинства мистиков к религиозному закону, включая величайших каббалистов, христианских мистиков и суфиев, в целом отражает это гностическое пренебрежение.

Чем гностики отличаются от современных и постмодернистских нигилистов

Большинство нынешних критиков гностицизма как морального нигилизма связывают гностиков с экзистенциализмом, ницшеанским мышлением, а иногда даже с немецко-фашистскими взглядами. За этой критикой скрывается идея, что люди, не обращающие внимание на закон Моисея, вероятно, оправдывают все виды предосудительного поведения, и более того, если кто-то ощущает, что мир не имеет смысла, то такой человек вынужден вести бессмысленную жизнь. Подобные аргументы могут быть выдвинуты также против постмодернистского мышления.

Сходства, однако, не означают тождества. Экзистенциализм и другие современные и постмодернистские учения, включая теорию хаоса, сходны с гностицизмом лишь отчасти. Современная и постмодернистская мысль выделяет, довольно гностическим путем, такие темы как отчуждение, осиротелость, падение души в мире – её пленение, беспокойство и экзистенциальный ужас. Однако эти идеи представляют примерно одну половину гностического представления о реальности. Нигде в экзистенциализме и связанных с ним представлениях мы не найдем твердой приверженности идеи абсолютной реальности за

пределами мира, к которой может отправиться отчужденная, беспокойная, удрученная. Современное и постмодернистское человечество безнадежно не искуплено, тогда как гностик исполнен надежды на искупление. Кроме того, гностицизм - это традиция, которая преисполнена тем, что обычно её и характеризует: учениями, писаниями и духовными практиками. Наша эпоха, в целом подозрительно относящаяся к традициям, естественно, стремится подчеркнуть нетрадиционную сторону гностицизма. Тем не менее, именно его традиционная сторона, в отличие от современной и постмодернистской мысли, указывает путь к предназначению человеческой жизни. Гностик знает, что люди имеют свое происхождение в вечности, и что они также имеют эту вечность своей целью. Вот и вся разница!

А каков же личностный аспект обвинения в моральном нигилизме?

Древние гностики не были замечены в меньшей законопослушности, чем ортодоксальные Христиане. Если не считать некоторые ранние обвинения в сексуальных излишествах как политически мотивированную клевету, в действительности нет ничего, что бы могло подразумевать гностиков как преступников или даже аморальных людей. Хорошо известно, что манихейские гностики вели жизнь исключительной аскетической чистоты, и то же самое может быть сказано о средневековых катарах, о которых один из их богословских противников, св. Бернард Клервоский, говорил что «их нравы были чистейшими».

Конечно, мистическая жизнь, будь то гностическая или другая, несет больше опасности, чем надежд, и некоторые из опасностей связаны с поведением мистика. Мистицизм временами приводит к фанатизму, что доказывают такие феномены как христианские крестовые походы и инквизиция, а также действия исламской революции в Иране. Многие монахи в крестовых походах и инквизитории могут считаться мистиками особого рода, как и некоторые жестокие муллы сегодня. Заслуга практиков гностической традиции состоит в том, что они избегали ловушек такого рода.

Если отказ от идолов культуры считается нигилизмом, то гностик может справедливо признать себя виновным. Гностики всегда поддерживали несомненную исходную правду о мире. Они отказывались наделять любое общество – будь то Римская или Персидская империи, или средневековая Католическая Церковь, которую они называли «Зверем» - позитивными проекциями, которые характерны для приверженцев таких институций. Все-таки гностики не стремились быть мучениками. Одним из обвинений церковных отцов против них было то, что они уклонялись от мученичества от руки римских преследователей христиан. Даже катары, чье мужество не подлежит сомнению, не искали смерти в руках инквизиторов, хотя когда она стала неизбежной, они приняли её с большим достоинством, шагая в пламя с пением. Гностическое «Евангелие от Филиппа» иронично замечает, что как Бог создал человека, так и люди возвращают ему долг путем создания своих собственных богов, которым поклоняются. Писание говорит, что лучше бы этим богам поклоняться человеку! Выводы очевидны: идеи, планы и привязанности, что большинство людей лелеют, являются не более чем безжизненными идолами. Поклонение им суть упражнение в полнейшей бесполезности.

Каждая эпоха имеет свои любимые идолы. В Средние Века это был христианский идеал, который согласно толкованию пап и епископов был священным, и которому подчинялись все, даже императоры. В эпоху науки и гуманизма, священным идиолом культуры стало евангелие человеческого прогресса. Сегодня этот идол также пошатывается на своем пьедестале, в основном благодаря постмодернистским идеям в сочетании с печальными уроками истории. Если прогресс действительно присутствует в человеческой истории, почему же тогда нам пришлось пережить двадцатый век - самый кровавый и болезненный

век? Были ли Гитлер, Сталин и Мао Цзэдун реальными результатами прогресса? Должны ли жертвы Хиросимы быть благодарными за благословение прогресса, который пришел к ним в форме атомной бомбы? Биолог Дэвид Эренфельд (*«Высокомерие гуманизма»*) обвиняет прогрессивность и гуманизм в чрезмерном высокомерии, когда говорит: «Идея прогресса является болезнью нашего времени. На самом деле, мы не изобретаем наше будущее. Мы производим всего лишь технические изменения, итоги которых не можем предсказать, и которые часто оказываются ужасающими». Гностики, безусловно, будут согласны.

Если прогресс недостижим, будет ли революция лучше? Если институты отказываются от изменений, должны ли мы вкладывать свой разум, сердце и жизнь в их преобразование? Нужно ли нам вечно штурмовать Бастилию этого мира, надеясь, что каждая битва, каждая революция и война станет последней? Нет данных о войнах или революциях, охотно осуществляемых гностиками. Даже когда сторонники катаров взяли за меч в Лангедоке, они сделали это неохотно и в целях самообороны. Гностики никогда не были так заинтересованы в изменении мира, но они хотели переступить его пределы.

Вполне вероятно, что постмодернистская эра с её теорией хаоса и другими озабоченностями, предполагающими деконструкцию многих идеалов, а также культурных идолов, приведет к приумножению нигилизма в мире. Нигилизм, в конце концов, получил свое наименование от латинского слова «ничто». Когда все подверглось деконструкции, вероятно, что остается только ничто. Или что-то? Если в среде таких изменений возникает гностическая надежда, тогда исчезновение земных конструкций может повлечь за собой возвращение духа к Полноте. Очень часто таким образом – когда все временное исключено, вечность вступает в свои права. Когда люди разочарованы – когда у них отобрали все иллюзии – они могут обнаружить реальное. В этой связи, гностики действительно оптимисты; они уверены, что гнозис может прийти к тем, кто пробудился от глубокого сна этого мира.

Гностические перспективы в информационную эпоху

Постмодерн неумолимо связан с концепцией, а также реальностью информационной эпохи. Ученые, заключающие из своих расчетов, что хаос может быть более реален, чем космос, литераторы и критики, деловито деконструирующие литературу и социальные науки – все они делают свою работу, в первую очередь прибегая к информации, содержащейся на экране компьютеров. В той мере, что сегодня интеллектуалу становится известно о гностицизме, он или она, вероятно, проинтерпретируют гнозис как информацию. С этой точки зрения, один из наиболее талантливых писателей художественной литературы, Филлип Дик, который с энтузиазмом включил гностицизм в некоторые свои работы, истолковал гнозис просто как «информацию». Однако является ли гнозис реально всего лишь информацией? Большое почтение к информации в наши дни, несомненно, связано с влиянием компьютера, являющимся основным инструментом информации. Огромное количество информации, а также, в равной степени, дезинформации, вливается в бесчисленное число умов ежедневно с экрана компьютера. Наши новые боги – это данные, которые мы магически вызываем на экране, обещающем соединить нас со всем, что есть, и тем, что, возможно, может существовать.

Общеизвестно, что информация настолько хороша, насколько хорош её источник. Менее часто упоминается истина о том, что информация также хороша ровно настолько, сколько хорош ум, который её воспринимает. В информационную эпоху, соблазн в определенном познавательном высокомерии, которое всегда было хорошо развито в нашей культуре, становится еще больше. Познавательное высокомерие можно определить как предположение о том, что поскольку некто имеет доступ к информации, то поэтому он знает, что истинно и

полезно, и не нуждается в традиции или источнике вдохновения, а только в сознательном эго и его ресурсах данных. В духовных вопросах такое высокомерие может быть в действительности неудачным. Человек может решить собирать и выбирать информацию якобы духовной природы в попытке синтезировать собственную уникальную лестницу в небеса. Экран компьютера, или любой другой источник информации, становится подобен столу в закусочной идей, которая оказывается шведским столом для удовлетворения собственного эго.

В информационную эпоху часто встречается напыщенное заявление: «Я знаю, что лучше для меня! Я буду выбирать то, что подходит моим уникальным требованиям». Это равносильно тому, что больной человек скажет квалифицированному врачу: «Я знаю свое тело. Я выберу лекарства сам, без учета вашего медицинского обследования». Или еще проще, это подобно тому, что ребенок идет в ресторан и говорит: «Я просто буду есть то, что вкусно». У буддистов есть хороший ответ на этот вид высокомерия. Они говорят, что предлагаемое ими – это просветление, и человек, вопрошающий об нем, делает это именно потому, что он не просветлен, и поэтому он должен, прежде всего, признать свое собственную непросветленность. Непросветленный человек, говорят буддисты, введен в заблуждение, и, таким образом, делает выбор на основе своих собственных заблуждений. Поэтому имеющей силу традиции с проницательными учителями и подлинными практиками, требуется, во-первых, уменьшить, а затем удалить заблуждения.

Гнозис – это не то же самое, что и информация, хотя гностицизм, проводник гнозиса, может содержать некоторую информацию. Но даже здесь нужно быть осторожным. Гностическая информация довольно сильно отличается от большинства другой информации. Она содержит миф, пророческие озарения, психологические стимулы, магические процессы и многое другое. Рассмотрение этих материалов как собрания данных, ясных и простых, будет иметь катастрофические последствия. Гностическая традиция отчасти существует для того, чтобы сделать этот вид информации усвояемым для ума, неподготовленного в гностических образах, реализациях и языке. Попытка поставить себя выше традиции, которая обладает собственными стратегиями, собственным способом видения реальности и собственными духовными практиками, бесполезна и глупа.

Наш век сильно насыщен информацией и, несмотря на это, алчет еще больше. Кажется, что зачастую, чем больше информации мы собираем, тем все менее реальными становятся наши жизни. Люди сбиты с толку технологией, от которой они зависят, и часто они также сбиты с толку информацией, которую получают через эту технологию. Будучи наркоманами информационного века, мы часто забываем, что существует и возможен другой вид знания, в котором говорить меньше означает знать больше, и восторг видения заменяет жаждой фактов. Ибо гнозис редко предлагал факты или теории; он всегда предполагает опыт. В мире, в котором информация стареет каждый час, он может оказаться тем видом информирующего озарения, в котором мы так сильно нуждаемся.

Эпилог. От рассвета к полудню солнцу.

В начале этой книги ночное небо использовалось в качестве метафоры для света гнозиса в противоположность тьме земной. Может быть полезно здесь, в заключение нашего исследования, расширить метафору, включив в неё контраст дневных и ночных небес. В свете дня физические объекты освещены с большой ясностью. Мирская деятельность требует именно такой ясности видения. С другой стороны, наше утонченное и более дальновидное ночное зрение подавлено этой излишней ясностью. Небесные светила в настоящее время сокрыты ярким дневным светом; достаточно редко мы можем увидеть контуры луны в дневное время, тогда как свет звезд полностью скрыт. Когда ослепительный

блеск солнца исчезает и ночное небо снова появляется, объекты, находящиеся рядом, становятся смутными, а свет звезд, удаленных от нас на множество световых лет, снова доступен нашему взору.

Представьте себе мир, реальность, которая отрицает само видение ночного неба и подтверждает только солнечный свет. Отрезая от видения звезды, обитатели будут переживать только резкие контрасты мира дневного света и, таким образом, только мирское, которое означает, прежде всего, физическое. Еще более катастрофично то, что стимул для воображения, выражаемый звездным светом, исчезнет. Никто больше не сможет представить себе мир безграничного света, свидетельство которому эти видимые разрывы темной вуали.

Мы живем в мире такого отрицания. Начиная с Эпохи Возрождения, наша цивилизация все больше и больше отдает себя во власть мировоззрения, основанного на мире дневного света физических данных и рациональных теориях, которые могут быть выведены из них. Мы попали в суровый, залитый солнцем мир дневного сознания, где собираем все больше и больше фактов, что, как это ни парадоксально, до сих пор не прибавило нам больше счастья. Мы узнаем все больше и больше о все меньшем и меньшем. Утерев гностическое видение ночного неба с его загадочным светом, мы обладаем тревожно неполным пониманием нематериального аспекта нашего восприятия. Мы, кажется, застряли в пространстве и времени рядом с нами, будучи пойманными в сети духовной близорукости невероятных пропорций и последствий.

Боги, которые пали

В культуре, отрицающей свет, который светит из-за пределов этого мира, люди разрабатывают средства спасения в мирских рамках. В девятнадцатом веке и начале двадцатого мы были вынуждены верить, что социально-экономические доктрины изменения мира могут привести к великолепному исходу человеческой истории. Карл Маркс изложил спасение мира путем соединения политики и экономики; его последующие ученики – Сталин, Мао Цзэдун и Пол Пот стали наиболее эффективными истребителями своих собратьев, известных в истории. Гитлер разработал спасение через расы и территориальные экспансии и принес страдания и смерть около пятидесяти миллионам человек, включая своих собственных соотечественников. Сегодня, в начале двадцать первого века, мы постепенно убеждаемся, что, по меньшей мере, в течение двух сотен лет мы были обмануты и введены в заблуждение политическими теоретиками, деятельность которых принесла страдания вместо обещанного земного рая. Бог политического спасения был разоблачен как бог, который пал.

Другое средство светского спасения, являющееся в определенном смысле богом, который обманул наши ожидания – это наука. Хотя наука умножила наши знания о физическом мире и дала инструменты к господству над ним, она отнюдь не искупила нас от нашей экзистенциальной ситуации. Слово *наука* является производным от латинского *scientia*, означающего «знание». Это не то знание, которое передается словом *гнозис*. Гнозис не является главным образом научным или рациональным по своей природе. Греки в своей довольно ясной манере, проводили различие между научным знанием (например, «он знает химию») и гнозисом, который является знанием, постигаемым через опыт (а-ля «она знает меня»).

Другим богом, потерпевшим крах, является бог охраны окружающей среды. Мы обеспокоены продолжающимся ростом технологий и превратились во встревоженных защитников природного мира – или, как мы парадоксально называем его, окружающей среды. «Окружающая среда» является антропоцентрическим термином, поскольку он определяет природный мир как нечто окружающее человека. Тем не менее, допускаемый

неясный пантеистический смысл сохранения природы или планеты не является тождественным спасению наших душ или духов. Если наша внутренняя сущность остается загрязненной, а наше сознание неадекватным, то сможет ли чистая окружающая среда спасти нас от нашей собственной бестолковости и экзистенциального недомогания? Поможет ли решение грядущего экологического кризиса разрешить кризис в наших умах и сердцах?

Западные цивилизации, особенно с восемнадцатого и девятнадцатого веков, обнаружили огромное количество информации о мире вокруг нас. В то же время, мы остаемся в совершенной тьме относительно мирах внутри нас и за пределами нас. Эти миры временами подытоживаются в термине *сознание*. Можно сказать (и это в самом деле справедливо), что сознание не является сильным местом науки. Даже психология, отчасти глубинная психология, которая достигла такой известности в двадцатом веке, не способна построить действительно эффективную связь с наукой. Фрейд ничего не желал так сильно, как того, чтобы психоанализ признали как «новую науку», но по истечению века его желание так и осталось неисполненным.

Хотя предмет исследования носит название «изучение сознания», науки о сознании не существует. Сознание трудно исследовать научными процедурами и методами, прежде всего потому, что оно плохо поддается научному принципу повторяемых экспериментов. Близкие неудачи предмета парапсихологии, пожалуй, лучший тому пример. Результаты экспериментов с телепатией и другими паранормальными силами становятся все менее и менее убедительными по мере их повторения.

Как мы узнаем, что сознание существует? Мы знаем его только как вид персонального опыта, который мало зависит от повторяемых экспериментов и больше от усиления определенного способа восприятия, который может получить доступ к сознанию. Короче говоря, когда мы имеем дело с сознанием, мы имеем дело с реальностью гнозиса. Это, безусловно, понимал Юнг, что привело его к гениальному соединению психологии с гнозисом и гностицизмом. Древние гностики, как осознал Юнг, сделали особые открытия в сфере сознания именно потому, что они использовали режимы восприятия, которые не были связаны стандартами эго и его рациональными, экстровеитированными наклонностями.

Можно справедливо заметить, что наука постепенно приобрела черты, которые указывают за пределы её самой, даже по отношению к сознанию. В частности, теоретическая физика проникла в сферы, которые по своей природе являются скорее метафизическими, нежели физическими. Тем не менее, только малое число квалифицированных ученых принимают метафизические аспекты своих дисциплин серьезно. Авторы, которые провозглашают наличие определенного вида Дао в физике, или других ветвях науки, являются по большей части популяризаторами, чьи позиции в научном сообществе в лучшем случае незначительны. Обычная публика, даже её образованная часть, все время живет в ньютоновском и дарвинском мире, где Эйнштейн, Планк и другие их сотоварищи могли бы никогда не существовать. Прикладная наука, безусловно, базируется на теориях, которые приводят к метафизическим выводам, но эти выводы представляют мало интереса для человека, наслаждающегося благословением все более изощренной технологии. Хотя и больно признавать это, в терминах сознания и, следовательно, гнозиса, наука оказалась еще одним богом, который потерпел неудачу.

Перечисленные здесь павшие боги лишь некоторые из гораздо большего числа претендующих на спасительную силу. Все они обречены на провал, так как само понятие мирского спасения является ущербным. Ведь в действительности виноваты не отдельные недостатки условий и средств. Нам нужно признать, что наши сущностные и неизменные потребности не могут быть удовлетворены чисто земными и человеческими ресурсами.

Дневной свет ограниченного земного мышления просто не соответствует этой задаче; нам нужен другой свет, льющийся из-за пределов этого мира.

Встреча с гностиком

Гностики всегда были осведомлены о фундаментальном затруднительном положении, которое окружает нас в этом мире, и определили его как отсутствие гнозиса. Пророк Осия, одна из наиболее гностических фигур Ветхого Завета, винит отсутствие божественного гнозиса (знания Бога) не только в людских страданиях, но и несчастьях всего творения:

1.... нет ни истины, ни милосердия, ни **Богопознания** на земле.

...

3. За то восплачет земля сия, и изнемогут все, живущие на ней, со зверями полевыми и птицами небесными, даже и рыбы морские погибнут (Осия, 4 глава, 1-3, выделено автором).

Эта гностическая точка зрения в корне противоречит двум другим способам видения связи между Божественностью, людьми и природным миром. Первый предполагает, что человек является источником всех ценностей, что природный мир является всего лишь инструментом человеческих устремлений, и что Бог, если он вообще существует, не имеет никакого значения (эта позиция, пожалуй, в её современной форме была впервые сформулирована Френсисом Бэконом и стала известна в эпоху Просвещения). Вторая (и последняя) позиция предполагает, что природный мир является источником всех ценностей, что человеческое существо стало нарушителем универсальной экосистемы, и что Бог, если он есть, имманентно присутствует в природе, и, по сути, неотличим от неё. С гностической точки зрения, ни человеческое существо, ни природный порядок не могут быть источником всех ценностей, потому как они радикально отчуждены от Божественности, где пребывают подлинные ценности. Только когда человеческое сознание перебирается через пропасть разделения и соприкасается с Божественностью, становится возможным постижением истинных ценностей.

Гностик, в своей душе или духе преодолевающий это отчуждение от Божественности, является чужеземцем по отношению к этому миру и другим людям. Встреча с подлинным Гностиком означает встречу с чужаком. Мы можем встретиться с таким человеком опосредованно, путем чтения Гностических писаний или напрямую, путем столкновения с современным Гностиком. В обоих случаях имеет место встреча незнакомца, высказывающего странные идеи. Но если мы вовлекаемся в творческое взаимодействие с этим незнакомцем, он может стать нашим другом, на чью проницательность мы можем рассчитывать, когда приходим к духовным вопросам, ускользающим от нашего понимания. Те, кто путешествовал по дороге впереди нас к дальней стране, обычно достаточно квалифицированы, чтобы указать нам наши собственные направления. Встреча, таким образом, может оказаться многообещающей для человека.

И снова – заимствуя образы у Мани и Будды – гностик подобен лодочнику, который гребет, встречая нас и помогая нам переправиться на другой берег. Гностик рассказывает нам, что он знаком с территорией дальнего берега и уверяет, что нас там поджидают великие чудеса. Он также напоминает нам, что садясь на борт его паромы, мы будем вынуждены оставить «Terra Firma» нашего нынешнего обитания. Это местожительство различно для каждого человека. Мирским скептикам придется оставить приятное отсутствие духовных обязательств; преданно религиозным, может быть, придется переоценить свои религиозные идеалы, в частности, концепции о Боге; малодушным, возможно, предстоит собрать определенное экзистенциальное мужество для совершения великого путешествия. И, пожалуй, самое главное, завсегдатаям духовного супермаркета New Age придется оставить

свою поверхностность в этих вопросах и подвергнуться требовательному процессу сознательного саморазвития, связанного с совершенно иным мировоззрением.

Гностические писания описывают затруднительное человеческое положение как невежество, сон, опьянение или забывчивость. Эти составляющие нашего плачевного состояния проявляются во многих формах. Мы словно животные, которых так приручили к своей клетке, что даже когда её двери открыты, мы отказываемся покидать её пределы. Сон и оцепенение нашего нынешнего существования оказываются более предпочтительны, чем вид свободы, приносимой гнозисом. Мы редко ставим под вопрос общепринятое мировоззрение, принятое в нашей культуре или догмы нашей религии, но сейчас, кажется, готовы усомниться в учениях, принесенных гностическими озарениями. Некоторые из этих сомнений, конечно, полезны. Но нам необходимо подвергать сомнению не только Гностиков и их учения, но также и самого вопрошающего. Разве мы отвергаем рассмотрение гностических постулатов не потому, что они противоречат тому, что думает большинство? Сколько из заветных убеждений, которые стоят на пути нашей готовности к принятию гностических идей, на самом деле являются не более чем непроверенными предположениями, навязанными нашим обществом?

Это было верно две тысячи лет назад и остается таковым по сей день - у большинства людей гностицизм вызывает беспокойство, а временами даже бешенство; он представляет собой вызов тому, во что многие из них верили и практиковали. Тот, кто полон решимости сделать из этого мира большее, чем он есть, шокированы гностицизмом и его трезвым признанием того, что мирское спасение невозможно. Мир не может быть вознесен своими собственными силами, являются ли они политическими, экономическими, научными или экологическими по своей природе. Мир нуждается в чем-то, что находится за пределами его самого – в мудрости, внутреннем знании, которое переступает пределы планеты и космоса. Такая позиция представляется оторванной и потусторонней современному и постмодернистскому уму, одержимому добродетелями социальных изменений. Сторонники статус-кво в обществе также склонны смотреть на гностиков недоброжелательным взглядом. Как может кто-то, кто называет Творца грязными именами, кто усматривает недостатки во всех вещах, которые составляют творение, и кто не считает заповеди какой-либо религии или общества спасительными, быть чем-то иным, кроме разрушительной силы в обществе?

Однако, те, кто пришли к пониманию жизни как трагедии, кто ощутил осиротелость и отчужденность своего сознания среди своего собственного бессилия, гораздо более вероятно откликнутся на гностическую весть. Те, кто достаточно настрадался в своей земной жизни и кто сумел максимально осознать эти страдания так, что теперь обладают необходимым правильным намерением и искренностью, являются подходящими слушателями странного и древнего голоса Гностика, который зовет их – в настоящее время с новой силой. Это души и умы, которые, вероятно, обратили свой взор от резкого дневного света рациональности и экстраверсии к таинственному свечению ночного неба, где может быть воспринят свет гнозиса. Для них встреча с гностическими учениями является полезной. Свет звезд, так долго вытесняемый дневным светом, появляется вновь и темные тени, отбрасываемые дневным светом, отступают. И посреди звезд мы приветствуем таинственное полуночное солнце, видимое посвященным.

Приложение А. Список чтения для гностика

Это не всесторонняя библиография работ по гностицизму; этот список призван служить простым руководством для читателей, которые ищут заслуживающие внимания книги. Большинство из этих книг изданы и доступны в университетской библиотеке; однако, несколько важных книг перечисленных здесь не попадали в печать, и некоторые из них трудно будет отыскать даже в хорошей библиотеке.

ВВОДНОЕ ЧТЕНИЕ

Holroyd, Stuart. *The Elements of Gnosticism*. Shaftesbury, Dorset, Eng., and Rockport, Mass.: Element Books, 1994.

Отличное и краткое введение в учения, историю и литературу Гностицизма. Подход с пониманием, с акцентом на нынешнюю актуальность Гностицизма.

Pagels, Elaine. *The Gnostic Gospels*. New York: Random House, 1978.

Популярно-классическое введение в писания Наг-Хаммади и Гностицизм в рамках полезного исторического контекста. Возможно первая из крупных книг, которая свободна от анти-гностического ересиологического уклона.

Seymour-Smith, Martin. *Gnosticism: The Path of Inner Knowledge*. San Francisco: Harper San Francisco, 1996.

Небольшая настольная книжка, привлекательно иллюстрированная в цвете, с симпатизирующим отношением к предмету. Краткая, но информативная.

Singer, June. *Knowledge of the Heart: Gnostic Secrets of Inner Wisdom*. Rockport, Mass.: Element, 1999.

Великолепный труд любви к гнозису известного юнгианца. Состоит из священных гностических текстов, расположенных для чтения в соответствии с монашескими часами и днями недели. К текстам прилагаются комментарии юнгианской и гностической направленности. Подходит для углубленного постижения гнозиса. (Эта книга была ранее издана как *A Gnostic Book of Hours: Keys to Inner Wisdom*. San Francisco: Harper San Francisco, 1992).

ВСПОМОГАТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

Churton, Tobias. *The Gnostics*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1987.

Всеобъемлющее, хорошо проработанное и объективное исследование, охватывающее Гностические учения и литературу. Включает в себя полезные хронологические таблицы (Эта книга была написана для сопровождения документального фильма «Гностики», поставленного в Британии Boarder Television в 1987).

Dart, John. *The Taughting Savior: The Discovery and Significance of the NagHammadi Gnostic library*. New York: Harper & Row, 1976.

Журналистское, немного поверхностное опробование писаний Наг-Хаммади, с мягко-информативной контекстуальной информацией.

Doresse, Jean. *The Secret Books of the Egyptian Gnostic: An Introduction to the Gnostic Coptic Manuscripts Discovered at Chenoboskion*. New York: Viking, 1960.

Личная оценка одного из исследователей писаний Наг-Хаммади. Включает ранний перевод текстов Евангелия от Фомы. Автор демонстрирует анти-гностические предубеждения.

Grant, Robert M. *Gnosticism and Early Christianity*. New York: Harper Torchbooks, 1966.

Умеренно-полезное рассмотрение предмета, омраченное негативным отношением автора, коренящемся в ересиологическом уклоне.

Guirdham, Arthur. *The Great Heresy*. Jersey, Eng.: Neville Spearman, 1977.

Исследование учений средневековых гностиков, известных как катары. Первая часть книги является высокоинформативной и проникательной. Вторая часть базируется на предполагаемой коммуникации с развоплощенными сущностями, и следовательно имеет сомнительную ценность.

Hoeller, Stephan A. *Jung and the Lost Gospels*. Wheaton, IL: Theo-sophical Publishing House, Quest Books, 1989.

Исследование, иллюстрирующее связь между юнгианской психологией с основными гностическими мифами и четырьмя евангелиями Наг-Хаммади.

Jonas, Hans. *The Gnostic Religion*. Boston: Beacon, 1958, 2001.

Классическая работа, применяющая экзистенциальные принципы к анализу Гностических учений (автор был студентом Хайдеггера). Содержит множество ценных цитат, включая мандейские и манихейские источники. Будучи написанной до публикации писаний Наг-Хаммади, эта работа содержит только ограниченные ссылки на эти источники.

Lacarrière, Jacques. *The Gnostics*. New York: Dutton, 1977. Reprint, San Francisco: City Lights, 1989.

Поэтические размышления о Гностицизме и Гностических учениях. Авторская оппозиционная, левая ориентация могла бы обесценить этот труд, но он содержит полезную информацию и с пониманием относится к Гностицизму. Включает ценное предисловие Лоренса Даррела.

Merkur, Dan. *Gnosis: An Esoteric Tradition of Mystical Visions and Unions*. Albany: State University of New York Press, 1993.

Поразительно творческая и глубокая работа, которая рассматривает истоки гностицизма в духовном опыте, подобном «активному воображению» Юнга. Включает родственный материал христианского, еврейского и исламского мистицизма. Хорошо документирована и читаема.

Oldenbourg, Zoe. *Massacre at Montsegur: A History of the Albigensian Crusade*. New York: Minerva, 1968.

Классическая работа на тему кровавой бойни и преследования средневековых Гностической (Катарской) религии в Лангедоке, Франция. Первая историческая работа, разоблачающая это

преследование в полном ужасе. Написана известным медиевистом и историческим новеллистом.

O'Shea, Stephen. *The Perfect Heresy: The Revolutionary Life and Death of the Medieval Cathars*. New York: Walker, 2000.

Читабельное, популярное мнение о катарском феномене и Альбигойском крестовом походе. Автор с пониманием относится к делу катаров.

Perkins, Pheme. *The Gnostic Dialogue: The Early Church and the Crisis of Gnosticism*. New York: Paulist Press, 1980.

Информативное исследование, испорченное авторским уклоном в римское католичество и очевидные попытки противодействовать про-гностическому эффекту работы Elaine Pagels *Gnostic Gospels*.

Rudolph, Kurt. *Gnosis: The Nature and History of Gnosticism*. San Francisco: Harper & Row, 1983.

Подробное и научное описание, одинаково ценное и для ученого, и для мирянина. Авторская точка зрения объективна и не находится под влиянием ересиологических настроений. Включает отличную документацию, а также Мандейские материалы, полученные автором в его собственном исследовании.

Spierenburg, H. J., ed. *H. P. Blavatsky: On the Gnostics*. San Diego, Calif.: Point Loma Publications, 1994.

Сборник документов различной длины относительно гностиков, созданный плодотворной личностью, принадлежащей к оккультному возрождения девятнадцатого века. Он доказывает отличное понимание Блаватской гностических вопросов, а также близкую совместимость гностицизма и современной теософии.

РАСШИРЕННОЕ ЧТЕНИЕ

Blackman, E. C. *Marcion and His Influence*. London: SPCK, 1948. Reprint, New York: Ames, 1978.

Классическое исследование учений Маркиона и их влияния на различные дисциплины, включая библейский критицизм. Вероятно, наиболее полная работа о Маркионе из написанных до сих пор.

Culianu, Ioan P. *The Tree of Gnosis: Gnostic Mythology from Early Christianity to Modern Nihilism*. San Francisco: Harper, 1992.

Богатое поэтическими образами, но несколько незрелое исследование гностической традиции, с сильным историческим акцентом. Творчески, но напыщенно.

Filoramo, Giovanni. *A History of Gnosticism*. Cambridge, Mass.: Blackwell, 1990.

Отличное и сочувственное исследование Гностицизма, включающее проницательные толкования Гностических писаний. Одна из лучших доступных работ.

Hedrick, Charles W., and Robert Hodgson, eds. *Nag Hammadi Gnosticism and Early Christianity*. Peabody, Mass.: Hendrickson, 1986.

Ряд ценных исследований, в первую очередь касающихся коллекции гностических писаний Наг-Хаммади, выполненных четырнадцатью известными учеными в этой области.

King, C. W. *The Gnostics and Their Remains, Ancient and Medieval*. 1887. Reprint, San Diego, Calif.: Wizards Bookshelf, 1982.

Классическая работа девятнадцатого века, преимущественно изображающая и поясняющая предметы талисманного искусства Гностической традиции.

King, Karen L., ed. *Images of the Feminine in Gnosticism*. Philadelphia: Fortress, 1988.

Сообщения конференция с тем же названием, проходившей в 1985 году в Институте Античности и Христианства в Клермонте, штат Калифорния. Содержит тридцать два эссе и ответы ученых. Содержания различной ценности.

Klimkeit, Hans-Joachim. *Gnosis on the Silk Road: Gnostic Texts from Central Asia*. San Francisco: Harper, 1993.

Полезное краткое введение в манихейство, а также большую часть коллекции прекрасных манихейских текстов из материалов, открытых в Центральной Азии в течение прошлого столетия.

Lieu, Samuel N. C. *Manichaeism in the Late Roman Empire and Medieval China*. 2nd rev. ed. Tübingen: Mohr, 1992.

Очень подробное обсуждение Манихейства, и, возможно, лучшая из современных существующих работ. Особенно важно, что данная работа включает в себя всеобъемлющие примечания и библиографический список существенных и ныне сохранившихся работ по Манихейству.

----- *Manichaeism in Mesopotamia and the Roman East*. Leiden: Brill, 1994.

Собрание эссе того же автора, более специальных по своей сути, дополняющее его предыдущую работу *Manichaeism in the Late Roman Empire and Medieval China*.

----- *Manichaeism in Central Asia and China*. Leiden: Brill, 1998.

Собрание эссе, также по сути узкоспециализированных, дополняющих его предыдущие работы.

Lupieri, Edmondo. *The Mandaean: The Last Gnostics*. Grand Rapids, Mich.: Eerdmans, 2002.

Одна из немногих доступных работ по мандейской религии. Хорошо исследованная и читабельная. Содержит многочисленные переводы мандейских писаний. Очень рекомендуется.

Mead, G. R. S. *Simon Magus: An Essay*. London: Theosophical Publishing Society, 1892.

Pagels, Elaine. H. *The Johannine Gospel in Gnostic Exegesis: Heracleon's Commentary on John*. Nashville and New York: Abingdon, 1973.

Полезное разъяснение валентинианских толкований Евангелия от Иоанна, включая материал об Иоанне Крестителе.

The Gnostic Paul: Gnostic Exegesis of the Pauline Letters. Philadelphia: Trinity Press International, 1975.

Рассмотрение понимания валентинианского гнозиса в посланиях Павла, предлагая новый взгляд на Паулинические исследования.

Adam, Eve, and the Serpent. New York: Random House, 1988.

Воздействие первых трех глав Книги Бытия на политическую мысль Христианства. Третья глава представляет особый интерес для Гностических исследований.

Perkins, Pheme. *Gnosticism and the New Testament*. Minneapolis: Fortress, 1993.

Научное мнение о взаимосвязи гностицизма и христианства Нового Завета. В первую очередь полезно читателям, заинтересованным в библейском точке зрения относительно гностицизма.

Petrement, Simone. *A Separate God: The Christian Origins of Gnosticism*. San Francisco: Harper, 1990

Важное исследование, рассматривающее Гностицизм как чисто Христианский феномен. Несколько неясный стиль автора немного затрудняет чтение.

Roukema, Reimer. *Gnosis and Faith in Early Christianity*. Harrisburg, Pa.: Trinity Press International, 1999.

Базовое введение в взаимосвязь между гностицизмом и ранним христианством. Автор представляет позицию протестантского кальвинизма и опирается на ересиологические святоотеческие источники. Работа содержит редкие описания сходств между гностицизмом и Платоном, Филоном и другими учениками Платона.

Stoyanov, Yuri. *The Other God: Dualist Religions from Antiquity to the Cathar Heresy*. New Haven: Yale University Press, 2000.

Отличное историческое исследование, отслеживающее возможные возникновения гностицизма в египетских и зороастрийских источниках и показывающее необычайно тонкое понимание религии Катаров и Богомилов.

Welburn, Andrew. *Mani, the Angel and the Column of Glory*. Edinburgh: Floris, 1998.

Полезная аннотированная антология Манихейских текстов, отредактированная и представленная выдающимся ученым. Содержит несколько зачастую недоступных текстов. На точку зрения автора значительное влияние учение Рудольфа Штайнера.

РЕДАКЦИИ ГНОСТИЧЕСКИХ ПИСАНИЙ

Foerster, Werner, ed. *Gnosis, A Selection of Gnostic Texts. Vol. 2. Coptic and Mandaean Sources.* Oxford: Clarendon, 1974.

Вторая часть содержит ценные подборки из Мандейских писаний Ирака. Эту книгу проще достать, чем другие работы по этой традиции.

Gardner, Iain. *The Kephalaia of the Teacher: The Edited Coptic Manichaean Texts in Translation with Commentary.* Leiden: Brill, 1995.

Содержит одни из лучших доступных детальных дискуссионных введений в Манихейство, наряду с отличным переводом Кефалайи, а также коллекцией «устных учений Мани для его учеников».

The Gospel according to Thomas: With Complementary Texts. Santa Barbara, Calif.: Concord Grove, 1983.

Элегантный перевод Евангелия от Фомы, а также Апокалипсиса Иоанна, Евангелия Истины и «Гимна Жемчужине», вместе с полезным введением, представляющим современные Теософские перспективы.

Greenlees, Duncan. *The Gospel of the Gnostics.* Adyar, Madras: Theosophical Publishing House, 1958.

Эта работа появилась как 13 том Серий Всемирных Евангелий и включает превосходный отбор Гностических писаний, хотя она была опубликована до открытия писаний Наг-Хаммади, и, соответственно, не включает их. Также имеется изящное введение и расширенные комментарии по писаниям. К сожалению, эта работа давно не издается и её крайне трудно найти.

The Gospel of the Prophet Mani. Adyar, Madras: Theosophical Publishing House, 1958.

Эта работа появилась как 12 том Серий Всемирных Евангелий и включает, возможно, самый полезный отбор Манихейских текстов, который когда-либо издавался. Превосходное введение и комментарии. К сожалению, эта работа давно не издается и её крайне трудно найти.

Layton, Bentley. *The Gnostic Scriptures.* Garden City, N.Y.: Doubleday, & Co., 1987.

Выдающиеся переводы с комментариями некоторых писаний из коллекции Наг-Хаммади, наряду с большим количеством цитат ересиологических отцов церкви и ссылок на Гностические источники. Великолепное, научное введение в исследование Гностических писаний.

Mead, G. R. S. *Fragments of a Faith Forgotten: A Contribution to the Study of the Origins of Christianity.* 1900. Reprint, Kila, Mont.: Kessinger, 1991.

Замечательное описание Мидом практически всех гностических материалов, сохранившихся до открытия Наг-Хаммади.

The Hymn of Jesus. 1907. Reprint, Wheaton, Ill.: Theosophical Publishing House, 1973.

Pistis Sophia: A Gnostic Miscellany. 1896. Reprint, Blautvelt, N.Y.: Garber, 1973.

Наиболее читабельный перевод большинства отрывком Книг Спасителя (Аскью Кодекс), с выдержками из соответствующей литературы и ценными комментариями. Основной источник валентинианский Софиологии.

Meyer, Marvin. *The Gospel of Thomas: The Hidden Sayings of Jesus*. San Francisco: HarperSanFrancisco, 1992.

Последний перевод самого доступного Гностического писания. Введение переводчика и пояснительное эссе Гарольда Блума служит полезной исходной точки и для изучения этого евангелия, и для Гностицизма в целом.

The Secret Teachings of Jesus: Four Gnostic Gospels. New York: Random House, 1984.

Хороший перевод четырех текстов из коллекции Наг-Хаммади: Апокриф Иакова, Евангелие от Фомы, Книга Фомы Атлета и Тайной книги Иоанна. Включает полезное введение.

Miller, Robert J., ed. *The Complete Gospels*. San Francisco: Harper, 1994.

Хорошая коллекция всех «евангельских» текстов – канонических, Гностических и других неканонических писаний – в новом переводе. Введения и примечания зачастую ясные и полезные.

Robinson, James M., ed. *The Nag Hammadi Library in English*. 3rd rev. ed. San Francisco: Harper, 1988.

Эпохальный перевод всей библиотеки Наг-Хаммади, открытой в 1945 году. Пересмотренное издание 1988 года не имеет индекс предыдущего издания и содержит равнодушное послесловие.

Schmidt, Carl, ed. *Pistis Sophia*. Leiden: Brill, 1978.

Полезная альтернатива Миду в более читабельном переводе. Точно и научно.

The Books of Ieu and the Untitled Text in the Bruce Codex. Leiden: Brill, 1978.

Только доступный перевод содержания Кодекса Брюса. Книга Иеу имеет бесценное значение как источник Гностической теургии. К сожалению, перевод слов пояснительных диаграмм Книги Иеу является неполноценным.

Приложение В. Краткий Гностический Глоссарий.

Ниже приводится краткий список гностических терминов. Он содержит имена мифических существ, проявляющихся в Гностических Писаниях, а также понятия, используемые в гностическом контексте. Список далеко не полон и предназначен для основной помощи в чтении и понимании гностической литературы.

Абракасас (варварское слово) – имя, данное гностиками искупленному архонту, сыну Софии, который занял позицию правителя на седьмом небе. Он изображается как существо с головой петуха, туловищем человека и ногами, стилизованными змеями. ABRAXAS

изображен на множестве гностических амулетов, обнаруженных после исчезновения гностических движений в Александрии и Сирии.

Ахамот (иврит) – анаграмма Хокма, что означает мудрость; обычно ассоциируется с низшим аспектом Софии.

Эон (греч.) – эмануирующий аспект Божественной Реальности. Эоны часто представляются как соединенная пара (мужское и женское), уравнивающая друг друга.

Антропос (греч.) – человек. Небесный прототип человечества, исходящий из Конечной Реальности.

Архон (греч.) – правитель. Низшее космическое существо, которое правит и накладывает ограничения на творение.

Варварские слова – слова, не происходящие ни из одного известного языка, обычно состоящие из гласных и зачастую используемые в Гностических писаниях и ритуалах как слова силы.